

ФАКУЛЬТЕТ
ФИЛОСОФИИ
И СОЦИАЛЬНЫХ
НАУК

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

T. Dahlgren

ПАМЯТЬ
И СЛАВА

MEMORIA ET GLORIA

Георгий
Петрович
ДАВИДЮК

К 100-летию
со дня рождения

УДК 316(476)(091)(092)
ББК 60.51(4БЕи)-81
П15

Серия основана в 2003 г.

Составитель
А. Н. Данилов

Редакционная коллегия
А. Н. Данилов (отв. ред.),
И. Н. Андреева, М. Г. Волнистая, Ж. М. Грищенко,
П. Г. Давидюк, Д. Г. Ротман, Л. Г. Титаренко

Рецензенты:
член-корреспондент НАН Беларуси,
доктор философских наук, профессор *П. А. Водопьянов*;
доктор социологических наук, профессор *О. В. Кобяк*

Использованы фотоматериалы
из семейного архива *Г. П. Давидюка*,
личных архивов *А. Н. Данилова*, *М. Г. Волнистой*

Память и слава: Георгий Петрович Давидюк. К 100-летию со дня
П15 **рождения / сост. А. Н. Данилов ; редкол.: А. Н. Данилов (отв. ред.)**
[и др.]. – Минск : БГУ, 2023. – 247 с. : ил. – (Memoria et Gloria).
ISBN 978-985-881-482-3.

Книга посвящена жизни и деятельности доктора философских наук, профессора, активного участника партизанского движения в Беларуси Г. П. Давидюка. Представлено научное и педагогическое наследие ученого, воспоминания коллег, родных и близких, друзей и учеников.

УДК 316(476)(091)(092)
ББК 60.51(4БЕи)-81

ISBN 978-985-881-482-3

© БДУ, 2023

MEMORIA ET GLORIA

*М*ак называется серия, посвященная ученым Белорусского государственного университета, внесшим большой личный вклад в развитие науки и образования. Это дань памяти тем, кто прославил нашу альма-матер, нашу страну, оставил значительный вклад в отечественной науке.

*З*адачи серии «MEMORIA ET GLORIA» – познакомиться с научным наследием, педагогической деятельностью, воссоздать живой портрет ученого по документам и воспоминаниям современников.

*И*здание посвящено известному белорусскому ученому доктору философских наук, профессору Георгию Петровичу Давидюку (1923–2020). Он является основателем белорусской социологической школы, создателем первых учебников и уникального энциклопедического «Словаря прикладной социологии», подготовившим не одно поколение социологов.

*К*нига знакомит с жизнью и деятельностью профессора Г. П. Давидюка, наследием ученого, воспоминаниями его коллег, родных и близких, друзей и учеников.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга о человеке, ставшем легендой при жизни, – докторе философских наук, профессоре Георгии Петровиче Давидюке. Общение с ним, рассказы о его жизни и деятельности заражали окружающих желанием творить и жить. С честью пройдя самые невероятные испытания, не раз глядя смерти в лицо, он не только выжил и победил, но и самоотверженным трудом воздвиг себе памятник нерукотворный. Он из сурового поколения: в девятнадцать – дерзкий партизанский командир, после войны – выпускник института, первопроходец в науке, который возрождал социологию в Беларуси, смелый экспериментатор в образовании. Он учитель по призванию, смелый и бескомпромиссный, требовательный и внимательный, обязательный и бесстрашный в отстаивании научной истины. Георгий Петрович своим жизненным примером заслуженно имел большой авторитет и уважение среди студенчества и научной общественности страны, по праву признан родоначальником белорусской социологической школы. Его ученики сегодня достойно продолжают дело учителя, своим трудом отвечая на вызовы современности.

Бедствий, выпавших на долю Георгия Петровича, хватило бы не на одну человеческую жизнь. Он с малолетства познал на себе тяжелый крестьянский труд, надо было помогать выживать семье. В школу ходил, когда позволяла работа. До войны окончил шесть классов польской общеобразовательной школы.

Посмотрите внимательно на воспроизведенную в книге старую фотографию – коллективный портрет группы белорусских партизан. Это подразделение Георгия Петровича Давидюка перед выходом на очередное боевое задание. Сосредоточенные, мужественные молодые лица бойцов. Они неплохо вооружены: автоматы, винтовки, на первом плане – пулемет Максим. Чтобы не заслонять друг друга перед объективом фотоаппарата, выстроились веером: кто-то присел, пулеметчик даже прилег, конники образовали верхний ряд. В центре лихой командир – Георгий Давидюк. Воевал отчаянно и доблестно: за чужие спины не прятался, его рота выполняла

самые тяжелые задания, был трижды ранен. Сегодня можно только удивляться, какие сильные и непокорные характеры ковало то суровое время.

После освобождения Беларуси – ответственная работа, одновременно учеба, поиск своего места в жизни. Завершение образования в Минском педагогическом институте имени Максима Горького (1952), работа в партийных структурах Брестской области, ЦК КП Беларуси, учеба в Академии общественных наук в Москве, защита кандидатской диссертации (1959), работа в Институте философии и права Академии наук БССР. В 1969 г. Г. П. Давидюк успешно защитил докторскую диссертацию по философским наукам. С 1970 г. – профессор. С его лидерским характером, высоким авторитетом, целеустремленностью и желанием трудиться он постоянно был на передовой. Таким он пришел в науку и высшую школу.

Во все времена большого результата добиваются ученые, которые наравне с недюжинным природным талантом, интеллектом и огромным трудолюбием проявляют настойчивость и упорство в отстаивании своей научной позиции. Они заражают энергией других, рискуя репутацией и честью исследователя, развивают новые научные направления и тем самым ведут к победам своих коллег и учеников. Почти за двухвековую историю на долю социологии выпало много испытаний. Не каждому по душе увидеть в зеркале исследования свое истинное отражение без ретуши и грима. Но и не каждый ученый способен сохранить верность научной истине и представить общественности реальную картину. Нравственный пример таких подвижников, как Георгий Петрович Давидюк, всегда служит путеводной звездой для восхождения в профессии.

Возрождающаяся социология в СССР после долгих десятилетий гонений и запретов постепенно оживала, демонстрируя свою необходимость послевоенному обществу. Стали шире практиковаться социологические опросы, появились первые статьи в научных изданиях, начали создаваться небольшие научные подразделения социологического профиля, появились газетные публикации. Георгий Петрович попал в первый призыв социологов в одном ряду с классиками – А. Г. Здравомысловым, Ю. А. Левадой, Г. В. Осиповым, В. А. Ядовым, Б. А. Грушиным, В. Н. Шубкиным, А. Г. Харчевым, Ж. Т. Тощенко и др. Первые ряды советских социологов, как первый отряд космонавтов, состояли сплошь из ученых с биографией, большим социальным опытом, людей, одержимых своей работой в новой науке. Сегодня их труды – мощный фундамент для подготовки современных высококвалифицированных специалистов, ученых-социологов.

Профессор Г. П. Давидюк многое в жизни делал первым. Первым обратил внимание на огромный потенциал социологической науки, создал сек-

тор, затем отдел социологических исследований в Академии наук БССР, первым организовал подготовку социологов в БГУ, написал первые учебные программы и учебники по прикладной социологии, создал первый «Словарь прикладной социологии», при кафедре философии организовал сектор прикладной социологии и первым начал работать с предприятиями и организациями на договорной основе, «прорубил окно в Европу» для белорусских социологов. На его пути встречалось разное: непонимание власть предержащих, зависть коллег, доноительство. Однако Георгий Петрович стоял на своем – социологии в Беларуси быть.

Георгий Петрович не учился в БГУ, но для университета сделал чрезвычайно много. С 1972 г. по приглашению ректора В. М. Сикорского он перешел из Академии наук и навсегда связал свою жизнь с ведущим белорусским вузом. Здесь сформировалась его научная школа, в полную силу раскрылся талант педагога и исследователя, осуществилась мечта – социология получила прописку в высшей школе. Закономерно то, что первым из преподавателей факультета философии и социальных наук он был удостоен высокого звания – заслуженный работник БГУ.

Вспоминая Георгия Петровича Давидюка, мы не просто переживаем встречу со своим прошлым, но и выстраиваем образ будущего. Передаем сегодняшним студентам и коллегам помладше опыт незабываемых лет, когда мы вслед за своим учителем дерзнули связать жизнь с профессиональной социологией. Сформировавшаяся в нужде скромность, близкая к аскетизму, минимизированная с годами структура потребностей, умение довольствоваться малым и при этом оптимистично смотреть в будущее – все это давало Георгию Петровичу новые силы и для физического труда, без которого, как это понимается уже в зрелом возрасте, жить просто невозможно. До последних дней своей долгой жизни он был несгибаем и крепок духом. Таков наш легендарный профессор Г. П. Давидюк – воин, ученый, педагог.

Александр Данилов,
заведующий кафедрой социологии
факультета философии и социальных наук БГУ,
член-корреспондент НАН Беларуси

*В*ОИН, УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ

ОСНОВОПОЛОЖНИК СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В БЕЛАРУСИ

С. В. Натусевич,
кандидат исторических наук

Георгий Петрович Давидюк стоял у истоков возрождения социологической науки в Беларуси в 1960–70-х гг. Благодаря его усилиям в 1968 г. в Институте философии и права Академии наук БССР был открыт сектор социальных исследований, положивший начало Институту социологии Национальной академии наук Беларуси.

В 1972 г. ученый возглавил кафедру марксистско-ленинской философии гуманитарных факультетов БГУ, при которой был создан сектор прикладной социологии – крупнейшее в БССР учреждение, проводившее в 1970-х гг. социологические исследования. Одновременно Георгий Петрович долго заведовал университетской проблемной научно-исследовательской лабораторией социологических исследований. Под его руководством в 1970–80-х гг. лаборатория была востребованным в различных сферах республики научным центром.

По инициативе ученого на философском отделении исторического факультета БГУ была организована подготовка социологов и открыта первая аспирантура по специальности «прикладная социология». Георгий Петрович – автор первых в СССР учебных пособий и «Словаря по прикладной социологии».

Георгий Петрович Давидюк родился в д. Камень-Шляхецкий Кобринского повета Полесского воеводства II Польской Республики (сегодня д. Октябрь Кобринского района). Его родители Петр Макарович и Ольга Тимофеевна были батраками. Свой дом они построили на двух сотках земли богатого крестьянина, за что Ольга Тимофеевна каждое лето в течение двух дней собирала рожь на его земле. В остальное время она преимущественно вела домашнее хозяйство, хоть иногда и занималась на поденную

работу. Семью в основном содержал Петр Макарович, который круглогодично работал на чужой земле за небольшую плату. Зимой, когда количество работы резко уменьшалось, отец подрабатывал в собственной кузнице. В семье было пятеро детей. Поскольку Георгий был старшим ребенком, его очень рано стали привлекать к труду. Мальчик каждое лето работал пастухом у богатых крестьян. С мая по октябрь он жил в хозяйских семьях, а по окончании сезона приносил своей семье заработанное – пять-шесть мешков ржи. Зимой Георгий посещал польскую начальную школу. Несмотря на пропуски занятий, учился он хорошо. Каждое лето родители отдавали сына на работу к новому хозяину, владевшему более крупным поголовьем скота, и поскольку стадо увеличивалось, то и доход рос.

В 1937 г. Георгий окончил последний, шестой класс польской начальной школы. В связи с материальными трудностями в семье дальнейшая учеба в гимназии даже не обсуждалась. Юноша пошел по стопам отца, стал работать батраком у крупных землевладельцев. Два года спустя, 1 сентября 1939 г., нацистская Германия напала на Польшу. 17 сентября 1939 г. соединения Красной армии вторглись в республику с востока. В течение месяца польское государство было захвачено. В ноябре 1939 г. Западная Беларусь вошла в состав БССР. Эти события кардинально изменили положение семьи Давидюков. Уже в октябре 1939 г. безземельные и малоземельные крестьяне Полесского воеводства получили от советской власти конфискованную у крупных землевладельцев землю. Помимо земли, Петру Макаровичу передали лошадь и некоторый сельскохозяйственный инвентарь. В новых условиях Георгий смог продолжить учебу в школе. Из-за смены языка преподавания всех учащихся перевели на два класса ниже, поскольку необходимо было начинать с русской азбуки. По этой причине мальчик пошел учиться в пятый класс советской средней школы. Тем временем на полях Европы и Азии шли ожесточенные бои Второй мировой войны. Утром 22 июня 1941 г. немецкие войска пересекли советскую границу. Уже на второй день войны немцы захватили Антопольский район Брестской области, где жила семья Давидюков.

В первые дни войны в Беларуси начало формироваться партизанское движение. Его зарождение в Антопольском районе связано с именем Николая Тимофеевича Шиша. Будучи оперуполномоченным НКВД, в июле – сентябре 1941 г. он участвовал в обороне Киева, смог вырваться из «котла» и вернуться домой в д. Худлин, где организовал партизанский отряд. В мае 1942 г. в этих местах был создан отряд под руководством Б. К. Лукашука, в который вступил и 18-летний Георгий Давидюк. В скором времени произошло объединение трех партизанских отрядов,

действовавших в районе Березинского канала. Объединенному отряду присвоили имя погибшего Н. Т. Шиша. Георгия Петровича Давидюка назначили командиром отделения численностью около 10 бойцов. Он участвовал во всех крупных сражениях своего отряда и в конце 1942 г. был награжден медалью «За боевые заслуги». В феврале 1943 г. немцы провели армейскую операцию по блокированию и уничтожению партизан Пинского Полесья. После трех дней оборонительных боев партизаны, в том числе и отряд им. Н. Т. Шиша, под общим руководством В. З. Коржа с боями отступили на запад. В одном из сражений Г. П. Давидюк поднял свое отделение в атаку, получил ранение в правое плечо, но продолжал командовать до тех пор, пока враг не был разбит. За этот героический поступок он был представлен к ордену Красного Знамени и назначен командиром взвода.

В конце 1943 г. во время разведки под Кобрином Георгий Петрович, спасаясь от немецких патрулей, провалился под лед и повредил ноги. Около месяца партизанского командира выхаживали местные крестьяне. После восстановления Г. П. Давидюк был назначен командиром роты отряда им. Н. Т. Шиша. В феврале 1944 г. его рота участвовала в ожесточенных оборонительных боях на территории современного Дрогичинского района. Во время наступления вражеского танкового взвода Георгий Петрович был тяжело ранен, но продолжал командовать до прихода подкрепления. Военный врач прооперировал его в землянке, затем партизан был эвакуирован в госпиталь в Москву.

На лечении Г. П. Давидюк находился около месяца. После выздоровления он был направлен в Белорусский штаб партизанского движения, располагавшийся в д. Чёнки Гомельского района, оттуда – в Гомельский военкомат. Ввиду тяжести ранения Георгий Петрович был признан негодным для продолжения военной службы и назначен заведующим складом Гомельского пересыльного пункта, а вскоре принят в члены ВКП(б). В Гомеле Г. П. Давидюк встретил победу, демобилизовался и в ноябре 1945 г. вернулся к родителям, которые во время войны вместе с младшими детьми вынуждены были уехать в Брест, чтобы избежать расправы из-за сына-партизана. В Бресте родился младший брат Георгия Петровича Николай (1943–2003).

Г. П. Давидюк устроился работать инспектором по кадрам в Брестском облуправлении трудорезервов и одновременно стал учиться в вечерней школе. Вскоре молодой человек познакомился с Клавдией Степановной Дроздовой (род. 29.11.1928), которая училась в Бресте на курсах счетоводов. Летом 1949 г. они поженились, а 2 апреля 1950 г. у них родился сын Петр. В августе 1949 г. облуправление трудорезервов было ликвидировано,

Георгия Петровича назначили заведующим отделом культпросветучреждений Брестского горисполкома. Летом 1950 г., в 27 лет, он окончил среднюю школу и по направлению обкома партии поступил в Республиканскую двухгодичную партийную школу, а также в Минский государственный педагогический институт имени Максима Горького. Пятилетнюю программу института Г. П. Давидюк освоил за два года и сдал все экзамены экстерном. 27 июня 1952 г. ему была присвоена квалификация «преподаватель истории средней школы», а 30 июля того же года он с отличием окончил Республиканскую партийную школу по специальности «парработник».

Высокообразованный специалист был направлен в ЦК КПБ на должность лектора Брестского обкома партии. В это время Г. П. Давидюк по совместительству читал курс диалектического материализма в Брестском педагогическом институте. В августе 1953 г. Георгий Петрович стал заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации, а в июне 1954 г. – руководителем лекторской группы Брестского обкома КПБ. В сентябре 1955 г. по рекомендации ЦК КПБ он поступил в аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС на философское отделение. Вместе с ним в Москву переехала и супруга Клавдия Степановна. Здесь аспирант освоил английский и немецкий языки, стал публиковаться в научных изданиях. Во время учебы подготовил кандидатскую диссертацию «Основные черты современного ревизионизма», опираясь на польские, английские и немецкие источники. Диссертация получила высокую оценку членов ученого совета и успешно была защищена. 10 июля 1959 г. Георгию Петровичу Давидюку решением Совета Академии общественных наук была присуждена ученая степень кандидата философских наук.

В августе 1959 г. Г. П. Давидюк окончил Академию и был направлен работать в Минск лектором ЦК КПБ в Минскую высшую партийную школу (бывшая Республиканская партийная школа). Здесь он читал курс диалектического материализма. 14 февраля 1960 г. у Георгия Петровича родилась дочь Елена.

В начале 1962 г. решением Высшей аттестационной комиссии Г. П. Давидюку было присвоено ученое звание доцента по кафедре диалектического и исторического материализма Минской партийной школы. В августе – сентябре 1962 г. в составе советской делегации он посетил 124-ю конференцию Британской научной ассоциации в Манчестере (Великобритания). К этому времени была опубликована его монография «Основные черты современного ревизионизма», написанная на основании кандидатской диссертации. Книгу раскритиковали в югославской прессе, главным образом в газете «Борьба». Автора обвинили в клевете на югославское руко-

водство, в том числе на И. Б. Тито. Чтобы сгладить последствия, Г. П. Давидюку предложили перейти из Минской партийной школы в Институт философии и права АН БССР.

В 1960-х гг. сложилась благоприятная политическая обстановка для развития социологии. К концу правления Н. С. Хрущева СССР столкнулся с политическим и экономическим кризисом. С 1963 по 1965 г. советский экономист Е. Г. Либерман подготовил проект реформы, призванный вывести страну из тупика. В 1965 г. началась реализация этого проекта под руководством Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина. Реформа представляла собой попытку расширения экономической самостоятельности предприятий. Появилась необходимость в инструменте для выявления социально-экономических и социально-политических проблем, существовавших в советском обществе. Этим инструментом стала залейменная в 1920-х гг. «буржуазная лженаука» – социология. Важным шагом в процессе ее институционализации в Беларуси было постановление Президиума ЦК КПБ от 9 ноября 1965 г. «Об организации конкретно-социологических исследований в республике». Это постановление обязывало Президиум АН БССР, руководство отделения общественных наук, институтов философии и права, экономики, истории, а также Министерства высшего, среднего специального и профессионального образования БССР разработать мероприятия по усилению социологических исследований в НИИ и высших учебных заведениях. В частности, было предложено создать лаборатории социологических исследований при БГУ и в Институте народного хозяйства. Этим же постановлением при ЦК КПБ был создан Республиканский общественный институт социологических исследований для контроля за их идеологической составляющей.

Георгий Петрович заинтересовался социологией еще во время учебы в Академии общественных наук в Москве. Возрождение этой науки в конце 1950-х гг. в стенах Института философии АН СССР и Ленинградского университета связано с именами молодых и перспективных ученых: Г. В. Осипова, А. Г. Здравомыслова, В. А. Ядова, Г. М. Андреевой и др. Возглавив сектор исторического материализма в Институте философии и права АН БССР, Георгий Петрович занялся разработкой темы «Социальная структура советского общества». Дирекция Института во главе с К. П. Бусловым всячески поддерживала его начинания. В середине 1960-х гг. Президиум АН БССР позволил Институту заключать хоздоговоры с предприятиями. На их основе сектор стал проводить социологические исследования на заводах и в колхозах. Постепенно увеличивался штат научных сотрудников и расширялась тематика исследований. В результате сектором историче-

ского материализма были изданы две коллективные монографии: «Социальные изменения рабочего класса Белоруссии в процессе строительства коммунизма» (1964) и «Строительство коммунизма и социальные изменения крестьянства в Белоруссии» (1966).

12 февраля 1965 г. решением Президиума АН БССР Г. П. Давидюку было присвоено ученое звание старшего научного сотрудника. В эти годы он активно занимался подготовкой докторской диссертации, изучал оригинальную англоязычную литературу и в наибольшей степени заинтересовался произведением американского экономиста Дж. К. Гэлбрейта «The New Industrial State» (1967), впоследствии переведенным на русский язык под названием «Новое индустриальное общество» (1969). Схожее впечатление у него оставила книга американского социолога Д. Белла «The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting» (1973), переведенная на русский язык как «Грядущее постиндустриальное общество» (1999). В 1968 г. вышла в свет монография Г. П. Давидюка «Критика теории “единого индустриального общества”», написанная им во время работы над докторской диссертацией. Книга получила высокую оценку московских и ленинградских коллег. В феврале 1969 г. состоялась успешная защита докторской диссертации на ту же тему: «Критика буржуазной теории “единого индустриального общества”». Решением Высшей аттестационной комиссии от 3 октября 1969 г. Георгию Петровичу Давидюку была присуждена степень доктора философских наук, а 28 октября 1970 г. присвоено ученое звание профессора по специальности «диалектический и исторический материализм».

В декабре 1968 г. Президиумом АН БССР было принято решение о создании в Институте философии и права сектора социальных исследований во главе с Г. П. Давидюком. Вслед за ним в сектор перешла большая часть сотрудников сектора исторического материализма. Штат пополнялся и новыми исследователями. Сложился сильный коллектив ученых: Г. П. Давидюк, И. Я. Писаренко, Р. В. Гребенников, И. И. Жбанкова, З. Н. Монич, Л. В. Дмитрук и др. Создание сектора, рост числа и уровня квалификации сотрудников позволили расширить тематику исследований: в частности, социальные последствия научно-технической революции в селе, руководство социальными процессами, социальное планирование в городе и деревне. В 1970 г. социологи сектора организовали исследование проблем социального планирования предприятий и разработали методику «Перспективное социальное развитие производственного коллектива». В том же году сектор социальных исследований был преобразован в отдел социологических исследований со следующими секторами: социо-

логия управления, социальное планирование и социальные проблемы села. По итогам исследований отдел предоставлял предприятиям и колхозам, где они проводились, отчеты, выводы и рекомендации по планированию и организации рабочих процессов. Были выпущены коллективные монографии: «Структура советской интеллигенции» (1970), «Проблемы социальной структуры села» (1971), «Научно-технический прогресс и социальные изменения села» (1972).

В мае 1968 и мае 1972 г. Георгий Петрович ездил в составе советских делегаций на симпозиумы ЮНЕСКО во Францию, где выступал с докладами о методах долгосрочного социального планирования. За свои исследования в 1967 г. он был награжден Грамотой Верховного Совета БССР и медалью «За трудовое отличие», а в 1972 г. – Почетной грамотой Верховного Совета БССР. В том же году белорусский ученый вошел в состав Президиума Правления Советской социологической ассоциации. Несмотря на очевидные успехи, на коллектив отдела социологических исследований оказывалось значительное давление. Не со всеми выводами исследователей были готовы мириться руководители заводов и колхозов, члены партбюро Института философии и права и другие «ортодоксально» настроенные сотрудники.

Весной 1972 г. партбюро Института рассматривало персональное дело двух заведующих секторами отдела социологических исследований. Их обвинили в аморальном поведении, объявили взыскания и предложили оставить институт. Г. П. Давидюка отчитали за слабую идеологическую работу в коллективе. Тогда же ректор БГУ профессор В. М. Сикорский предложил ему перейти в университет заведовать новой кафедрой философии гуманитарных факультетов, дав при этом обещание не ограничивать хозяйственные социологические исследования и открыть специализацию по социологии. Георгий Петрович принял это предложение. Вскоре после его ухода в академическом отделе социологических исследований ликвидировали сектора и переименовали его в отдел управления социальными проблемами. Дальнейшее развитие социологии в Институте философии и права АН БССР связано с именем доктора философских наук, профессора Евгения Михайловича Бабосова. Впоследствии на фундаменте, заложенном Г. П. Давидюком, он вместе с другими учеными продолжил исследования в созданном в 1990 г. Институте социологии АН БССР (с 1991 г. НАН Беларуси).

Сотрудничество Георгия Петровича с БГУ началось в сентябре 1969 г., когда он был приглашен читать лекции по социологии студентам философского отделения на условиях совместительства. В 1972 г. кафедру

марксистско-ленинской философии БГУ разделили на две: естественных и гуманитарных факультетов. С декабря 1972 г. Г. П. Давидюк исполнял обязанности заведующего кафедрой гуманитарных факультетов, а 22 января 1973 г. был избран на должность заведующего. Первым делом он приступил к формированию коллектива. В 1973–1974 гг. из Белорусского политехнического института (БПИ) на кафедру перешли В. С. Стёпин и А. Н. Елсуков, из Института философии и права АН БССР – И. Я. Писаренко и другие исследователи.

Однако начало возрождению социологии в БГУ было положено чуть ранее – сразу после выхода в свет постановления Президиума ЦК КПБ от 9 ноября 1965 г. В соответствии с ним в 1967 г. в университете была создана проблемная научно-исследовательская лаборатория социологических исследований (ПНИЛСИ). В октябре 1974 г. заведующим ПНИЛСИ был назначен Г. П. Давидюк. Лаборатория к тому времени состояла из двух отделов: проблем студенческой молодежи и эффективности идеологической работы. Исследования в ПНИЛСИ проводились по заданию Министерства высшего и среднего специального образования, партийных и комсомольских органов и финансировались из госбюджета. После прихода Г. П. Давидюка появилось два новых отдела: социологии труда и проблем советской семьи.

Г. П. Давидюк и И. Я. Писаренко принесли в БГУ практику проведения хоздоговорных социологических исследований. С этой целью при кафедре марксистско-ленинской философии гуманитарных факультетов в 1974 г. был создан сектор прикладной социологии (СПС). Его сотрудники, как и в отделе социологических исследований Института философии и права АН БССР, заключали договоры с предприятиями и колхозами, проводили исследования в рабочих коллективах, готовили отчеты и рекомендации для их руководства, а после, опираясь на собранный эмпирический материал, писали научные работы и защищали диссертации. В связи с расширением исследовательской работы перед ПНИЛСИ и СПС остро стоял кадровый вопрос. Изначально новых сотрудников набирали из студентов и выпускников факультета философии, которые, прослушав лекции Г. П. Давидюка, заинтересовались социологической наукой, но уже в 1974 г. на философском отделении исторического факультета БГУ было открыто социологическое направление подготовки. Первый выпуск студентов, обучающихся по специальности «философ, прикладной социолог», состоялся в 1977 г. Трое выпускников были приняты в аспирантуру БГУ по специальности «прикладная социология». К началу 1980-х гг. таких аспирантов было уже более 20. Для подготовки студентов Георгий

Петрович написал первые в СССР учебники по прикладной социологии: «Введение в прикладную социологию» (1975) и «Прикладная социология» (1979). Под его руководством сотрудниками СПС был подготовлен ряд коллективных монографий.

Георгий Петрович руководил разработкой проекта плана социально-экономического развития г. Минска на 1976–1980 гг., по итогам которой была выпущена коллективная монография «Методологические указания по разработке комплексного плана экономического и социального развития Минска на 1976–1980 гг.» (1975). За разработку методики по составлению плана коллектив исследователей удостоился золотой медали ВДНХ. В 1976 г. по инициативе Г. П. Давидюка было учреждено Белорусское отделение Советской социологической ассоциации, которое объединило усилия социологов всей республики. В марте 1978 г. ученый был награжден второй Почетной грамотой Верховного Совета БССР.

В 1970-х гг. Г. П. Давидюк неоднократно представлял белорусскую социологию на международном уровне: выступал с лекциями в университетах Чехословакии (апрель – май 1974 г.); в составе советской делегации участвовал в работе VIII Международного социологического конгресса (август 1974 г., Канада); читал лекции в Йенском университете им. Фридриха Шиллера (сентябрь 1975 г., ГДР) и в Люблянском университете (1976 г., Югославия); в составе группы Всесоюзного общества «Знание» ездил в Шри-Ланку (ноябрь 1977 г.); в составе советской делегации участвовал в работе IX Международного социологического конгресса (август 1978 г., Швеция); читал лекции в Ягеллонском университете (октябрь – ноябрь 1979 г., Польша).

Помимо проведения социологических исследований, кафедра марксистско-ленинской философии гуманитарных факультетов готовила профессиональных философов. Однако в связи с тем, что Г. П. Давидюк увлекался именно социологией, философские исследования временно оказались на периферии научной работы, проводимой на кафедре. Их главным организатором стал В. С. Стёпин, разработавший к тому моменту собственную философскую систему, признанную в Советском Союзе. Благодаря незаурядному таланту В. С. Стёпин быстро обрел популярность среди студентов и коллег. В итоге на кафедре образовалось два противоположных «научных лагеря», состоявших из последователей Г. П. Давидюка и В. С. Стёпина. Напряжение между ними постепенно нарастало, их представители все активнее отстаивали свои научные позиции. В конце концов возникшие противоречия были разрешены посредством вмешательства администрации университета, и 25 апреля 1981 г. долж-

ность заведующего кафедрой философии гуманитарных факультетов занял В. С. Стёпин. В тот же день Г. П. Давидюк был переведен на должность заведующего ПНИЛСИ. С 1976 г. он не заведовал лабораторией, хоть и поддерживал с ней тесные отношения. В ПНИЛСИ перешли работать многие сотрудники СПС. Лаборатория по-прежнему состояла из четырех отделов: эффективности идеологической работы и СМИ, проблем студенческой молодежи, проблем семьи и социологии труда. Каждый отдел разрабатывал собственную тему, рассчитанную на пять лет. Став заведующим, Георгий Петрович добился увеличения финансирования, благодаря чему ПНИЛСИ пережила второй расцвет. Основным результатом его работы и деятельности лаборатории в этот период стало создание в 1984 г. первого в Советском Союзе «Словаря прикладной социологии» (в 1991 г. он был переработан и издан под названием «Социологический словарь»). Многие сотрудники написали собственные монографии.

В 1983 г. в честь 60-летия Георгий Петрович был награжден Почетной грамотой Министерства высшего и среднего специального образования БССР и значком «За отличные успехи в работе». В 1984 г. ученого наградили медалью «Ветеран труда» и орденом Отечественной войны I степени.

В апреле 1986 г. Г. П. Давидюк был переведен с должности заведующего лабораторией на должность старшего научного сотрудника сектора проблем студенческой молодежи. На его место была назначена С. Н. Бурова, а после – С. Д. Лаптенюк. В мае 1987 г. Георгий Петрович перешел на должность профессора кафедры марксистско-ленинской философии Института повышения квалификации БГУ. В 1992 г. из лаборатории с группой научных сотрудников ушел профессор О. Т. Манаев. Он создал Независимый институт социально-экономических и политических исследований (НИСЭПИ), а в 1996 г. профессор Д. Г. Ротман с группой коллег создал Центр социологических и политических исследований БГУ. Таким образом, ПНИЛСИ прекратила свое существование.

В Институте повышения квалификации БГУ Г. П. Давидюк работал в качестве совместителя с 1974 г. (с перерывом в 1984–1986 гг.). Ученый по-прежнему участвовал в деятельности Белорусского отделения Советской социологической ассоциации, преподавал, ездил в научные командировки по СССР, в Польшу, Германию, Австрию и т. д. В первой половине 1989 г. в БГУ был создан философско-экономический факультет (ФЭФ) с отделениями философии, политэкономии и социологии. Новый факультет и первую в республике кафедру социологии возглавил Альберт Николаевич Елсуков, работавший под началом Г. П. Давидюка в 1974–1981 гг. С сентября 1991 г. Георгий Петрович приступил к работе на кафедре социоло-

гии БГУ в качестве профессора на условиях совместительства, а с октября 1992 г. – в качестве штатного сотрудника. В июле 1993 г. он читал лекции на факультете социологии Билефельдского университета (ФРГ). На кафедре социологии БГУ ученый проработал до конца 1995 г., а в 72 года вышел на пенсию. В 2008 г. профессор был награжден Грамотой БГУ, а в 2010 г. стал обладателем почетного звания «Заслуженный работник БГУ».

Умер Георгий Петрович Давидюк 10 ноября 2020 г., прожив 97 лет. На пенсии он отошел от научной работы, хотя и выступал в качестве оппонента и рецензента на защитах диссертаций по социологии, не отказываясь консультировать молодых ученых. За время научной деятельности под его руководством было подготовлено 48 кандидатов наук, 12 из которых впоследствии стали докторами философских и социологических наук. Фактически им была воспитана плеяда ученых, под его руководством произошло возрождение социологической науки в Беларуси. Помимо военного и научного подвигов, Георгий Петрович также совершил и подвиг семейной жизни, совместно прожив с супругой Клавдией Степановной 71 год. В своем упорстве, характере, трудолюбии, преданности делу и близким людям Георгий Петрович Давидюк навсегда останется для каждого члена коллектива БГУ примером для подражания.

ДРУГАЯ ВОЙНА¹

Э. Б. Нордман (1922–2006),
*один из организаторов партизанского
движения в Беларуси, генерал-майор*

Осенью 1943 года 1-й Белорусский и 1-й Украинский фронты стремительно продвигались на Запад. Ближе других к партизанской зоне была 47-я армия, входившая в состав 1-го Украинского фронта, а затем 1-го Белорусского фронта. Пинские партизанские бригады прикрывали войска армии с севера, со стороны канала.

Оккупанты, в свою очередь, стремились во что бы то ни стало разгромить партизан в зоне Днепробуга. Командующий немецкой группировкой генерал-фельдмаршал Эрнст Буш приказал отбросить нас от канала и восстановить шлюзы. И вот 21 февраля 1944 года началось наступление

¹ Печатается по: Нордман Э. Б. Не стреляйте в партизан... Минск : Беларусь, 2007. С. 113–114.

по фронту более 60 километров. <...> Трое суток не стихал бой. Противник был отбит, понесся большие потери. <...> В третью атаку противник двинул танковый взвод. Георгий Давидюк приказал приготовить связки гранат. Один танк был подбит. <...> Правее роты Давидюка действовал отряд имени Петра Паталаха. Дзот, в котором находился командир отряда Савелий Степанович Соломко, вел напряженный бой, не давая противнику прорваться к каналу. Тогда мадьяры подтянули пушку и прямой наводкой разбили дзот. Погибли Савелий Соломко, пулеметчик Николай Шаштаев, контузило Федора Киримова. Ранило командира роты Георгия Давидюка. Доктор Моник Авиковский оперировал его в землянке без наркоза: «Стакан спирта и крепко стисни зубы...».

Терпел командир. После операции он продолжал руководить боем...

В БОЙ ВСТУПИЛА РОТА ДАВИДЮКА¹

В. А. Литвинчук (1930–2020),

*участник партизанского движения в Беларуси
в годы Великой Отечественной войны, писатель*

День был воскресный. Молодежь деревни Заречка устроила нехитрые сельские гулянья. К ним присоединились бойцы отряда имени Шиша. Партизаны вышли на круг. Сельские девчата запели «Сербиянку», потом частушки. Все закрутились в хороводе. Даже старики не выдержали и пришли полюбоваться, как веселится молодежь. Словно не было войны и ничто не угрожало деревне. Повеселившись, партизаны легли спать, расставив посты.

Рано утром пулеметные очереди прервали крепкий сон бойцов. С севера по дороге Дрогичин – Заречка двигались подразделения мадьяров. Они расползлись по сторонам, готовились к наступлению.

Партизаны не успели еще подтянуть к каналу все свои силы, значительная часть которых выполняла боевое задание на севере Днепро-Буга. 21 февраля 1944 года вражеские войска двумя колоннами, отесняя небольшие подразделения партизан, вышли с боем на рубеж Днепро-ско-Бугского канала. Взорвав некоторые переправы через канал, бригада Герасимова преградила путь превосходящим силам противника. Враг

¹ Печатается по: Литвинчук В. А. Там, за Днепро-Бугом. Брест : Брестпечать, 1992. С. 228–324.

вводил все новые резервы, чтобы прорвать оборону, отбросить партизан вглубь зоны и овладеть каналом. Трое суток шел бой за овладение переправами на трех дорогах, пересекающих Днепро-Буг. Но самоотверженность и героизм бойцов не позволили врагу достичь своей цели.

Самоотверженно вступила в схватку с мадьярами рота Георгия Давидюка отряда имени Шиша на участке Ляховичи – Заречка. Противник так стремительно атаковал партизан, что те даже не успели взорвать временно построенный мост через канал. С северной его стороны из района Дошника, где размещалась застава, пробивалась с боем группа партизан во главе с Николаем Черкасовым. Под обстрелом противника она никак не могла подойти к переправе и пробраться на южную сторону канала. На помощь группе поспешил с бойцами командир взвода Борис Шеляков, а с южного вала канала ее поддерживали пулеметы. Группе удалось вырваться из тисков и перейти канал. Но на подрыв моста ей уже времени не хватило. Мадьяры стремительно наступали.

Заняв северную часть канала, противник атаковал роту Давидюка, пытался прорваться через мост, форсировать в разных местах водную преграду. Решительно действовал в этой обстановке комвзвода Борис Шеляков. Он подхватил крупнокалиберный авиационный пулемет и очередь за очередь поливал свинцом вражеских солдат. А рядом с ним острым взглядом ловили на макушку наседавших пехотинцев Леонид Иполитов, Петр Хвисюк, Андрей Углыница, Василий Бондарчук, Леонид Деренчук, Николай Лавренюк, пулеметчики Степан Козловский, Василий Ипатов, Григорий Брухан и Алексей Брухан.

Противник нес большие потери, но продолжал штурм партизанской обороны. Уже погиб командир вражеского батальона, усыпана трупами переправа, а пройти ее врагу не удастся. Когда в третью атаку вышли к деревянному мосту три легких танка, Георгий Давидюк приказал нескольким партизанам подготовить противотанковые гранаты и связки гранат. В этот момент подбежал к нему командир отделения Василий Дерябин.

– Давай, командир, попробуем ударить по танкам из минометов, хоть и снарядов в обрез. А вдруг угодит мина в гусеницу...

– Действуй, – разрешил Давидюк.

А бойцы с гранатами уже поползли поближе к переправе. Давидюк видел, как мины ложились по сторонам бронированных машин и никому не удавалось попасть в танк.

«Жаль, отправил бронебойщика с противотанковым ружьем ко второй переправе на стык с калининцами, которые держит оборону восточнее, – подумал Давидюк. – Как нужен сейчас пэтээр! Как он нужен!»

И вдруг танки остановились перед самым мостом. Передний из них чуть развернулся, стал перед крохотным деревянным мостом, перегородив проход.

– В гусеницу попал, в гусеницу! Видишь, накренило, – радовались партизаны, нахваливая минометчиков.

Стрельба притихла. Из люка танка стали вылезать танкисты. В это время заработали пулеметы партизан. Танкисты мертвыми повисли на броне. Два других танка вышли на вал бечевника и стали обстреливать позиции партизан из пулеметов и пушек. Ударила вражеская артиллерия. В психологическую атаку пошла мадьярская пехота.

Правее от переправы бой держал взвод Ивана Лучко. Пулеметчик Степан Козловский вместе со всеми бойцами отражал атаки противника. Правее от него в двухстах метрах метко били по врагу из «Максима» пулеметчик Василий Ипатов и Василий Петряков. Интенсивный огонь их препятствовал врагу прорвать оборону партизан. Фашистские танкисты засекли Степана Козловского и открыли по нему стрельбу. Пули ложились вокруг него. Козловский прижимался к земле и, как только мадьяры прекращали бить, опять запускал очередь по пехоте. И снова из танка посыпался шквал пуль.

Командир взвода Иван Лучко бросился из засады на помощь Козловскому, на ходу стреляя из автомата. Под прикрытием огня партизан он пробрался к Степану Козловскому, который ничком неживым лежал рядом с пулеметом. Лучко схватил пулемет и, отступая, строчил по приближавшимся солдатам. Но огонь со стороны фашистов нарастал. Вражеская пуля прошла грудь Ивана Лучко. Люба Литвинчук, увидев, что упал командир, поспешила к нему на выручку. Пули, свистевшие вокруг нее, впились в землю, прижимали Любу к земле. Но она в конце концов сумела увести Лучко.

Противник яростно наседал на партизан. Наконец один танк, а за ним и солдаты форсировали канал и стали теснить 2-й взвод. В это время в голову Лучко, которого тащила Люба, попала пуля.

Пулемет Козловского, из которого стрелял Лучко до ранения, остался позади. Люба заметила, что отступавшие бойцы не подобрали пулемет и он может достаться противнику. Она остановила их, прикрикнув: «Назад! Подберите пулемет, поддержку вас!» Несколько партизан под прикрытием очереди Любиной СВТ¹ бросились к пулемету, схватили его и вернулись невредимыми. Люба в горячке боя задержалась возле убитого Лучко. Тащила его уже мертвого, но не хватило сил. Фашисты засекли партизанку и начали обходить ее с двух сторон. Люба отбивалась, на глазах парти-

¹ СВТ – самозарядная винтовка Токарева (здесь и далее – прим. ред.).

зан убила с десятизарядки трех фашистов. Командир роты Давидюк бросился на выручку, стреляя из автомата по окружавшим Любу солдатам.

– Люба, уходи! Они окружают тебя! – кричал он.

Воспользовавшись помощью Давидюка, Люба сумела уйти от противника.

Девушка отчаянно вела себя в этом бою. Только после того, как она оказалась в более безопасной зоне, обнаружила, что лицо ее и руки густо исцарапаны мелкими осколками разрывных пуль и покрылись пятнами крови.

Командиру роты сообщили, как погиб Лучко.

– Позвать ко мне командира отделения Дерябина, – распорядился Давидюк.

– По вашему приказанию прибыл, – доложил Василий.

– Принимай пока взвод погибшего командира. Держись с бойцами до последней возможности.

Никому не хотелось верить, что там, на окраине деревни, остался лежать на сырой земле витебский паренек из деревни Лесничих комвзвода Иван Васильевич Лучко, еще вчера плясавший с девушками и хлопцами «Сербиянку».

Деревня Заречка полыхала в огне. Дым застилал окрестность, ел глаза. Двухкилометровый участок канала одной роте с группой разведчиков удерживать было сложно, поскольку она сражалась с целым батальоном.

На северной стороне канала фашисты установили пулеметы на башнях церкви, с которой Заречка и вся прилегающая к ней территория обороны просматривалась как на ладони. Со звонницы и других мест этого святого храма прицельно били по партизанам снайперы. Поддерживаемые мощным огнем, вражеская пехота вклинивалась в партизанскую оборону.

На стыке оборонительных позиций взвода Леонида Иполитова и отряда имени Паталаха, занимавшего оборону восточнее Заречки, фашисты разорвали оборону и начали заходить в тыл партизанским подразделениям. Иполитов повернул два отделения вправо и нанес удар с фланга. Командир взвода выскочил вперед и повел за собой бойцов. Поднял свое отделение и Илья Бударин. Прорвавшиеся солдаты противника попятились обратно, неся потери. Бударин со своими бойцами преследовал их, но пуля задела его. Раненый, он лежал отдавал команды, пока его не подобрал партизаны.

А на другом участке боя, почти в центре Заречки, вместе с подразделениями Георгия Давидюка вели бой семнадцать разведчиков Кобзева. Все они имели автоматы, а это было большим подспорьем для роты Дави-

дюка. События развернулись таким образом, что разведчики больше, чем другие, оказались под непрерывным обстрелом из башен церкви и зорким глазом вражеских снайперов. Разведчиков принимали к земле сверху. Их штурмовала уже и прорвавшаяся в деревню пехота. В горячем бою опытные разведчики поддерживали друг друга огнем. Снайперы и пулеметчики засекли с церкви комсорга разведчиков Петра Литвинчука. Он полз по снегу, по сантиметру продвигаясь вперед. Только поднимет голову – на него сыплется шквал пуль, то слева, то справа, посвистывая, вбиваясь в снежный покров. И все же пуля не миновала его, прошла выше ключицы, на счастье не задев костей. Он притворился убитым, решил немного полежать в снегу. Мадыяры перенесли огонь на другие цели, и Петр Литвинчук отполз к своим товарищам.

Разведчики метались между домами и сараями, сдерживая прорвавшегося противника. Прочесывал улицы деревни вражеский танк. Росло число убитых и раненых. В этой суматохе как метеор носится грузин Ной Яшвили. Он не знал страха в бою. Вместе с разведчиками Михаилом Герасименко, Михаилом Петровым, Георгием Иванниковым, Петром Жуком, Андреем Кожевниковым, Иосифом Торгуном, Ароном Акоповым, Владимиром Никонюком во главе с Кобзевым он часто поднимался в контратаку, сметая вражеских солдат, но и отступая назад. В одной из контратак и ранило в ногу Ноя Яшвили. Его подхватил командир разведчиков Борис Кобзев с Любой Литвинчук, которая и отстреливалась, и успевала прийти на помощь раненым. Люба быстро перевязала ногу. Ноя Яшвили переправили на вторую линию обороны, куда перетаскивали убитых и раненых. Получил ранение и разведчик Михаил Петров.

Отдельные участки поля боя по несколько раз переходили из рук в руки. То ошалело атаквала фашистская пехота, то шли в контратаку партизаны. Женщины, участвовавшие в бою, выполняли двойную роль: наравне с мужчинами вели огонь по противнику и одновременно под вражескими пулями выносили раненых, делали перевязку, отправляли их в безопасные места. Так действовали Валентина Агапова, Ольга Тимошук, Таиса Борзова, Мария Колесникова, Юлия Кокшина, София Смирнова. Бойцы и командиры удивлялись их выносливости и смелости. Девушки ползали по почерневшему от взрывов и дыма снегу, вытаскивая из пекла сражения своих товарищей.

На одном из участков при очередной атаке мадыяры тяжело ранили Николая Лавренюка, перебили ему обе ноги. Боец не мог подняться и с большим трудом старался отползти от места горячей схватки. Это заметила Валентина Агапова и поспешила с подругами к Лавренюку. Его вынесли с места боя.

Девушки-партизанки спасли от гибели и вывели из боя около двадцати раненых партизан, вынесли девять убитых партизан из четырнадцати потерянных.

На третий день боя, в момент, когда уже рота Давидюка и взвод разведки исчерпали свои возможности, на исходе были боеприпасы, по заданию штаба отряда к оборонительному рубежу пробрался замкомотряда Сергей Иванов.

– Помощи, Гриша, не будет, – сообщил ему Иванов. – Бой идет по всему каналу, положение везде одинаково сложное. Поэтому, если не удержитесь дотемна, отводи роту на вторую линию обороны.

Рота Давидюка продолжала бой. Комроты остановился за хатой, чтобы поддержать бойцов отходившего отделения Александра Кирьянова. Впереди делали перебежку солдаты противника. Из-за угла дома Давидюк открыл огонь из автомата. Во время стрельбы разрывная пуля вражеского пулемета угодила в него. Автомат выпал из рук. Георгию Давидюку разорвало ладонь. Он крикнул Александру Мартынюку, чтобы перевязал руку. Боец оторвал кусок своей рубашки и сделал перевязку. Командир роты продолжал управлять боем, стрелять левой рукой.

Правее от роты Давидюка, между отрядами имени Шиша и имени Калинина, на небольшом участке вел бой отряд имени Паталаха. 20 февраля был издан приказ по Молотовской бригаде о создании этого отряда, а 21-го он уже вступил в бой с фашистами. Командиром отряда имени Паталаха был назначен Савелий Степанович Соломко, бывший пулеметчик, затем командир взвода отряда имени Калинина, прославившийся во многих боях, особенно при отражении нападения немцев на партизанскую зону в декабре сорок третьего.

В только что созданный отряд прибыли бойцы, выделенные из трех отрядов бригады. Не успев еще хорошо познакомиться с ними, Савелий Соломко, комиссар Алексей Катусов и исполняющий обязанности начальника штаба Михаил Чурашов с ходу бросили свои подразделения в бой. Они отразили за первый день две атаки противника, а 22 февраля, рано утром, опять приняли бой. Савелий Соломко с группой партизан занял оборону в одном из дзотов. По старой привычке он не расставался с пулеметами. Два пулемета были установлены в двух амбразурах. У одной из них отражали атаки пулеметчик отряда имени Суворова Николай Шиштаев со своим вторым номером Федором Каримовым. Когда немецкая пехота попыталась прорвать оборонительный рубеж, она откатывалась под прицельным огнем небольшого отряда. Пройти на этом участке фашисты не смогли. Тогда мадьяры подтянули поближе пушку и прямой наводкой

стали палить по дзоту. Погиб пулеметчик Николай Шиштаев. Ранеными оказались несколько бойцов. Соломко, не теряя времени, схватил пулемет и стал стрелять в приближающуюся пехоту врага. Он кричал второму номеру погибшего пулеметчика, Федору Каримову:

– Бей, Федя, эту нечисть. Не пропустить в тыл ни одного фашиста! А ты, комиссар Катусов, проберись к ребятам в окопы, поддержи их морально. Ведь мы еще не знаем многих из них.

Вражеские снаряды попадали в цель. Содрогнулся дзот, выбило взрывом несколько бревен перекрытия, посыпался песок. Соломко приказал автоматчику Ивану Цубе немедленно выйти из дзота, перебраться правее в окопы и поддержать огнем своих товарищей. Шквал огня по дзоту еще больше усилился. Командир отряда очередь за очередью посылал в стан врага. Но его задел осколок снаряда. Партизаны видели, как мужественно сражается их командир. И вдруг его пулемет заглох. К дзоту бросилось несколько человек. Пулемет снова заработал. В общем гуле стрельбы доносился голос Савелия Соломки:

– Смелее товарищи! Не отступать! За Родину, за землю нашу! – И голос его, и пулеметную стрельбу из амбразуры прервал мощный взрыв снаряда, который разворотил дзот на глазах всех партизан. Соломко погиб, контузило Каримова.

– Ур-р-ра! – пронеслось по всему обороняемому участку. Ребята ринулись в контратаку, хотя силы были неравные. Противник не выдержал, отступил в очередной раз. Но, несмотря на большие потери, враг бросал и бросал в атаку свежие резервы на всем рубеже обороны деревни Заречка.

В критический момент боя Давидюк приказал партизанам отойти на вторую линию обороны, которая заранее была подготовлена за деревней.

Деревня Заречка догорала. Дым стелился по земле. Стрельба и артиллерийская канонада стали затихать. Противник не пошел дальше деревни. Местное население было предупреждено партизанами перед началом боя о немедленной эвакуации.

Все жители вовремя оставили свои дома. Ушли в лес.

26 февраля по бригаде имени Молотова был издан приказ, в котором говорилось: «22 февраля смертью храбрых погиб командир отряда имени Паталаха Соломко Савелий Степанович. В связи с его гибелью назначить командиром отряда т. Пушкарева Василия Илларионовича».

Василий Пушкарев принял отряд в промежутке между боями и с успешными уже сплотиться за несколько дней сражений бойцами стойко защищал отведенный рубеж до последних дней обороны.

О Г. П. ДАВИДЮКЕ

Ж. Т. Тощенко,

*доктор философских наук, профессор,
член-корреспондент Российской академии наук,
вице-президент (1983–1990) и президент (1990–1992)
Советской социологической ассоциации*

Мое знакомство с Георгием Петровичем прошло заочно. В конце 1970-х гг. остро чувствовалась потребность в упорядочивании той разнообразной и разношерстной информации, которая накапливалась в вузах страны, где нашли место и возможности для осуществления своей деятельности энтузиасты социологии.

Среди многих проблем, стоящих перед исследователями, в качестве неотложной была обозначена проблема понятийного аппарата социологии. Стало очевидно, что социологи в своих поисках использовали многие понятия, отталкиваясь от русского словаря, а в ряде случаев – от накопленных трактовок в философской, экономической, психологической и даже правовой науках. Возникла огромная методологическая и методическая трудность: как операционализировать используемые понятия? Какие показатели должны быть использованы и, соответственно, заложены в инструментарий социологических исследований?

В сложившейся ситуации Георгий Петрович с коллегами практически совершил подвиг. Они подготовили «Словарь прикладной социологии» (1984) – один из первых в Советском Союзе. Его ценность была архиважной – здесь не анализировались теоретические проблемы (хотя без них не обошлось), а давались методические рекомендации, в которых нуждался каждый начинающий социолог или социолог-практик. Этот словарь затем переиздавался, совершенствовался. Кроме того, в свет вышел и учебник «Введение в прикладную социологию» (1975), который также неоднократно переиздавался.

Издание словаря и учебника имело большое значение – они стали основой для работы во многих учебных заведениях страны, хотя в это время официально курсы социологии не читались, они реализовывались под флагом других научных дисциплин, в большинстве случаев в рамках философии и научного коммунизма. Эти труды пользовались огромным спросом, потому что в тот период социологи формировали самих себя. Будучи вице-президентом Советской социологической ассоциации, я провел анализ, кто покинул свою прежнюю профессию и стал социологом. Оказа-

лось, что не было практически ни одной профессии, которая не стала бы свидетелем перехода ее работников в социологию, – от астрофизика до воспитателя детского сада.

Позже произошло и личное знакомство с Георгием Петровичем, когда я стал приезжать в Минск и участвовать в различных научных мероприятиях. Встречались мы в Москве во время проведения круглых столов. И с первой встречи у нас сложились хорошие личные отношения. Ведь так бывает, что с начала знакомства ты проникаешься необъяснимой симпатией к коллеге, с которым хочется иметь дело, откровенно обсуждать проблемы, знакомиться с трудами и заинтересованно их обсуждать.

Возможно, к близкому общению располагал и тот факт, что в молодые годы Георгий Петрович самоотверженно сражался с фашистами, был партизаном, получил ранения. Я, сын брянского партизана, не мог не ценить эту страницу в жизни моего старшего коллеги и искренне уважал достойную жизнь этого человека и его научную деятельность, сблизившую нас как членов одного профессионального цеха.

Затем были неоднократные встречи, обмен статьями, рецензиями и просто обсуждения наших забот. Несколько лет назад, когда мы виделись в последний раз, он специально приехал для встречи из своего сельского жития-бытия, в котором нашел удовлетворение и утешение на заключительном этапе жизни.

В моем сердце Г. П. Давидюк навсегда останется образцом кристально честного человека, плодотворного научного мыслителя, хорошего товарища, искреннего и добросовестного наставника молодежи.

РОДОНАЧАЛЬНИК БЕЛОРУССКОЙ ПРИКЛАДНОЙ СОЦИОЛОГИИ

С. А. Шавель,
*доктор социологических наук,
профессор, заведующий отделом
Института социологии НАН Беларуси*

История социологической мысли Беларуси достаточно хорошо представлена в современных исследованиях и многочисленных публикациях. И все-таки думается, что о полноте говорить рано, поскольку не завершен сбор информации и концептуализация подходов. Некоторые персоналии выпали из-за размытости критерия отнесения тех или иных текстов, мыс-

лей и идей к собственно социологическим, часть материалов пропала, до каких-то тем (например, «прищеповщина»), не дошла очередь и т. д. Этим можно объяснить отсутствие монографических работ и специальных учебников по истории социологии Беларуси. Тем не менее сегодня мы знаем многих мыслителей и общественных деятелей, которые на разных этапах истории выступали как предтечи социологического взгляда на мир и перспективы развития белорусского социума. Их отличало не только внимание к социальной проблематике и понимание ее фундаментального значения для судеб народа, социальных групп и индивидов, но и горячее стремление внести свою лепту в решение «проклятого социального вопроса», утверждения идеалов равенства, справедливости, толерантности, патриотизма, «памяркоўнасці» и т. д. В их числе Ефросиния Полоцкая, Франциск Скорина, Симеон Полоцкий, Франтишек Богушевич и др. К ним можно причислить и ряд классиков отечественной литературы. Разве не эвристичным с социологической точки зрения является понимание интеллигентности, предложенное М. Богдановичем? «На наш взгляд, – писал поэт, – всякий интеллигент необходимо должен удовлетворять следующим двум требованиям: во-первых, он должен иметь стремление к знанию; во-вторых, он должен стремиться нести свои знания на пользу народу. Вот черты, определяющие собой суть духовного облика интеллигенции; вот ценз, которым должен обладать каждый, имеющий претензию на принадлежность к ней»¹. Безусловно, для историков социологической науки важная и актуальная задача – выявление социологического образа мысли и содержания творчества классиков отечественной литературы.

В социологических публикациях отражается вклад предшественников, как правило выходцев из других областей социогуманитарной науки, включившихся по зову сердца в социологическую работу: В. И. Пичета (первый ректор БГУ), В. Н. Ивановский, В. М. Игнатовский, С. М. Василейский, С. Я. Вольфсон, С. З. Каценбоген, известный философ, блестящий лектор и автор первого спецкурса «История социологических учений» академик АН СССР Г. Ф. Александров и др. Известны также первые организаторы и руководители научных подразделений периода возрождения социологии – А. Д. Молочко, И. Н. Лущицкий, Н. Г. Юркевич, С. Д. Лаптеков, С. И. Деришев, Г. П. Давидюк, Е. М. Бабосов.

Почему же именно Г. П. Давидюка выделяет социологическая общественность Беларуси в плеяде известных имен, присвоив ему высокий ста-

¹ *Багдановіч М.* Новая інтэлігенцыя. твораў : у 3 т. Мінск : Беларус. навука, 2001. Т. 2. С. 202–203.

тус родоначальника прикладной социологии и основателя белорусской школы? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо разобраться с термином «прикладная социология»: как он возник, какова его семантика и соотношение с другими дефинициями. Проведем краткий ретроспективный анализ состояния общественной науки на рубеже 1950–60-х гг. В это время предпринимались первые попытки освободиться от некоторых догматических положений мировоззренческого плана, таких как одноклассовость надстройки, усиление классовой борьбы по мере укрепления социализма, закон обнищания рабочего класса при капитализме, «пролеткультовское» отрицание ради отрицания без «снятия» и удержания положительного содержания прежних этапов и др.

В центре внимания и широких дискуссий оказался исторический материализм, чему в немалой степени способствовало появление конкретных социологических исследований. Прогрессивно мыслящие обществоведы доказывали, что объективный ход развития науки требует, чтобы наряду с историческим материализмом («социальной философией») существовала социология как самостоятельная наука. Однако тогда победили консерваторы, остановив тем самым почти на 30 лет не только процесс институционализации социологии, но и естественное развитие социальной философии. Сложилась парадоксальная ситуация: с одной стороны, все острее ощущалась потребность в социологическом познании общества: для системы управления, воспитания, грамотного разрешения многих латентных социальных проблем, создания эффективных мотивационно-стимулирующих механизмов человеческой активности и т. д.; с другой – термин «социология» оказался под запретом, а с ним и подготовка кадров, создание соответствующих научных подразделений и социологических служб на предприятиях, в отраслях и др. Позже эту нереализованную потребность выразил Ю. В. Андропов: «Мы плохо знаем общество, в котором живем». Попытки пионеров – энтузиастов социологии выйти из тупика путем создания отраслевых социологий (среднего уровня) наталкивались как на административные препоны, так и на отсутствие кадров, системной организации данной области деятельности, без чего невозможны преемственность, накопление знания и развитие.

Г. П. Давидюк одним из первых выступил с идеей прикладной социологии. Такое название оказалось удачным компромиссом, поскольку позволило ослабить давление со стороны тех, кто еще считал социологию буржуазной наукой, допустило конкретно-социологические исследования как придаток исторического материализма, т. е. метод сбора информации. Будучи преподавателем вуза, заведующим кафедрой философии

гуманитарных факультетов БГУ, Давидюк заложил основы для профессиональной подготовки специалистов, в дипломе которых уже в начале 1970-х гг. указывалась профессия «прикладной социолог». Огромную роль в этом сыграли две монографии Г. П. Давидюка: «Введение в прикладную социологию» (1975) и «Прикладная социология» (1979). Эти работы стали первыми учебниками по прикладной социологии, на их основе разрабатывались программы не только общего курса, но и многих спецкурсов. «На этих учебниках, – справедливо заключил профессор А. Н. Елсуков, – воспитывалось целое поколение белорусских социологов»¹.

Перечитывая сегодня учебник «Прикладная социология», мы, безусловно, ощутим дух времени, требующий понимания, но не снисхождения. Вместе с тем оценим монографический характер работы – по методологии, структурированности, полноте охвата исторических этапов отечественной социологии, а также программным элементам и процедурам исследования – всему, что составляет основу профессиональных знаний социолога. Следует отметить, что определение «прикладная социология» (В. Э. Шлепентох употреблял термин «конкретная социология») сегодня оттеснено на периферию внимания как научная дисциплина (заменено понятием «общая социология»), но сохраняет свое значение для практической ориентации специалистов и социологической науки в целом.

Мне лично очень дорог подарочный экземпляр книги с автографом: «Дорогому Сергею Александровичу Шавелю с пожеланием больших творческих успехов в развитии социологии, автор – Г. Давидюк 18/IX 79 г.» Примечательны заключительные слова автора работы о глобальных теоретических и практических вопросах развития социологии в СССР: «Некоторые из них представляют собой огромную теоретическую трудность и не сразу будут решены». Так и оказалось: преодолев административные барьеры, социология оказалась перед немалыми трудностями построения теоретической системы знания, особенно в связи с прогнозированием социальных процессов. Теперь дело, можно сказать, в руках самих специалистов.

К заслугам Г. П. Давидюка относятся и создание академического отдела, из которого вырос Институт социологии НАН Беларуси, и организация в 1974 г. сектора прикладной социологии при кафедре философии, которую он возглавлял. В этом секторе прошло становление многих докторов и кандидатов наук, составляющих сегодня опорное звено белорусской социологической науки.

¹Елсуков А. Н. Кафедра социологии Белгосуниверситета сегодня // Социология. 1997. № 1. С. 90.

Георгий Петрович из того поколения, о котором писатель Борис Васильев сказал, что они встретили войну на выпускном школьном балу и до Победы дошли только 3 % мальчиков того выпуска. Он воевал в партизанском отряде, участвовал в боевых операциях, был ранен, но вспоминал об этом времени нечасто, не использовал в качестве примеров в своих лекциях и книгах. Однако партизанский опыт, по-видимому, сказался в смелости, с какой он приступил к весьма рискованному в тех условиях мероприятию – отстаиванию самостоятельности социологии и формированию белорусской социологической школы. Мы, его ученики и последователи, бесконечно благодарны за помощь в выборе жизненного пути, правильную ориентировку и поддержку в научном поиске. Своим творческим долголетием Георгий Петрович являет для нас высокий пример служения белорусской социологической науке.

Благодарим, гордимся...

*И*З НАУЧНОГО
НАСЛЕДИЯ Г. П. ДАВИДЮКА

БЕЛАРУСЬ: В МУКАХ, СТРАДАНИЯХ РОДИЛАСЬ СОЦИОЛОГИЯ¹

Как природа, так и общество развиваются по объективным закономерностям. Хотя у каждого есть свои специфические законы развития. Тем не менее повсеместно действует закономерность прогрессивного развития: и там, и здесь на смену старому приходит новое, более прогрессивное. В обществе наиболее важной закономерностью является то, что на смену старому поколению приходит новое, которое более высоко развито умственно, научно и культурно. Без такого превосходства молодого человека над старым не было бы прогресса в развитии общества.

Процесс прогрессивного развития происходит очень сложно: молодое поколение рождается в борьбе со старым. Поскольку в обществе участники этого процесса – сознательно действующие стороны, то борьба происходит в более острой, продуманной, злостной по отношению к своему противнику форме. Переход от первобытно-общинного строя к рабовладельческому растянулся на тысячелетия путем постепенного закабаления своего социального противника с применением вооруженной силы. Переход от рабства в феодализм происходил более жестоко, с массовым смертельным исходом и занял уже несколько столетий. А переход от феодализма к капитализму проходил и происходит путем социальных революций, истребивших своими действиями в некоторых странах сотни тысяч людей за несколько лет.

Это в обществе в целом. Но внутри самого общества отдельные его социальные системы, институты, структуры, группы рождаются при активном сопротивлении старых его социальных компонентов. Наука зарождалась в яростном сопротивлении религии, спалившей на кострах возле крестов и в других местах, определенных данной религией (а их пять, мировых), выдающихся ученых. Каждая новая отрасль науки также зарождалась в борьбе с утвердившимися в обществе старыми отраслями науки.

¹ Печатается по: Давидюк Г. П. Беларусь: в муках, страданиях родилась социология // Социол. исслед. 2008. № 6. С. 93–99.

Яркий пример тому – борьба в биологии против генетики в XX веке. Особенно свирепо расправлялись с генетиками с помощью политической власти в бывшем Советском Союзе.

Но самый яркий пример борьбы между старыми и новыми науками – это борьба старых общественных наук против нарождающейся социологии. Против социологии во Франции (а это – родина социологии) выступили историки и экономисты. Они обвиняли отца социологии Огюста Конта в неправильном понимании общественного развития, в придумывании социологических законов развития общества. Дескать, изучить законы развития общества – это дело историков и экономистов. А они этим уже давно занимаются и знают эти законы. В Англии эта война, особенно экономистов против социологов, длилась (продолжалась) аж до второй половины XX в.

Решающую роль в развитии и распространении социологии в мире сыграли Соединенные Штаты Америки. Молодой социально и политически очень активный класс буржуазии этой страны был заинтересован в развитии науки, которая исследовала конкретные социальные процессы на предприятиях, в городе, деревне (*сельской местности*), в семье. В конце XIX и первой половине XX в. США стали центром социологической мысли, этой науки в целом во всем мире.

Образцом наиболее яростного сопротивления появления социологии является советская социальная и политическая система. «Руководящая и направляющая сила» Страны Советов – КПСС – боялась социологических исследований. Она хорошо понимала, что социологические исследования будут вскрывать и показывать всему миру нищету, пригонную эксплуатацию человека, его абсолютное бесправие в так называемом коммунистическом рае.

Во времена сталинской диктатуры социологические исследования вообще были запрещены. С приходом хрущевской «оттепели» некоторые философы, экономисты свои истматовские, политэкономические суждения, выводы пытались подкрепить конкретным исследованием социальной и экономической действительности. Таких ученых официальные власти уже не арестовывали, в ГУЛАГ не высылали, но объявляли распространителями буржуазной социологии, поклонниками Запада, клеветниками на социализм. Эту партийную установку строго выполняли руководители научно-исследовательских учреждений, высших учебных заведений.

Вот один из примеров такого противодействия рождению социологии в СССР. Весной 1966 г. в Минске в зале заседаний АНБ¹ проходила

¹Здесь и далее автор имеет в виду Академию наук БССР (сегодня – Национальная академия наук Беларуси).

Всесоюзная научная конференция по проблемам исследования социальной структуры советского общества. Причиной тому, что московское руководство решило провести ее в Беларуси, были уже широко известные результаты проводимых работниками сектора исторического материализма Института философии АНБ (руководитель – Г. П. Давидюк) проблемы изменения социальной структуры общества. К тому времени мы закончили изучение социальной структуры рабочего класса, а также крестьянства. Результаты этих исследований мы опубликовали в книгах: «Социальные изменения рабочего класса Белоруссии в процессе коммунистического строительства», (Минск, 1964); «Строительство коммунизма и социальные изменения в крестьянстве Белоруссии» (Минск, 1966). В докладе на пленарном заседании конференции, которое проходило под председательством директора Института философии АН СССР, профессора Д. И. Чеснокова, я сконцентрировал внимание на том, что мы изучали живой функционирующий социальный организм общества, а не статистические и газетные данные. Я рассказывал о применении социологических методов исследования, социологических приемах обработки информации. Тут Д. И. Чесноков уже не выдержал, поднялся из-за стола президиума, остановил мое выступление и в резкой назидательной форме начал меня поучать: «У нас нет социологии. Социология – это буржуазная наука. Значит, Вы пользовались буржуазными методами исследования советского общества. Вы должны не забывать, что методологией для такой работы является исторический материализм». Как молодой, начинающий научный сотрудник (я совсем недавно кончил аспирантуру и защитил кандидатскую диссертацию), не скованный еще цепями страха перед начальством, я обернулся к президиуму и прямо в лицо Д. И. Чеснокову выпалил: «Как хотите называйте примененные нами методы исследования общества, но именно они дают возможность постичь реальные социальные процессы и получить правильную (*объективную*) картину ее отображения. Это и есть социология. Какие бы эпитеты вы ей ни навязывали!» Я закончил доклад и ожидал вызова «на ковер» в кабинет президента Академии наук Беларуси для проработки меня Д. И. Чесноковым в присутствии местного научного начальства. Но на счастье Д. И. Чесноков в тот же день уехал в Москву.

После конференции директор нашего института стал поговаривать, что надо бы в институте открыть сектор социальных исследований. А от руководства крупных минских предприятий стали поступать предложения о проведении социологических исследований в коллективах на основе заключения с ними хоздоговоров.

Начинается эпоха хоздоговорных исследований на предприятиях, которая явилась хорошей школой выращивания, формирования социологических кадров, действительных социологов. Президиум АНБ дал разрешение директору института философии, профессору К. П. Буслову заключить хоздоговора с предприятиями на проведение социологических исследований. На основе таких договоров мы начали вести исследования на заводах г. Минска (автомобильном заводе, заводе автоматических линий, мотовелозаводе), в колхозах Жлобинского, Несвижского, Пружанского, Слуцкого, Пинского районов. Открывшиеся финансовые возможности увеличили число научных сотрудников, предложений руководителей предприятий, что потребовало расширить тематику исследований. Мы начали исследование по такой теме, как условия труда на предприятиях, проблемы духовной жизни крестьянства, последствия научно-технической революции на селе, научное управление социальными процессами, социальное планирование в городе и деревне. Хорошие результаты этих исследований принесли популярность социологии. Многие молодые философы, экономисты, историки нанимались к нам на работу, а кое-где на кафедрах общественных наук в вузах (главным образом на кафедрах философии) стали создавать группы по проведению социологических исследований в студенческих группах, на предприятиях по темам, предложенным руководством кафедр вузов, руководителями учреждений культуры или промышленных предприятий.

Так, уже в 1960-е гг. выросла целая сеть социологических исследовательских лабораторий, секторов, групп в вузах республики. В 1967 г. была создана Проблемная научно-исследовательская лаборатория в Белорусском государственном университете (БГУ) как самостоятельное научно-исследовательское учреждение. Чтобы поднять научный вес лаборатории, член-корреспондент Академии наук Беларуси, заведующий кафедрой истории философии БГУ, профессор И. Н. Лущицкий согласился стать руководителем лаборатории по совместительству. В начале в лаборатории работало несколько научных сотрудников: С. Д. Лаптенюк, Е. В. Сажнев, В. М. Пузимков, Т. Н. Гацукевич, Л. И. Колокольчикова, А. В. Куратова, Т. А. Кургунян, выросшие впоследствии в профессоров, доцентов вузов республики. Они исследовали главным образом проблемы студенческой молодежи. Позже лаборатория значительно расширила тематику исследований, выросло и количество ее сотрудников. Но об этом скажем позже.

В эти же годы на кафедрах общественных наук стали создаваться социологические группы, в частности в Белорусском политехническом институте, Белорусской сельскохозяйственной академии, Брестском

педагогическом институте. В 1960-70-е гг. социологические группы функционировали во всех ведущих вузах республики. Очень большую работу в те годы проводили социологи Брестского педагогического института под руководством профессора В. В. Коклюхина. Они выполняли исследования по таким темам, как «учитель и школьник», «школьник и семья», «социология молодежи в изменяющемся мире». Полученный исследовательский материал они обсуждали на своих ежегодных конференциях, куда приглашали коллег из других вузов. На эти конференции приезжали социологи из России, Украины и других республик.

Значительный вклад в развитие социологии в Белоруссии, особенно по проблемам социологии труда, внесли в то время социологи Белорусского политехнического института. Руководимая профессором В. Н. Семенковым социологическая группа более 10 лет проводила хозяйственные исследования на Минском тракторном заводе по проблемам текучести кадров, использования женского труда, культурно-технического роста рабочих и служащих, проблемам воспитания рабочих в коллективе. На основе большого исследовательского материала, полученного в результате многократных социологических замеров в коллективе завода, были написаны книги. Среди них следует назвать, прежде всего, книги В. Н. Семенкова «Производственный коллектив: труд, среда и воспитание», Минск, 1975; «Комплексный характер воспитания», Минск, 1979; «Качество труда и воспитание», Минск, 1981. Сотрудник этой группы, профессор З. М. Юк на основе материалов данных исследований издала несколько книг, в том числе: «Труд женщин и семья», Минск, 1975, «Научно-технический прогресс и труд женщин», Минск, 1981, «Женщины в трудовом коллективе», Минск, 1985.

Социологи белорусской сельскохозяйственной академии много сделали в становлении и развитии социологии села. Долгие годы они проводили исследования проблем, касающихся изменения социальной структуры населения села, соотношения физического и интеллектуального труда в работе колхозников, их отношения к работе. На основе этих исследований в 1971 г. была проведена Всесоюзная конференция по проблемам социальных изменений на селе, а в 1972 г. издали книгу «Социальные проблемы села».

Немного позже стала активизироваться социологическая группа в Гомельском государственном университете. В конце 1970-х и в 1980-е гг. здесь изучались проблемы социальных потребностей, социологии управления. После аварии на Чернобыльской АЭС гомельские социологи сконцентрировали свои исследования на социальных проблемах этой аварии.

Результаты данных исследований они докладывали на областных, республиканских научных конференциях, описывали в своих публикациях. Ведущие социологи Гомеля А. Г. Злотников, А. П. Касьяненко опубликовали очень оригинальную для нашего времени книгу «Гомельчане в экстремальных условиях: социально-психологический климат в пост-чернобыльский период», Гомель, 1991 г. А. А. Г. Злотников опубликовал оригинальную теоретическую книгу «Социологическая и экономическая мысль», Минск, 2002 г.

Успешно разворачивающиеся социологические исследования в республике насторожили партийный аппарат. В ЦК КПБ решили поставить над этим процессом «всевидящий глаз» и «всеслышащее ухо». В 1965 г. при ЦК КПБ был создан Институт социальных исследований. Его главной задачей было осуществлять контроль над содержанием анкет, применяемых исследователями, воспитывать в духе марксизма-ленинизма научных сотрудников, проводивших конкретные социологические исследования. Директором института на общественных началах был назначен заведующий кафедрой истории КПСС Минского педагогического института профессор А. Д. Молочко. Некоторое время научными сотрудниками этого института работали В. И. Овчаренко, С. Н. Ходас, К. В. Шульга, которые в скором времени перешли работать в вузы. Главную организационную работу в институте проводили штатные работники горкома и обкома КПБ. Именно они организовывали различные курсы, семинары для начинающих социологов, работающих в вузах. Они приглашали ученых-обществоведов из Москвы, Ленинграда для чтения лекций по историческому материализму, политике в духе марксизма-ленинизма на этих курсах и семинарах.

Однако действительное обучение молодых белорусских социологов шло по линии освоения опыта работы московских и ленинградских социологов. Это прежде всего касалось изучения работы отдела социологии Института социологии АН СССР и социологической лаборатории Ленинградского университета, изучения публикаций ведущих социологов этих учреждений, прежде всего статей и книги В. А. Ядова и А. Г. Здравомыслова. Учебники А. Г. Здравомыслова «Методология и процедура социологических исследований», Москва, 1969; В. А. Ядова «Социологическое исследование (методология, программа, методы)», Москва, 1972 г. были настольными книгами белорусских социологов. Они явились пособиями для составления как инструментария, так и процедуры исследования и обработки полученной информации.

Особенно интенсивно внедрялся опыт московских и ленинградских социологов в деятельность социологов Академии наук Беларуси. Было кем

и где внедрять этот опыт. К началу 1970-х гг. в АНБ выросла уже солидная государственная социологическая исследовательская организация. В 1968 г. Президиум АНБ принял решение создать в Институте философии и права (он уже стал так называться) сектор конкретных социологических исследований. Костяк этого сектора составили научные сотрудники сектора исторического материализма, которые перешли в новый сектор вместе со своим руководителем, профессором Г. П. Давидюком.

Создание сектора, рост количества и квалификации его сотрудников дали возможность увеличить тематику социологических исследований в республике, в частности по таким темам, как социальные последствия научно-технической революции на селе, научное руководство социальными процессами, социальное планирование в городе и деревне. Исследования по этим проблемам велись продолжительное время в Жлобинском, Кареличском, Пинском, Несвижском, Пружанском, Толочинском, Шкловском, Слуцком районах, на Барановичском хлопчатобумажном комбинате, а также на заводах г. Минска (автомобильном заводе, заводе автоматических линий, мотовелозаводе и др.). Исследования на промышленных предприятиях велись на хозяйственной основе.

В 1970 г. по просьбе городских властей академические социологи организовали на многих предприятиях г. Минска исследования по проблемам социального планирования. С целью оказания помощи практическим работникам организовать такое планирование социологи разработали в 1970 г. методику социального планирования – «Перспективное социальное развитие производственного коллектива». В ней были раскрыты цели, задачи и сущность социального планирования, структура плана социального развития предприятия, значение и необходимость социологической информации в управлении, методы сбора такой информации. В 1972 г. было опубликовано второе дополненное издание этой книги-методики.

Объективная необходимость развития социальной сферы, рост престижа социологических исследований поставили перед Президиумом АНБ задачу дальнейшего развития и укрепления социологического сектора. В 1970 г. на базе этого сектора в том же Институте философии и права АНБ был создан отдел социологических исследований с тремя секторами: социология управления, социальное планирование, социальные проблемы села. Заведующим отделом (он же заведующий сектором социологии управления) был назначен Г. П. Давидюк; заведующими секторами: социального планирования – кандидат философских наук Р. В. Гребенников; социальных проблем села – кандидат философских наук З. И. Монич. Для вновь созданного отдела Президиум АНБ выделил несколько штатных бюджет-

ных единиц (по хоздоговорам в отделе работ 41 сотрудник). Отделу дали 7 единиц под аспирантов, что в рамках института было очень много.

Новая академическая социологическая организация продолжала исследования по незавершенным темам бывшего сектора конкретных социальных исследований на тех же объектах, т. е. на предприятиях, в колхозах, совхозах, выполняя подписанные ранее сектором хозяйственные договоры. Это нужно было как заказчикам, так и Институту философии и права, ибо хоздоговорные исследования давали возможность поправить финансовое положение института.

В результате многолетних прикладных социологических исследований в отделе был накоплен большой фактический материал, поскольку каждый год заказчику (предприятию или колхозу) нужно было предоставлять отчеты о проведенных исследованиях, научных выводах и рекомендациях. Выросли кадры, способные обобщать материал, делать научные выводы. В результате в скором времени появился ряд книг, написанных сотрудниками отдела. Это прежде всего коллективные монографии: «Структура советской интеллигенции», Минск, 1970 г., «Проблемы социальной структуры села», Минск, 1971 г., «Научно-технический прогресс и социальные изменения села», Минск, 1972 г., «Устойчивость и развитие производственного коллектива», Минск, 1975 г. и др. Персональные книги: З. И. Монич «Интеллигенция в структуре сельского населения», Минск, 1971 г., ее же в соавторстве с В. Г. Изохом и И. В. Прудником «Рабочий класс в структуре сельского населения», Минск, 1975 г., И. Я. Писаренко «Социальное планирование в первичном коллективе», Минск, 1973 г., Л. А. Дмитрук «Перспективное планирование на промышленных предприятиях БССР», Минск, 1971 г., ее же «Социальная активность производственного коллектива в условиях экономической реформы», Минск, 1972 г.; Р. В. Гребенников «Проблемы культуры современной деревни», Минск, 1978 г.; Г. П. Давидюк, В. С. Бобровский «Проблемы “массовой культуры” и “массовых коммуникаций”», Минск, 1972 г.

В опубликованных работах проводилась идея противоречивости развития каждой социальной общности, анализировались зависимость темпов и характера социальных изменений от существующего строя. В книгах об интеллигенции подчеркивается развиваемая Г. П. Давидюком идея об определяющей роли интеллигенции в обществе, особенно в развитии национальной культуры, воспитании молодежи.

Книги социологов, выводы, сделанные в них, а также в отчетах, направленных предприятиям, читались, просматривались, особенно теми, кому это было поручено из руководства, партийным аппаратом. Инциденты,

произошедшие на некоторых предприятиях, где велись социологические исследования, произошли не без их подсказки. Вот пример одного из таких инцидентов.

В 1971–1972 гг. социологические исследования, проводимые отделом социальных исследований Института философии и права АНБ, вскрыли глубокое неудовлетворение рабочих условиями труда на заводе им. Дзержинского (ныне «Интеграл»). Администрация завода заявила протест против таких выводов, расторгла договор, исследования также были прекращены. А это была хоздоговорная работа. Институт терял какую-то часть дохода, «кое-кто» из администрации института также посчитал выводы социологов неправильными. Вопрос был поставлен на обсуждение на партбюро института. Как научный руководитель проводимых исследований, Г. П. Давидюк доложил о проведенной работе, о всех принятых мерах, обеспечивающих достоверность данных, и представил результаты исследования. А они были действительно неблагоприятными для администрации завода: около 70 % рабочих написали в анкетах, что они недовольны условиями труда. Такой результат исследований не понравился некоторым членам партбюро института. Член партбюро, отвечавший за научно-исследовательскую работу, заведующий отделом права, член-корреспондент АНБ С. П. Моргунский в своем выступлении заявил: «Не может быть такого, чтобы такое большое число опрошенных советских рабочих были недовольны советскими условиями труда. Эти выводы социологов субъективны. Они дискредитируют советскую власть». Хорошо, что в составе партбюро были и социологи, и прогрессивно настроенные философы. Дело закончилось без оргвыводов. Но брожение по институту продолжалось, кое-кто «втихаря подзуживал»: дескать, социологи фальсифицируют советскую действительность.

Директор института К. П. Буслов, хотя и доброжелательно ко мне относился, все чаще напоминал: «Будьте внимательны. Многие научные сотрудники отдела права враждебно к Вам настроены. Они, как ортодоксы советского права, не признают социологию. В следующий раз, если попадете на партбюро, то уже не оправдаетесь». И, как назло, такой случай представился. Весной 1972 г. меня вызвали на заседание партбюро института. Там рассматривали персональное дело заведующих секторами нашего отдела Р. В. Гребенникова и З. И. Мониц. Их обвинили в аморальном поведении, объявили строгие партийные взыскания и предложили оставить институт. Мне было сделано указание на слабое воспитание сотрудников отдела.

Подо мной «зашаталась земля». Мы потеряли на тот момент самых подготовленных сотрудников. Все сотрудники отдела забеспокоились: на предприятиях, где велись исследования, заводские службы, с которыми мы контактировали, насторожились. Работники минских горкома и обкома КПБ при встрече со мной злорадствовали по поводу «ведущих социологов». В это смутное время раздался телефонный звонок. Ректор БГУ, профессор В. М. Сикорский пригласил меня к себе на беседу. На встрече он предложил мне переходить на работу в университет, занять должность заведующего только что открытой кафедры философии гуманитарных факультетов. Пообещал выдать неограниченный лимит для ведения хозяйственных исследований на предприятиях, открыть на философском отделении исторического факультета специализацию по социологии. Предложение было заманчивым, но я попросил дать мне некоторое время на осмысление предложенного.

Прежде всего я решил посоветоваться с академическим руководством. Пошел к вице-президенту АНБ, академику Н. Д. Некрашевичу. Рассказал ему о предложении ректора БГУ. Совсем не задумываясь, он мне ответил: «Президиум АНБ имеет указание ЦК КПБ содействовать переходу сотрудников академии на работу в вузы. В. М. Сикорский, несомненно, свое предложение Вам согласовал с ЦК КПБ. Поэтому я никак не могу Вам сказать – не переходить».

Осмыслив все советы академических руководителей, я сообщил В. М. Сикорскому, что принимаю его предложение. В начале 1973 г. я перешел на работу в Белорусский государственный университет. За 1973 г. много сотрудников отдела социальных исследований Института философии и права АНБ перешли на работу в вузы, главным образом туда, где были социологические лаборатории или группы. Отдел постепенно мельчал. В 1975 г. в отделе были ликвидированы сектора, сам отдел переименовали в отдел управления социальными проблемами. Руководителем отдела назначили специалиста по философским проблемам физики, профессора И. И. Жбанкову. Свое нищенское научное существование отдел протянул до прихода на должность директора Института философии и права АНБ академика Е. М. Бабосова. Его появление в институте положительно сказалось на развитии социологии в Академии наук.

В начале 1978 г. в Институте философии и права сформировался и начал активно действовать новый сектор – сектор методологических проблем социологических исследований. Руководство сектором взял на себя директор института Е. М. Бабосов. Научная деятельность сектора была сориентирована на разработку теоретических социологических проблем. Образ-

цом для такой работы служила недавно вышедшая книга Е. М. Бабосова «Социальные аспекты научно-технической революции», Минск, 1976 г.

Расширение масштабов социологических исследований, численный рост научных сотрудников сектора дали возможность директору института Е. М. Бабосову в 1989 г. преобразовать его в Центр социологических исследований. Возглавил его сам Е. М. Бабосов. Поскольку вновь созданный центр по численности сотрудников превысил 100 человек, выполнял много идеологических исследований по заданию ЦК КПБ, опубликовал для того времени такие знаковые книги, как труды Е. М. Бабосова «Идеология в современном мире», Минск, 1984 г., «Нравственная культура личности», Минск, 1985 г., это давало право ставить перед Президиумом АНБ, правительством республики вопрос о создании Института социологии в АНБ. Потеряв должность директора Института философии и права АНБ, Е. М. Бабосов приложил максимум усилий для открытия такого института. Поскольку правительство республики не имело права самостоятельно решить этот вопрос, Е. М. Бабосов, используя свои старые связи как бывший руководящий работник ЦК КПБ, добился согласия Москвы открыть в структуре АНБ Институт социологии.

В 1990 г. на базе трех отделов Института философии и права АНБ (социологического центра, отдела социального планирования, отдела социальной психологии) и двух отделов Института экономики АНБ (отдела демографии и трудовых ресурсов и отдела науковедения) был создан Институт социологии АНБ. Директором института был назначен академик Е. М. Бабосов. За 8 лет работы он очень много сделал для развития социологии в республике. Он содействовал, прежде всего, выращиванию квалифицированных кадров социологов. За время его руководства институтом здесь выросли известные ныне белорусские социологи: профессора С. А. Шавель, Г. Н. Соколова, В. П. Оргиш, Э. К. Дорошевич, В. И. Русецкая, Г. В. Несвитайлов, А. А. Раков, А. В. Рубанов, В. И. Секун, Р. А. Смирнова и др. Здесь сформировались такие научные школы, как социология конфликтов и катастроф (основатель – Е. М. Бабосов), социология труда и экономическая социология (основатель – Г. Н. Соколова), социология науки (основатель – Г. А. Несвитайлов), теория и методология социологических исследований (основатель – С. А. Шавель).

В Институте социологии в то время велись исследования динамики социальной структуры общества, интересов и потребностей различных социальных групп и слоев населения, взаимосвязи социальной структуры и демографических процессов, структуры рынка труда и динамики безработицы, анализировалась социодинамика культуры и ее сопряженность с процессами усвоения духовных ценностей, анализировалось поведение

личности и социальных общностей в экстремальных условиях кризисов, катастроф, включая аварию на Чернобыльской АЭС, изучался труд ученых, деятельность научных коллективов.

Вся эта деятельность носила главным образом теоретический характер, сотрудники уделяли много времени написанию научных работ. Ими создана большая социологическая литература. Один только Е. М. Бабосов написал и опубликовал более 30 книг. Каждым из вышеназванных профессоров издано по 10 книг.

Давая общую оценку, следует отметить, что в то время Институт социологии вырос в известную научно-исследовательскую организацию не только в странах СНГ (бывшего СССР), но и далеко на Западе. Его сотрудники активно участвовали в международных научных конференциях. Ведущие социологи республики Е. М. Бабосов, Г. Н. Соколова принимали участие в работе VIII, IX, X, XI, XII, XIII, XIV Международных социологических конгрессов, являются членами исследовательских комитетов Международной социологической ассоциации.

Став заведующим кафедрой философии гуманитарных факультетов БГУ в феврале 1973 г., профессор Г. П. Давидюк занялся в первую очередь организацией подготовки социологов по вузовской учебной программе. Преодолев сопротивление декана исторического факультета БГУ, в состав которого входило философское отделение, согласовав этот вопрос в Министерстве высшего образования СССР, ректор БГУ В. М. Сикорский своим приказом открыл специализацию по прикладной социологии на философском отделении исторического факультета. 600 часов было отведено на данную специализацию в учебном плане философского отделения с начала 1974/75 учебного года, в рамках которой началось чтение 12 спецкурсов. Эти спецкурсы читали профессора: Г. П. Давидюк, Н. Г. Юркевич, Н. И. Крюковский, П. А. Водопьянов; кандидаты наук: И. Я. Писаренко, Е. И. Дудко и др. Чтобы помочь студентам осваивать курс социологии, Г. П. Давидюк написал и опубликовал учебники «Введение в прикладную социологию», Минск, 1975 г. и «Прикладная социология», Минск, 1979 г. Это были первые учебники по прикладной социологии в СССР.

В 1977 г. состоялся первый выпуск группы специалистов, окончивших философское отделение, в дипломе которых записано «профессия – прикладной социолог». Именно с этого выпуска начинает формироваться аспирантский состав, который к началу 1980-х гг. насчитывал уже 15 человек на кафедре.

Однако наше хорошее начало по подготовке социологов в университетских аудиториях было остановлено «сверху». В 1978 г. советская деле-

гация высшей школы выезжала в ГДР на совещание заведующих кафедрами общественных наук университетов Варшавского договора. От Беларуси в делегацию входил я. На совещании-инструктаже перед отъездом в Министерство высшего образования СССР заместитель министра этого Министерства, он же – руководитель делегации Н. И. Мохов попросил каждого из членов делегации (нас было 19 человек) доложить, кто в какой секции будет работать и о чем будет говорить. Когда очередь дошла до меня, я сказал, что буду работать в секции социологии, собираюсь рассказать, как на философском отделении БГУ готовят социологов, какие проводятся социологические исследования и как эта работа увязывается с учебным процессом. Н. И. Мохов мгновенно вскочил и стал озлобленно кричать: «У нас нет социологии. Кто вам разрешил вести подготовку социологов в университете?» Я спокойно ответил, что учебный план для такой подготовки нам утвердил первый заместитель Министра высшего образования СССР Н. Ф. Краснов. У нас уже состоялось два выпуска специалистов, в дипломах которых записано «профессия – прикладной социолог». Н. И. Мохов пообещал разобраться в этом деле. Через год в БГУ нагрянула министерская инспекторская проверка. Инспекция признала неправильной нашу запись в дипломе и предписала впредь делать такую запись «профессия – преподаватель общественных наук». Так мы и делали до 1988 г., пока не признали социологию самостоятельной наукой и не открыли 12 социологических факультетов и отделений в университетах СССР, в том числе и отделение в БГУ.

Социологическое отделение в БГУ было открыто в 1989 г. на недавно сформированном философско-экономическом факультете. Для осуществления учебного процесса на отделении была создана кафедра социологии. Ее руководителями последовательно являлись профессора А. Н. Елсуков, Д. Г. Ротман, с 2005 г. – член-корреспондент НАН Беларуси, профессор А. Н. Данилов. Они создали на кафедре хороший преподавательский коллектив, который сегодня уже состоит из 10 профессоров (5 штатных) и 11 доцентов. Сотрудниками кафедры издана большая учебно-методическая литература. Под руководством А. Н. Елсукова написаны коллективные учебники: «История социологии», Минск, 1993 г.; «Социология», Минск, 1998 г. Подготовлены и опубликованы учебники по специальным отраслям социологических знаний под руководством Д. Г. Ротмана: «Оперативные социологические исследования: методика и опыт организации», Минск, 2001 г.; под руководством С. В. Лапиной – «Социология», Минск, 2002 г. Г. Н. Соколова опубликовала ряд учебных пособий, это прежде всего: «Экономическая социология: учебник для вузов»,

Минск, 1998 г., «Экономическая социология: практикум», Минск, 2000 г. Сотрудниками кафедры написаны и теоретические работы, монографии. В первую очередь это: книги А. Н. Данилова «Переходное общество. Проблемы системной трансформации», Минск, 1997 г.; «Социология власти: теория и практика глобализации», Минск, 2001 г.; книга Л. Г. Титаренко «Женское лидерство: главные тенденции», Вашингтон, 2000 г.

Квалифицированная работа преподавателей кафедры со студентами в аудиториях, наличие большой учебной литературы дали возможность поднять престиж отделения социологии. Если в начале его существования на отделение набирали 25 человек, то сейчас за 10 лет функционирования набор составляет около 1000 человек. Республика получила хорошее пополнение высококвалифицированными работниками социологических подразделений в вузах, академических научно-исследовательских институтах, на предприятиях и в учреждениях. В настоящее время на отделении обучается более 500 студентов. Таким образом, по всем критериям высшей школы имеется возможность преобразовать отделение в факультет социологии БГУ. Ведущие социологи БГУ поставили уже данный вопрос перед ректором университета. Будем надеяться, что мечта белорусских социологов скоро сбудется. Наряду с подготовкой социологов с университетским образованием в БГУ ведется подготовка кадров высшей квалификации: уже 17 лет функционирует совет по защите докторских и кандидатских диссертаций по социологической отрасли науки, действует также совет по защите диссертаций в Институте социологии НАН Беларуси. В данных советах уже защитили 15 человек докторские и более 100 человек кандидатские диссертации.

Теперь мы вернемся к научно-исследовательским учреждениям БГУ. Начнем рассказ об организации и деятельности сектора прикладной социологии при кафедре философии гуманитарных факультетов БГУ. С первых дней моей работы в БГУ ректор университета В. М. Сикорский ежегодно выделял неограниченный лимит на ведение хоздоговорных социологических исследований. Для проведения этих исследований уже в 1974 г. при кафедре был создан сектор прикладной социологии, научным руководителем сектора был назначен профессор Г. П. Давидюк, заведующим сектором – доцент И. Я. Писаренко, затем последовательно сектором руководили кандидаты наук: С. А. Шавель, Д. Г. Ротман. Количество заявок от предприятий на проведение хоздоговорных исследований каждый год возрастало. К 1980-м гг. сектор проводит уже исследования на девяти крупнейших заводах Беларуси, в том числе на таких промышленных гигантах, как Могилевское ПО «Химволокно», Оршанский льнокомбинат. Годовая

сумма выполняемых работ – 300 тыс. долларов. Ответственными исполнителями на этих предприятиях работали в то время доценты кафедры А. Н. Елсуков, И. Я. Писаренко, старшие научные сотрудники С. А. Шавель, Г. Н. Соколова, Д. Г. Ротман, А. И. Левко, А. П. Кацева, К. Г. Лапич и др. Полевые исследования на предприятиях проводили 68 человек, в том числе 47 научных сотрудников и 21 преподаватель и аспирант, среди последних были Л. Г. Титаренко и С. В. Лапина, ставшие впоследствии докторами социологических наук, профессорами. Договоры с заводами заключались на 2–4 года, в зависимости от решаемой проблемы и задач, поставленных в исследовании. Согласно договору в конце каждого квартала и года руководству завода представлялась аналитическая записка, содержащая основные выводы исследования, с предложениями, вытекающими из материалов проведенных исследований. По окончании срока договора исследователи писали завершающий отчет (объем – 100 страниц машинописного текста) о проделанной работе с научными предложениями по совершенствованию системы социального управления, отношений между рабочими и администрацией, между самими управлениями и их структурами, психологического климата в коллективе и т. п.

Рассказывая об этом, хочется привести один пример о деятельности администрации после ознакомления с отчетом социологов. Дело было на Минском станкостроительном заводе им. С. М. Кирова. Руководителем социологической исследовательской группы здесь был Д. Г. Ротман. Директор завода В. Ф. Кебич (будущий премьер-министр правительства Беларуси) попросил Д. Г. Ротмана изучить взаимоотношения рабочих с мастерами и начальником цеха. Этот цех «лихорадило». Провести такое исследование очень сложно. Ни анкетный опрос, ни наблюдение «со стороны» мало что дадут. Требовалось провести исследование с применением метода «включенного наблюдения». Уговорили аспиранта С. Р. Гребенникова наняться в цех на работу. В качестве рабочего. С. Р. Гребенникова на заводе не знали, ибо он входил в исследовательскую группу на другом заводе. В. Ф. Кебич назначил его подсобным рабочим для подноса различного инструмента, деталей для рабочих, работающих за станками. Администрация цеха и рабочие к новичку отнеслись очень настороженно: кто-то узнал, что он учится в университете, стали расспрашивать. Он всем отвечал, что за неуспеваемость его исключили из университета. А жить-то надо. Он пошел на работу на завод. Время проходило. Его все чаще рабочие стали приглашать на беседы, «перекуры» во время обеденного перерыва. Поскольку он парень «компанейский», он скоро вошел в доверие к рабочим. Ему стали рассказывать, как мастера требуют от ра-

бочих «свою долю» во время получки. А эта доля составляла не меньше 10 рублей. Как очень часто дают задание выполнять «халтурный», т. е. незаконный заказ, обещая за это в следующем наряде дать легкую, но высокооплачиваемую работу. Рабочие боятся, что-то сказать, ибо за это мастера выписывают наряды на тяжелые, но малооплачиваемые работы. Много других издевательских действий мастеров над рабочими узнал С. Р. Гребенников. Проведя в течение полугода это «включенное наблюдение», он написал отчет. В. Ф. Кебич, как он сам потом говорил, не отрываясь, ночь читал этот отчет. На другой день своим приказом снял с работы начальника цеха, всех мастеров, отметив в приказе их взяточническую, античеловеческую деятельность. Это было переполохом не только на заводе. Но и во всем городе. Администраторам других заводов – наука, социологам, работающим на заводах, – престиж, авторитет.

Сложная хозяйственная работа вырабатывала у молодых социологов научную дисциплину труда, находчивость, умение оценивать социальную действительность, т. е. качества, заставляющие шлифовать себя как специалиста, социального аналитика. Не случайно, что в этом секторе выросли ныне известные профессионалы-социологи: С. А. Шавель, Д. Г. Ротман, Г. Н. Соколова, Л. Г. Титаренко, С. В. Лапина, А. Н. Елсуков.

В течение многолетних исследований на предприятиях республики в секторе накопился богатый фактический материал. Профессиональные научные сотрудники сектора, преподаватели, аспиранты стали писать статьи в периодические издания, книги. Важнейшие из них коллективные монографии: «Соревнование и проблемы социального управления», Минск, 1974 г.; «Методологические основы социального управления», Минск, 1976 г.; «Комплексный подход к идейно-нравственному воспитанию», Минск, 1979 г. Персональные: Г. Н. Соколова «Труд и профессиональная культура», Минск 1980 г.; А. И. Левко «Воспитание чувства хозяина социалистического производства», Минск, 1984 г.

В написанных ими книгах, статьях дается критический анализ социальной действительности на производстве, жизни города. Данная критическая направленность особенно видна в разделах коллективных монографий, в статьях, написанных Г. П. Давидюком. Это наиболее очевидно проявилось в статье «Много ли человеку надо?» (журнал «Беларусь», № 8, 1979 г.), где явно сделан намек на «дубленочные» потребности партийного аппарата, и в статье «Промежуточный человек» (журнал «Неман», № 12, 1979 г.), где показано массовое бегство крестьян в город, особенно в 1960–70-е гг., за которые только в Минск их влилось 600 тысяч человек, их мытарства в городе, стремление стать подобными горожанам, передел-

ка присущей им чистой крестьянской морали в «хваткую», «услужливую» мораль постиндустриального общества.

Результаты социологических исследований, представленные администрации заводов, опубликованные социологами работы далеко не всем нравились. Администрация некоторых заводов жаловалась в партийные органы на «субъективизм» социологов, отдельные заказчики даже расторгли договор с университетом на проведение исследований. Партийные органы использовали это для «разноса» социологов как на своих пленарных заседаниях, так и на различного рода совещаниях партийно-хозяйственного актива. Неоднократно на пленумах Минского горкома КПБ имела место «взбучка» в адрес университетских социологов. Особенно грубо и бестактно это делал в своих докладах на пленумах первый секретарь горкома КПБ Г. К. Бартошевич. Несколько раз проводилась «разборка» Г. П. Давидюка в кабинете заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КПБ С. Е. Павлова, где его предупреждали, что будут сделаны оргвыводы. И очень скоро такие выводы были сделаны. В 1981 г., используя анонимные письма с разными обвинениями в адрес Г. П. Давидюка, ЦК КПБ дал указание ректору БГУ снять Г. П. Давидюка с работы в должности заведующего кафедрой философии гуманитарных факультетов БГУ. Новый ректор БГУ, известный в науке как «плагиатор-диктатор», партийный подхалим, академик В. А. Белый с радостью выполнил поручение ЦК КПБ. Соблюдя процедуру этого процесса, он снял Г. П. Давидюка с должности заведующего кафедрой, а скоро ликвидировал и сектор прикладной социологии. Сотрудники сектора перешли на работу в вузы, Академию наук, а некоторые – в социологическую лабораторию.

В. А. Белый никак не хотел оставлять Г. П. Давидюка на какой-либо должности в структурах БГУ. Однако пришлось оставить. Отдел науки и школы порекомендовал В. А. Белому назначить Г. П. Давидюка заведующим Проблемной социологической лабораторией, освободив от работы в этой должности профессора Н. Г. Юркевича и направив его как юриста на юридический факультет. В. А. Белый всегда выполнял безотказно поручения партийных органов. Он привел Г. П. Давидюка в Проблемную социологическую лабораторию и представил его коллективу. Как и положено лицемеру, в своем выступлении перед коллективом он заявил: «Я назначил руководителем лаборатории главного социолога республики. Теперь ваш коллектив должен повысить свою научную боеготовность».

Все это меня возмущало, лихорадило. Я очень переживал ликвидацию сектора прикладной социологии, не знал, как вывести лабораторию из тяжелого положения. В ней было 20 сотрудников, а финансирования,

кроме как на заработную плату, никакого не было. Лаборатория являлась бюджетной организацией, ютилась в нескольких комнатах Института повышения квалификации работников высшей школы. На проведение полевых работ, на обработку данных и различные другие социологические работы денег не было.

После долгих размышлений я пошел к своему старому знакомому Л. П. Метлицкому, работавшему тогда заместителем председателя Госплана БССР по науке. Рассказал ему о плачевном состоянии лаборатории, высказал имеющиеся в связи с этим претензии, объяснил, что социологическая лаборатория БГУ может провести доброкачественные социологические исследования по проблемам студенческой молодежи, социологии труда, проблемам семьи, средств массовых коммуникаций. Детально рассмотрев мои предложения, он пообещал помочь лаборатории. Примерно через полгода меня вызвали в финансовый отдел БГУ. Начальник отдела сказал, что лаборатории значительно увеличено финансирование. Предписано также, по каким темам проводить исследования, указано, сколько денег разрешено расходовать на полевые работы, обработку информации, приобретение технического оборудования. Предусмотрено и увеличение штата сотрудников.

Имея финансовое обеспечение, лаборатория значительно расширила свою исследовательскую деятельность, увеличила штат сотрудников с 20 до 41 человека. Заново были сформированы исследовательские подразделения лаборатории. Было организовано 5 секторов. Заведующим сектором проблем студенческой молодежи стал кандидат наук В. А. Дунаев, сектором средств массовых коммуникаций – кандидат наук О. Т. Манаев. Сектор социологии труда был преобразован в сектор проблем труда и управления с главной ориентацией на исследование управления высшей школы. Заведующий сектором – кандидат экономических наук А. Г. Скрипченко. Сектор проблем идеологической работы, который курировался непосредственно отделом пропаганды ЦК КПБ, оставался в структуре лаборатории самым многочисленным – 15 сотрудников. Руководил сектором кандидат наук В. М. Саульченко. Сектор проблем семьи возглавлял сначала по совместительству профессор Н. Г. Юркевич, а затем кандидат наук С. Н. Бурова.

Прикладные социологические исследования все сектора проводили главным образом на предприятиях Минска, в вузах и техникумах. Поскольку финансирование исследований происходило за счет бюджета, то предприятия и учебные заведения охотно допускали на свои объекты социологов для проведения исследований. Партийный аппарат как город-

ских комитетов, так и ЦК КПБ «эксплуатировал» больше всего сотрудников социологической лаборатории БГУ для проведения разного рода эпизодических исследований, чаще всего перед партийными Пленумами Минского горкома КПБ, применяя и такую практику: на тех заводах, где раньше проводили исследования социологи, силами своих работников проверял эффективность идеологической работы.

Преодолевая различные препятствия, социологи проводили полевые работы. Писали статьи, монографии. Сотрудниками Проблемной социологической лаборатории опубликованы следующие книги: «Студент и его деятельность», Минск, 1978 г.; «Формирование общественно-политической активности студентов вузов», Минск, 1989 г.; «Эффективность средств массовой информации», Минск, 1986 г.; С. Н. Бурова «Социология и право о разводе», Минск, 1979 г. Большой вклад внесли сотрудники лаборатории в подготовку «Методологических рекомендаций по разработке комплексного плана экономического и социального развития Минска на 1976–1980 гг.», изданных в 1975 г. книгой в объеме 36 печатных листов и разосланных на все предприятия и учреждения г. Минска. За эту разработку профессора Г. П. Давидюк и Н. Г. Юркевич получили золотые медали ВДНХ. Под непосредственным руководством сотрудников лаборатории и при их активном участии в его написании в 1984 г. был издан «Словарь прикладной социологии» – первая не только в Беларуси, но и в СССР книга подобного рода. Переработанное, дополненное и значительно расширенное 2-е издание уже под названием «Социологический словарь» вышло в 1991 г.

Несмотря на различные препятствия, чинимые партийным аппаратом и руководителями некоторых государственных учреждений, в конце 1970-х – первой половине 1980-х гг. социология успешно развивалась, повышала темпы своего роста и развития. Но «руководящей и направляющей силе советского государства» – КПСС – это не нравилось. Были организованы разгромы социологических центров, особенно проявившие себя в столичных центрах России и Беларуси. По мотивировке за «извращение советской действительности» был исключен из партии, снят с работы талантливый советский ученый, социолог, профессор Московского университета Ю. А. Левада, первым начавший читать лекции студентам по социологии. В скором времени сняли с должности директора Института социологических исследований Ленинграда, выдающегося советского социолога В. А. Ядова.

В 1985 г. в Минск прибыла московская комиссия, в составе которой были работники аппарата ЦК КПСС и Министерства высшего образования СССР. Она скрупулезно проштудировала деятельность академических со-

циологов и социологов вузов Минска. Члены комиссии интересовались прежде всего результатами хозяйственных социологических исследований. «Особое» внимание уделили социологическим службам БГУ и Белорусского политехнического института. В своем заключении комиссия обвиняла минских социологов не только в «извращении» социальной действительности, но и в «финансовом ограблении» заводов, оплачивающих хозяйственные социологические исследования. Комиссия рекомендовала запретить хозяйственные социологические исследования. После отъезда комиссии партийные органы стали делать оргвыводы. Заведующий кафедрой научного коммунизма Белорусского политехнического института, при котором функционировала большая хозяйственная социологическая группа, проводившая исследования на многих заводах г. Минска, профессор В. Н. Семенов был снят с работы со строгим партийным взысканием. Группе было запрещено проводить хозяйственные исследования. Секретарь ЦК КПБ А. Т. Кузьмин прислал в партком БГУ за своей подписью письмо, в котором требовал снять профессора Г. П. Давидюка с должности заведующего Проблемной НИЛ социологических исследований БГУ и «привлечь к ответственности». Несмотря на все попытки нового ректора БГУ академика Л. И. Киселевского и парткома БГУ защитить Г. П. Давидюка, им пришлось выполнить распоряжение секретаря ЦК КПБ А. Т. Кузьмина. На заседании парткома Белгосуниверситета Г. П. Давидюку второй раз объявили строгий выговор, а ректор отдал приказ об увольнении его с должности заведующего Проблемной социологической лабораторией. После этого Г. П. Давидюк окончательно перешел на преподавательскую работу.

К Проблемной НИЛ социологических исследований БГУ изменилось отношение чиновников Министерства высшего образования и управленцев БГУ. Ежегодно стали вносить изменения в финансирование лаборатории. Начальник финансового отдела БГУ всеми возможными приемами сокращал штатные единицы лаборатории. Работники учебного отдела университета стали ставить вопрос о преобразовании лаборатории в Центр научной практики студентов философско-экономического факультета. Новый заведующий лабораторией профессор С. Д. Лаптенко искренне стремился сохранить лабораторию как научно-исследовательское учреждение.

По его инициативе в 1990 г. Проблемная лаборатория социологических исследований была преобразована в Центр социологических исследований. В составе Центра было организовано 5 лабораторий по проблемам социологии личности, гуманизации образования, молодежного движения, культуры и быта, а также социальным последствиям аварии

на Чернобыльской АЭС. Но развернуть многолетние фундаментальные исследования по этим действительно важным проблемам Центру не дали. В 1992 г. Центр социологических исследований как самостоятельная исследовательская организация БГУ был ликвидирован. Приказом ректора Ф. Н. Капуцкого Центр передали в подчинение философско-экономическому факультету. В приказе была указана цель – «укрепить факультет путем соединения научных кадров с учебно-педагогическим процессом».

Сложившаяся ситуация в университетской социологической организации объективно побуждала работников на поиски выхода из положения. Наиболее подготовленные сотрудники, имеющие ученую степень и обладающие организаторскими способностями, стали искать выход во включении себя и других сотрудников в международные социологические исследовательские проекты. Первым сделал это Д. Г. Ротман. Он уже в 1988 г. с группой сотрудников Проблемной НИЛ социологических исследований включился во Всесоюзную программу «Общественное мнение», финансируемую Государственным комитетом СССР по образованию. В 1988 г. было проведено исследование по теме «Духовный облик студента», изучалось мнение 4000 студентов, обучающихся в 57 вузах, расположенных в 52 городах всех республик СССР, за исключением Грузии. Выполняли исследовательские работы научные сотрудники 22 университетов. Белорусские социологи Д. Г. Ротман, С. Н. Бурова, И. Н. Андреева, Н. Я. Голубкова, Л. Г. Новикова проявили настолько высокий уровень профессионализма, что их пригласили к составлению аналитической записки для руководства Госкомитета, а Д. Г. Ротман был назначен руководителем этих исследований, а позднее заместителем начальника всего проекта «Общественное мнение» А. А. Овсянникова. Белорусские социологи участвовали в этих проектах еще и в 1989, 1990 и 1991 гг. и проводили исследования по тому же исследовательскому полю. Следует отметить, что в 1990 г., когда исследовалась тема «Социально-политическое самочувствие женщины-педагога», научным руководителем исследования была белорусский социолог, кандидат юридических наук С. Н. Бурова. По результатам этих многолетних исследований было написано 7 аналитических записок, каждая объемом 2–3 печатных листа. В них давались предложения об улучшении отношений к студентам, высказывались прогнозы о поведении студентов в различных ситуациях. Так, в отчете по университетам Ферганской долины подчеркивалось резкое обострение отношений между студентами по национальному признаку. Предсказывалась возможность возникновения студенческого национального бунта. Властные деятели, которые читали эти отчеты, не приняли во внимание этот

прогноз социологов. А он сбылся. В Ферганской долине в 1990 г. действительно состоялось студенческое восстание. Студенты требовали большей свободы для коренных национальностей и свободы исламской религии.

Многолетние работы в международных социологических проектах Москвы, Берлина, Вены, Харькова, Киева и др. принесли большую известность группе Д. Г. Ротмана. В эту группу постепенно все больше вливалось социологов университета. В 1993 г. на базе этих исследовательских групп и «остатков» социологической лаборатории был создан Центр социологических и политических исследований (ЦСПИ). Директором Центра стал профессор Д. Г. Ротман. Центр еще больше расширил международную исследовательскую деятельность. Ныне ЦСПИ является членом Европейского агентства сравнительных оперативных исследований (Д. Г. Ротман числится вице-директором этого агентства), членом Все-европейской организации по изучению электоральных систем и других международных проектов. ЦСПИ проводит уже много лет исследования по проблемам электорального поведения, межнациональных и межконфессиональных отношений, потребительского поведения, межличностных и профессиональных отношений в трудовых коллективах, функционирования различных социальных институтов и др. Выводы исследований используются различными ведомствами республики, которые оплачивают некоторые исследования ЦСПС. Кроме отчетов ведомств, ЦСПИ опубликовал научные работы, среди которых следует отметить прежде всего книги: «Политика, выборы и электоральное поведение (методология оперативного социологического исследования)», Минск, 2000 г.; «Актуальные проблемы современного белорусского общества. Социологический аспект», Минск, 2005 г.; «Методы социологического изучения особенностей функционирования политического поля», Минск, 2007 г.

< ... >

Рассказывая о крупных белорусских социологических институтах, центрах, принесших известность и славу белорусской социологии как в стране, так и за рубежом, нельзя не назвать индивидуальных активных участников в работе международных исследовательских проектов, таких как профессор Г. Н. Соколова, Л. Г. Титаренко, Ж. М. Грищенко. Своим высоким профессиональным умением находить выход из самых сложных ситуаций, находчивостью при изложении докладов на заседаниях руководства Международных проектов в Америке, Франции, Испании, Италии, Англии, Германии, Польше, Литве и других странах они показали миру, что есть на свете такая страна, как Беларусь, что белорусские социологи могут изучать социально-экономическую и политическую жизнь общества

не хуже европейских и американских социологов. Этот высокий профессионализм, сообразительность социолога, сложность работы в международных проектах, переживания исследователя очень хорошо показаны в книге Ж. М. Грищенко «Социология жизни, или Жизнь в социологии», Минск, 2007 г. Это оригинальная работа как по содержанию, форме, так и стилю написания. Как американская писательница М. Митчелл в книге «Унесенные ветром» «пропустила» через свои чувства, переживания Гражданскую войну США, так и Ж. М. Грищенко «пропустила» через себя процесс социологического исследования, начиная от опроса руководителей разного уровня местных властей стран СНГ по теме «Новая демократия и местная власть» и кончая докладами на различных уровнях руководства этого проекта, начиная с Варшавы и кончая высшим руководством в Вашингтоне. Международные исследовательские центры высоко оценили работу белорусских социологов. Ж. М. Грищенко, Г. Н. Соколова, Л. Г. Титарево избраны действительными членами Нью-Йоркской академии наук.

Заканчивая статью, хочется сказать несколько слов об организациях, которые за всю свою жизнь играли положительную роль в развитии социологии в Беларуси. В 1976 г. было учреждено Белорусское отделение Советской социологической ассоциации. С образованием независимого белорусского государства в 1991 г. организация была переименована в Белорусскую социологическую ассоциацию. Последовательно руководителями организации являлись Г. П. Давидюк и Е. М. Бабосов. Организация объединяла социологов республики, помогала в организации областных отделений ассоциации, исследовательских групп в вузах, в проведении научно-теоретических и научно-практических конференций в областях и в республике. Однако к концу 1990-х гг. она как-то «захирела». Подросшее молодое поколение социологов требовало перемен в этой организации.

В июне 2000 г. состоялся учредительный съезд белорусских социологов. Свою организацию участники съезда назвали «Белорусское общественное объединение “Социологическое общество”» (БОО «СО»). Избрали правление общества, Высший консультативный совет и президента БОО «СО». Им стал член-корреспондент НАНБ, профессор А. Н. Данилов.

Новое руководство социологической организации республики взялось активно помогать областным отделениям организации, кафедрам социологии, научно-исследовательским социологическим группам в вузах. Руководителей областных организаций БОО «СО» ввели в президиум, где они часто излагают социологическую ситуацию в своем регионе. А. Н. Данилов приложил много усилий к тому, чтобы сохранить чтение курса социологии в университетах республики, расширить деятельность

и влияние социологических отделений в Могилевском и Гродненском университетах, укомплектовать кафедры социологии этих университетов высококвалифицированными социологами. Чуткое внимание со стороны республиканского правления БОО «СО» значительно улучшило работу всех его областных отделений. Особенно активно работает по развитию социологии в области руководитель Могилевского отделения БОО «СО», заведующий кафедрой социологии Могилевского университета и директор Могилевского института региональных социально-политических исследований доцент Н. Е. Лихачев.

Руководство БОО «СО» ежегодно проводит научные конференции по актуальным социологическим проблемам, в которых принимают участие социологи не только Беларуси, но и России, Украины, Литвы, Польши, Германии и других стран. Благодаря авторитету А. Н. Данилова, его личной ответственности и инициативе, вхождению в правительственный институт материалы двух конференций изданы отдельными книгами. В 2008 г. будет проведена конференция, посвященная 150-летию со дня рождения Эмиля Дюркгейма.

Несколько слов о выдающихся книгах, сотворенных белорусскими социологами вместе с российскими, имеющих колоссальное значение для профессионального роста нынешних социологов и особенно для будущих поколений. Это – «Социологическая энциклопедия» (Минск, 2003 г.) под общей редакцией члена-корреспондента НАН Беларуси А. Н. Данилова и «Социологическая энциклопедия» (Минск, 2003 г.), подготовленная редакционной коллегией (председатель – А. А. Грицанов). Последняя книга вышла приличным на наше время тиражом, и почти весь тираж ушел в российский книготорг. Это первые в Беларуси социологические издания подобного рода. Сам их выход подтверждает, что вопреки всем переплетениям белорусская социология выросла, имеет довольно высококвалифицированные кадры, способные творить великие фундаментальные работы, необходимые не только этой науке, но и ученым других отраслей знаний и обществу в целом.

И еще одна очень важная книга. Хотя она называется журналом «Социология», но имеет объем 10 печатных листов, на которых вмещаются в каждом номере около 20 статей белорусских и зарубежных авторов. Это значит, что в течение года имеют возможность напечатать свои статьи около 1000 белорусских социологов. Журнал уже выходит десять лет.

Зная очень сложную ситуацию в Белоруссии с изданием книг и журналов, можно только радоваться такой издательской возможности белорусских социологов. Но никогда не надо забывать, что это достигнуто

только благодаря организаторским способностям А. Н. Данилова, его умением разговаривать с белорусскими чиновниками высокого ранга. Когда в 1997 г. зародилась идея создать журнал «Социология», именно А. Н. Данилов доказал высокопоставленным чиновникам выгоду государству и необходимость науке иметь такой журнал. Потом уже было решение ректора БГУ дополнить серию журналов, издаваемых университетом, еще и журналом «Социология», подобрать главного редактора. И слава богу, что не ошиблись! Главным редактором назначили А. Н. Данилова.

Теперь каждый социолог республики, имея научную идею, интересный исследовательский материал, может напечатать это в своем профессиональном журнале. Это – колоссальная помощь мыслящим, ищущим, много работающим на исследовательском социальном поле социологии.

Кроме того, журнал является площадкой обмена новыми мыслями с социологами других стран. В нем печатаются известные социологи России, Украины, Польши, Литвы, Латвии, Эстонии, Германии, Англии, Италии, Швеции. Это не только источник свежей социологической мысли, но и средство распространения достижений белорусских социологов во всем мире.

ПРЕДМЕТ И СТРУКТУРА СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ. «КРУГЛЫЙ СТОЛ» ЖУРНАЛА «СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»¹

В сентябре 1980 г. в редакции журнала «Социологические исследования» состоялось обсуждение теоретико-методологических проблем марксистско-ленинской социологии. В работе «круглого стола» приняли участие главный редактор журнала доктор философских наук, профессор А. Г. Харчев, заведующий кафедрой философии и научного коммунизма Уфимского авиационного института доктор философских наук, профессор Н. А. Аитов, заместитель директора научно-исследовательского центра ВКШ² при ЦК КПСС доктор философских наук Н. М. Блинов, заведующий

¹ Печатается по: Предмет и структура социологической науки. «Круглый стол» журнала «Социологические исследования» // Социол. исслед. Социс. 1981. № 1. С. 86–101.

² ВШК при ЦК КПСС – Высшая комсомольская школа при Центральном комитете Коммунистической партии Советского Союза (сегодня – Московский гуманитарный университет).

сектором ИСИ АН СССР¹ доктор философских наук Н. Н. Бокарев, заведующий кафедрой философии БГУ доктор философских наук, профессор Г. П. Давидюк, старший научный сотрудник ИМЛ при ЦК КПСС² доктор философских наук профессор А. Г. Здравомыслов, заведующий группой социологии ИИЕиТ АН СССР³ доктор философских наук, профессор В. Ж. Келле, заведующий отделением научного коммунизма философского факультета МГУ доктор философских наук, профессор А. М. Ковалев, заведующий кафедрой методики социальных исследований МГУ доктор философских наук, профессор Д. Ф. Козлов, заведующий отделом ИСИ АН СССР доктор философских наук, профессор Г. В. Осипов, заведующий отделом ИФ АН СССР⁴ доктор философских наук, профессор Ю. К. Плетников, старший научный сотрудник НИЦ ВКШ⁵ кандидат философских наук Ф. Э. Шереги, профессор Ленинградского финансово-экономического института им. Н. А. Вознесенского доктор исторических наук О. И. Шкаратан.

А. Г. Харчев: Обсуждение проблем предмета и структуры научного познания имеет в советской науке давнюю и плодотворную традицию. Это – один из главных теоретических методов координации и корректировки исследовательской работы с целью обеспечить интенсификацию ее наиболее актуальных направлений, определения «стыков» наук, открывающих, как отметил XXV съезд КПСС, «новые возможности для плодотворных исследований как общетеоретического, фундаментального, так и прикладного характера».

Направление и развитие научных знаний, изменение роли отдельных дисциплин в этом развитии, перемещение акцентов в том, что касается проблематики исследований в рамках каждой конкретной науки, делают ее границы, предмет, а следовательно и структуру, весьма подвижными, особенно если иметь в виду современный период бурного научно-технического прогресса, появления все новых «каналов взаимосвязей» между наукой и практикой.

¹ ИСИ АН СССР – Институт социологических исследований Академии наук СССР (сегодня – Институт социологии Российской академии наук).

² ИМЛ ЦК КПСС – Институт марксизма-ленинизма, существовавший при Центральном комитете Коммунистической партии Советского Союза в 1921–1990 гг.

³ ИИЕиТ АН СССР – Институт истории естествознания и техники Академии наук СССР (сегодня – Институт истории естествознания и техники имени С. И. Вавилова Российской академии наук).

⁴ ИФ АН СССР – Институт философии Академии наук СССР (сегодня – Институт философии Российской Академии наук).

⁵ Научно-исследовательский центр Высшей комсомольской школы (1976–1990).

Со времени первых работ, в которых делались плодотворные попытки описать и решить проблемы, ради дальнейшего обсуждения которых мы собрались здесь сегодня, прошло сравнительно немного времени, но это было время больших усилий советских социологов по дальнейшей разработке методологических основ своей науки, расширению ее эмпирической базы, уточнению понятийного аппарата, время, когда наряду с проблемами и ошибками мы имели и определенные достижения, когда – и в этом, по-моему, главное наше достижение – социологические исследования все больше стали ориентироваться на вопросы, решаемые ныне партийными и советскими организациями, а эти организации, в свою очередь, перешли от эпизодических обращений к результатам таких исследований, к их систематическому использованию.

Обсуждая поставленные сегодня проблемы, мы должны, по-видимому, всемерно учесть как накопленный нами исследовательский и преподавательский опыт, так и те изменения, которые происходят в других, особенно смежных, науках, в марксистской социологической науке за рубежом, наконец, опыт идеологической борьбы с буржуазной социологией.

В частности, первоочередного внимания заслуживают проблемы соотношения и взаимодействия теоретической и прикладной социологии, социологии и научного коммунизма, эмпирических исследований, проводимых, с одной стороны, социологами, с другой – представителями иных наук. Обсуждая эти и другие проблемы, не надо упускать из виду и того обстоятельства, что марксистско-ленинская социология постепенно становится учебной, вузовской дисциплиной. Следовательно, нужна эффективная, логически стройная программа ее преподавания. Перед нами стоит нелегкая задача – существенно усовершенствовать уже сложившуюся, следовательно, обладающую определенным запасом инерции точку зрения применительно к новому, еще более ответственному этапу развития советской социологической науки. Для этого у нас есть прочная методологическая база – труды классиков марксизма-ленинизма, документы съездов и пленумов нашей партии. Все это вселяет надежду, что наша сегодняшняя дискуссия, в которой принимают участие не только социологи, но и философы, специалисты по научному коммунизму, будет известным шагом вперед в деле реализации указаний XXV съезда КПСС о дальнейшем повышении теоретического уровня и практической действенности общественных наук.

Н. М. Блинов: Главная цель нашей дискуссии – сделать марксистскую социологию более действенной как в теоретическом, так и в прикладном отношении. Мы продвинулись вперед главным образом в развитии при-

кладных ее аспектов и мало занимались уточнением предмета, функций социологической науки. Практически область ее научных интересов охватывает всю систему общественных отношений в широком смысле этого понятия, все формы жизнедеятельности людей, их взаимодействие с теми или иными аспектами социальной жизни. Объекту социологических исследований – социальным процессам и явлениям – по самой их сути присущ комплексный характер. Классы, группы, личности выступают как носители всей совокупности экономических, политических, идеологических отношений, как субъекты исторического процесса, действующие в соответствии со своими потребностями и интересами.

Особенность предмета марксистско-ленинской социологии в том, что она, во-первых, изучает общество и отдельные его явления в их целостности, единстве экономических, политических, идеологических, культурных факторов; во-вторых, органически соединяет в себе эмпирические исследования с теорией на всех уровнях, вплоть до общесоциологической – исторического материализма. Иначе говоря, марксистско-ленинская социология призвана раскрывать механизмы действия законов и закономерностей общественного развития. Эта специфика определяет широкие масштабы применения ее данных в сфере управления – от ответа на вопросы, поставленные жизнью перед первичными коллективами, до важнейших перспективных проблем социалистического общества в целом.

Мне хотелось бы обратить внимание на нерешенность проблемы самого подхода к уточнению предмета социологии. Правомерно взять за основу и протекание социальных процессов, и деятельность людей. Возможен и двуединый подход, ибо только в процессе деятельности люди вступают в определенные общественные отношения.

Нам предстоит еще уточнить вопрос о закономерностях развития и функционирования общества как целостной системы, о самостоятельных закономерностях его подсистем и подструктур. Здесь также пока что нет единства взглядов.

И еще два момента, о которых хотелось бы сказать. При рассмотрении содержания и структуры социологии мы обычно только констатируем, что, как всякой науке, ей присущи познавательная, идеологическая, практическая функции. А ведь есть еще педагогическая и эвристическая функции. С этим вопросом тесно связаны проблемы социологического образования и методической обученности социологических кадров. Как учить? По каким работам? Иными словами, вопрос о предмете социологии как научной дисциплины на практике превращается в проблему ее предмета, задач, содержания как учебной дисциплины. Это тоже не надо

упускать из виду, чтобы достойно решать те задачи, которые ставит перед социологической наукой наша партия.

Н. А. Аитов: У меня есть некоторое преимущество перед другими участниками дискуссии. Я социолог и одновременно заведую кафедрой научного коммунизма. Но проблематика того, что я читаю в курсе научного коммунизма, и проблематика моих собственно научных исследований совпадают.

Никто, очевидно, не будет спорить, что исторический материализм является методологической базой социологической науки. Однако вряд ли правомерно сводить эту науку только к историческому материализму. На мой взгляд, общей социологической теорией выступает научный коммунизм. Здесь положение аналогично сложившемуся в экономических науках, также основывающихся, как известно, на историческом материализме. Однако их общей теорией является политическая экономия, а от нее идут конкретные отраслевые экономики.

Структура социологического знания также складывается из самой общей теории – исторического материализма; второй части, касающейся социалистического общества, которое мы изучаем, т. е. научного коммунизма, и, наконец, следуют различные отрасли прикладной социологии. Нельзя развивать прикладную социологию без научного коммунизма. И научный коммунизм в отрыве от прикладной социологии скатится к схоластике. Только неразрывное единство этих двух наук может обеспечить развитие всех социальных теорий.

В частности, одно из основных препятствий для дальнейшего развития социального планирования – крайняя неразработанность проблем управления социальными процессами. И хотя в учебниках по научному коммунизму много места отводится этой тематике, ей посвящено много книг, но фактически повсюду рассматривается управление экономическими процессами, а не социальными. А проблема весьма актуальна. Поэтому-то так отрицательно влияет на развитие прикладной социологии недостаточная проработка некоторых вопросов теории научного коммунизма.

А. Г. Здравомыслов: Вопрос о предмете и структуре социологического знания достаточно подробно рассмотрен в советской литературе. Тем не менее весьма полезно время от времени возвращаться к нему, так как проблематика, характер и направленность социологических исследований не остаются постоянными, происходят существенные сдвиги в содержании смежных с социологией дисциплин.

Отраслевые направления марксистско-ленинской социологии, развивающиеся на методологической основе исторического материализма и те-

ории научного коммунизма, позволяют уточнить наш подход к ее предмету и структуре. Но дело в том, что исторический материализм и научный коммунизм не раскрывают содержания отраслевых направлений социологии, не занимаются непосредственно такими проблемами, как, например, удовлетворенность работой, причины текучести рабочей силы, социальные факторы повышения производительности труда, эффективность функционирования учреждений культуры, восприятие пропаганды, которые стали традиционными для социологических исследований. Другой вопрос, что и построение курса научного коммунизма сейчас трудно представить себе без включения в его содержание названных выше сюжетов. Выступавший передо мною профессор Н. А. Аитов обратил внимание лишь на одну сторону отношений между теорией научного коммунизма и марксистско-ленинской социологией. Полное рассмотрение этого вопроса предполагает анализ теоретических связей между историческим материализмом, теорией научного коммунизма и отраслевыми направлениями в социологии. Во всяком случае, при определении предмета марксистско-ленинской социологии нужно отойти от чисто дедуктивного подхода и в большей мере учесть итоги развития отраслевых направлений социологии.

Необходимо, на мой взгляд, попытаться ответить на вопрос: есть ли что-либо общее в содержании, подчеркиваю, в содержании, а не в методологических предпосылках отраслевых направлений социологии, получивших развитие за последние годы? По-видимому, если такой общий момент можно выделить, то это будет содействовать уточнению предмета марксистско-ленинской социологии в целом.

Тезис, который мне хотелось бы предложить на обсуждение, таков: общим элементом всех отраслевых направлений марксистско-ленинской социологии является изучение потребностей, интересов и ценностных ориентаций различных групп населения в их динамике и взаимопереходах. Анализ социологической литературы позволяет утверждать, что категории «потребность» и «интерес» являются специфическими социологическими категориями, что в изучении потребностей, интересов и ценностей состоит специфика социологического знания.

Конечно, и другие общественные науки в той или иной мере обращаются к изучению потребностей, но в них эти категории не являются центральными, основными. Так, экономические науки исследуют потребности в связи с системой экономических отношений, причем основное внимание обращается именно на последние. Общая психология также обращается к исследованию потребностей, но это делается под углом зрения

разработки теории личности. Иначе говоря, во всех общественных науках потребности и интересы исследуются как явления периферийные. В социологии они становятся центральным, основным объектом изучения.

Некоторые авторы, в частности Г. П. Давидюк, усматривают специфику социологии в изучении социологических законов. Он прав в том отношении, что всякая наука стремится к раскрытию регулярных, устойчивых, объективно необходимых связей и отношений. Но остается вопрос: в чем специфика законов социологических? На наш взгляд, суть этих законов в закономерностях развития, изменения потребностей, интересов, ценностных установок и представлений.

Специфика марксистского подхода к анализу этих явлений заключается в рассмотрении потребностей и интересов в тесной связи с экономическими, производственными отношениями, а ценностных ориентаций – в связи с общественным сознанием, с идеологией, с мерой усвоения нравственных норм, функционирующих в данном обществе. В противоположность этому подходу буржуазная социология в качестве исходного, определяющего элемента общественной жизни рассматривает систему ценностей. Поэтому в рамках немарксистских направлений, как правило, внимание к изучению реальных жизненных отношений, к исследованию динамики потребностей и интересов различных социальных групп незначительно.

Обращение марксистской социологии к потребностям и интересам, включение их в предмет социологического знания раскрывает важную линию взаимосвязи между отраслевыми направлениями социологии и общей социологической теорией. Еще в «Немецкой идеологии»¹ основоположники марксизма обосновали тезис о неразрывной связи производительных сил общества и производственных отношений, с одной стороны, и потребностей и интересов – с другой. Такой анализ вовсе не означает «потребительской ориентации» исторического исследования. Ведь потребности рассматриваются в марксизме и как побудительные силы всякой деятельности, и как стимулы социального развития, как движущие силы развития производства и механизмы реализации объективных социальных законов. А если взаимодействие потребностей и интересов составляет содержание социальной жизни в узком смысле слова во всяком обществе, то, естественно, с возрастанием роли факторов социального развития, что мы наблюдаем в условиях зрелого социализма, повышается и роль марксистско-ленинской социологии.

¹ «Немецкая идеология» («Die deutsche Ideologie») – философская работа К. Маркса и Ф. Энгельса, впервые полностью опубликованная в 1932 г. в Москве.

Второй вопрос, на котором хотелось бы остановиться, – неправомерность отождествления таких понятий, как «отраслевые направления социологии» и «специальные социологические теории». Дело в том, что отраслевые направления социологии разнятся прежде всего по объекту, в рамках каждого из них исследуются разные области социальной жизни людей, различные проявления жизнедеятельности человека. При этом важно подчеркнуть, что уровень накопления эмпирических данных и уровень теоретических обобщений может быть различным, одни и те же процессы социального характера могут объясняться различными способами, т. е. с помощью различных специальных социологических теорий.

Специальные же социологические теории – это способы объяснения частных социальных процессов, раскрывающих различные стороны взаимодействия личности и общества. Так, в рамках социологии труда разрабатывается специальная социологическая теория мотивации трудовой деятельности. Здесь сдвиги в мотивации, в причинах удовлетворенности или неудовлетворенности работой рассматриваются в качестве частных социальных процессов. По-видимому, приведенный пример дает общее представление о различии между отраслевыми направлениями социологии и специальными социологическими теориями, хотя вопрос, безусловно, нуждается в дальнейшей разработке.

Н. Н. Бокарев: Мне хотелось бы продолжить разговор об уровнях социологического знания. Если иметь в виду два крайних уровня – исторический материализм и эмпирические исследования, – дискуссия практически завершилась, роль и значение каждого из них в системе социологического знания определены. Сложнее вопрос о специальных социологических теориях. И здесь в выступлениях профессора Н. А. Аитова и профессора А. Г. Здравомыслова прозвучали интересные идеи.

На уровне специальной социологической теории действительно необходимо использовать общеметодологический подход исторического материализма, а также положения теории научного коммунизма, связанные с этим вопросом. Вместе с тем очень важно здесь учитывать положения теории государства и права и других общественных наук.

При определении предмета исследований следует учитывать процесс дифференциации и интеграции как внутри самого социологического знания, так и на стыке его с другими отраслями обществензнания. Потребность в решении социальных проблем, в изучении их социологическими методами привела к тому, что ряды социологов стали пополняться не только за счет целенаправленной подготовки их в вузах и аспирантуре (отметим, правда, что проблемы социологического образования еще не

решены), но и за счет переквалификации людей самых различных профессий – философов, экономистов, филологов, историков, социальных психологов, математиков, юристов, инженеров. Несомненно, такие тенденции прогрессивны. В самом деле, математик, приходя в социологию, приносит с собой весь арсенал методов своей науки. То же можно сказать о социологе, исследующем социально-экономические или идеологические вопросы. Как правило, специалистов широкого профиля в любой области общественнознания отличает умение увидеть предмет исследования в целом, в диалектическом единстве и взаимодействии всех его сторон и элементов, точно определить цель и задачи системного подхода, разработать многовариантные способы решения задач. Особенно важно такое умение для социолога, ведь социологический подход и есть, по существу, системный комплексный подход к явлениям общественной жизни.

Кроме того, процесс переквалификации специалистов означает объединение наук, их сближение на основе общего интереса к изучению той или иной проблемы, а овладение несколькими профессиями способствует выделению новых наук, новых направлений внутри каждой науки, появлению новых профессий. Иными словами, процесс интеграции, сближения наук и соответствующих профессий создает благоприятные возможности и условия для дальнейшей дифференциации знаний об обществе.

Еще на один вопрос дискуссии я бы хотел откликнуться – о соотношении теоретической и прикладной социологии. Теория и практика – широкое и гармоническое развитие перспективных теоретических направлений и практическая реализация ранее достигнутых результатов конкретных исследований – рука об руку «работают» на развитие социологии как науки, на подъем ее престижа. Поэтому лучше говорить о ее прикладной и теоретической функциях. Ведь даже тогда, когда социологию именуют прикладной, мы ее не представляем без теории, без ее теоретической функции.

Г. П. Давидюк: Мы далеко не продвинемся, если будем настаивать на единстве социологии, как это было в предыдущей дискуссии 1960-х гг., когда некоторые философы боялись, как бы исторический материализм чего-то не потерял, и стремились не допустить отпочковывания прикладной социологии.

В естествознании развитие различных направлений дает возможность лучше вести исследования, разрабатывать и теоретические, и эмпирические проблемы. Такую линию мы должны проводить и в социологии: предоставив возможность самостоятельного развития прикладным и фундаментальным социологическим исследованиям. И надо, я думаю, четко

и ясно говорить о двух самостоятельных направлениях в социологии – историческом материализме и прикладной социологии, недаром государством установлена именно такая номенклатура специальностей.

Пока еще в этом размежевании много неясного. Я думаю, критерием разграничения этих направлений должны выступать законы. Исторический материализм исследует наиболее общие законы развития общества, а прикладная социология – специфические законы конкретных социальных процессов, структур, организаций, систем, институтов. Именно такой подход, мне кажется, целесообразен и необходим, поскольку речь идет о методологических проблемах. Вряд ли кто сомневается в том, что исторический материализм – наука методологическая. Но многие не согласны признать это за прикладной социологией, считая, что ее дело лишь сбор и систематизация социологической информации.

С такой точкой зрения трудно согласиться, ибо прикладная социология включает в себя специальные социологические теории. Они-то и составляют специальную методологию прикладных социологических исследований.

Следует также внести ясность в толкование понятия «эмпирический». Рассматривая истмат как общую социологическую теорию, многие забывают, что в нем есть и эмпирическая часть. Любая наука есть единство теоретического и эмпирического. Разница лишь в том, что выводы фундаментальных наук имеют глобальное, перспективное значение, прикладных – реализуются сегодня. Исторический материализм рассматривает социальные процессы на уровне общества в целом, и эмпирические исследования здесь касаются также общества в целом. Прикладная социология имеет другой, более низкий уровень обобщения. Объектом ее исследования являются конкретные социальные институты, системы, процессы. Следовательно, исторический материализм имеет всеобщий эмпирический уровень, прикладная социология – частный.

Итак, исторический материализм является фундаментальной наукой, ибо он разрабатывает общую социологическую теорию, исследуя общество в целом, а прикладная социология – это прикладная наука, изучающая на основе разработанных в ней специальных социологических теорий конкретные социальные процессы, институты, системы.

Ю. К. Плетников: Предметно ответить на вопрос, какие отрасли общественнознания являются социологическими, и тем самым наглядно представить структуру марксистско-ленинской социологии позволяет, на мой взгляд, подход к обществу как целому, целостной системе, социальному организму.

Этому критерию прежде всего отвечает исторический материализм. Его законы – законы общесоциологические. И поскольку они действуют на протяжении всей истории человечества или по крайней мере ряда общественно-экономических формаций, исторический материализм не просто социологическая, а общая социологическая теория. Он изучает различные аспекты функционирования и развития общества: субординацию основных его сфер, социальную структуру и др. Особое место в системе исторического материализма занимают исследования целостности общественной жизни в плане материалистического решения основного вопроса философии, и поэтому нельзя упускать из виду, что исторический материализм не только общесоциологическое, но и социально-философское знание.

Указанный критерий позволяет также поставить вопрос о формационной социологической теории. Предметом ее изучения выступает целостность функционирования и развития исторически определенной общественно-экономической формации. В марксистско-ленинском общественно-экономическом материализме, политической экономии, исторической науке. В этом отношении «Капитал» К. Маркса выходит за рамки экономической теории капитализма, на что обращал внимание В. И. Ленин. Применительно же к коммунистической общественно-экономической формации функцию формационной социологии выполняет теория научного коммунизма, которую нельзя исключать из структуры марксистско-ленинской социологии.

В соответствии с критерием социологического знания выделяются и отраслевые социологические, имеющие дело с отдельными областями общественной жизни. В отличие от специальных несоциологических наук они изучают последние не сами по себе, а в качестве частей целого. Именно здесь, по нашему мнению, и открываются возможности разграничения социологии науки, искусства и науковедения, искусствоведения и т. д. Видимо, можно представить себе и межотраслевые социологические теории, изучающие общие для отдельных областей общественной жизни механизмы общественных процессов.

Наряду со структурой марксистско-ленинской социологической теории важно иметь в виду принципы ее функционирования и развития. Теория исторического материализма выступает по отношению к формационной и отраслевой социологии в качестве общего философского метода – методологии; формационная социология, в свою очередь, – в качестве метода по отношению к отраслевой социологии. Было бы ошибкой не видеть той роли, какую играет обобщение достижений специальных обще-

ственных наук в развитии теории исторического материализма. Однако и исторический материализм, и научный коммунизм развиваются прежде всего на основе непосредственной исторической практики: опыта классовой борьбы рабочего класса и достижений социалистического и коммунистического строительства. Что же касается отраслевой социологии, то ее связь с общественной практикой выступает в специфической форме – в форме конкретных социологических исследований, т. е. первичная социальная информация здесь получается через отдельных индивидов путем изучения их мнения, социальной ориентации, социального поведения и т. д. Поэтому отраслевая (прикладная) социология должна включать два компонента: во-первых, теорию, выполняющую функцию непосредственного метода конкретных социологических исследований той или иной области общественной жизни, во-вторых, методическую часть – методики, технику и процедуры постановки, проведения и обобщения данных исследований.

А. М. Ковалев: Редколлегия журнала «Социологические исследования» сделала доброе дело, организовав «круглый стол» с обсуждением такой важной проблемы, как предмет марксистской социологии.

Разрешите мне остановиться на одном аспекте этой большой и сложной темы: о соотношении научного коммунизма и социологических исследований.

Трудность определения предмета научного коммунизма состоит в том, что он отражает в своем нынешнем состоянии два вида различных по своему характеру процессов, а тем самым два вида законов – социально-политические и социологические.

Научный коммунизм возник как социально-политическая теория марксизма, основным содержанием которой выступали политические проблемы классов и классовой борьбы. Не случайно Ф. Энгельс определял научный коммунизм как теоретическое выражение пролетарского движения. По мере успехов революционного движения, а самое главное, с утверждением реального социализма предмет многих общественных наук, в том числе и научного коммунизма, значительно видоизменился. Все больший удельный вес стали занимать наряду с социально-политическими проблемами также социологические проблемы новой формации. Таким образом, возникла реальная возможность превращения научного коммунизма в науку, дающую целостное представление о процессе возникновения и развития коммунистической формации.

Переходя теперь непосредственно к вопросу о соотношении научного коммунизма и социологических исследований, хочу напомнить, что мно-

гие авторы рассматривают специальные социологические теории как самостоятельный уровень социологического знания. Я тоже придерживался подобного мнения. Вместе с тем в последнее время выдвигается и такая точка зрения: специальные социологические теории на уровне всего общества – это не самостоятельный уровень социологии, а составная часть исторического материализма. Что же касается специальных социологических теорий на уровне коммунистической формации, то они выступают частью научного коммунизма. Следовательно, можно говорить лишь о двух уровнях социологии. Кроме того, марксистская социология включает в себя конкретную или эмпирическую часть, т. е. непосредственные результаты социологических исследований с их специфической методикой и техникой их проведения. Эта точка зрения теперь мне кажется более предпочтительной.

Известно, что эмпирические исследования ведутся не только социологией, но и политической экономией, теорией государства и права, органически входя в структуру этих наук. Они могут и должны проводиться на всех уровнях и имеют отношение ко всей системе общественных наук, но особенно к научному коммунизму, который исследует коммунистическую формацию, обобщая данные других наук о социалистическом обществе. Раскрытие во всей полноте форм и особенностей социалистических коллективов, социальных групп, особенностей городской и сельской жизни и т. п. дает ему возможность формулировать общие принципы развития коммунистического общества.

Конкретные эмпирические исследования, безусловно, дают исходный материал для теоретических обобщений не только научному коммунизму, но и историческому материализму. Однако прежде всего они обеспечивают развитие научного коммунизма. Исторический материализм опирается уже на достижения научного коммунизма, а также других областей знаний. Иначе говоря, он использует социологические и социальные исследования не прямо, а через всю систему конкретных общественных наук.

О. И. Шкаратан: За последние 10 лет в целом подтвердилась принципиальная верность позиции той группы авторов, которые в ходе дискуссий 1965–1970-х гг. сформулировали идею сложной структуры социологической науки, места в ней исторического материализма, значение специальных социологических теорий. Однако стоит задуматься, целесообразно ли канонизировать именно три уровня социологического знания, не назрела ли потребность выделить в качестве особого уровня социетальную теорию, трактуемую с позиций социологии общие закономерности функционирования и развития конкретных исторических обществ, и прежде

всего современного социалистического общества. В этом плане возникает весьма серьезный вопрос о взаимоотношении между социологической теорией, особенно на ее социетальном уровне, и теорией научного коммунизма. Наблюдения за реально сложившимися областями этих двух наук демонстрируют значительную зону их взаимного «наложения» друг на друга. Часто трудно отличить работы в области социологии и научного коммунизма, и нельзя не считаться с этим обстоятельством при обсуждении предмета и структуры социологического знания.

Большой интерес представляет установление взаимосвязи предметных областей социологии, истории и этнографии. В нашей сегодняшней дискуссии я хотел бы обратить внимание на чрезвычайно интересную пограничную область знания – историческую социологию, конкретную дисциплину, раскрывающую типичные черты исторического развития в совокупности социальных отношений в обществе. Дело в том, что традиционная эмпирическая социология оказывается недостаточной, бессильной, как только заходит речь об интерпретации более или менее длительных и широких социальных процессов.

Наша дискуссия имеет отнюдь не академический абстрактный характер, о чем свидетельствует и сложившееся ныне положение с социальным планированием. Социология и социологи сыграли значительную роль в его становлении и развитии. Мы можем гордиться тем, что ныне в соответствии с новой Конституцией СССР в нашей стране на смену народно-хозяйственному планированию пришло комплексное экономическое и социальное. Другими словами, социальное планирование стало на государственную основу, перестало быть делом только инициативы отдельных партийных и хозяйственных руководителей.

Однако в этой области имеются серьезные недостатки. Посмотрите методические указания Госпланов СССР и РСФСР, статьи (за редким исключением) в журнале «Плановое хозяйство», недавно выпущенный новый учебник для экономистов по планированию и т. д., и вы убедитесь, что социальное планирование трактуется в сугубо традиционном плане. Оно предстает как планирование таких отраслей социальной инфраструктуры, как здравоохранение, образование, культура, коммунальное хозяйство и т. д. При этом не учитывается опыт планирования социального развития, накопленный в стране за последние 10 лет. В Ленинградском финансово-экономическом институте им. Н. А. Вознесенского даже отменили специализацию по социальному планированию, фактически все плановики отныне объявлены и знатоками в области социального развития. Отсюда недалеко до вывода о «ненужности» социологической науч-

ной основы для комплексного планирования. Чтобы контролировать, например, в качестве единственного планового показателя эффективности учреждений культуры кассовый сбор, социологии учить и учиться, действительно, не нужно. Так что вопрос о взаимоотношении с экономической наукой и социальной практикой, как я думаю, один из важнейших для дальнейшего развития нашей социологии.

В. Ж. Келле: В 1970 г. в издательстве МГУ вышел сборник, название которого совпадает с темой данного «круглого стола»: «О структуре марксистской социологической теории». Возникает вопрос, продвинулись ли мы в разработке этой проблемы за прошедшие 10 лет. Здесь уже говорилось, что в 1970-е гг. было сделано немало в области прикладных социологических исследований, некоторые специальные направления социологии фактически конституировались как самостоятельные дисциплины. Но в области разработки общих теоретических и методологических проблем ничего существенного не произошло. Обсуждение вопросов структуры социологической теории, как правило, тоже мало выходит за пределы тех постановок и решений, которые уже были отражены в упомянутой книге. Однако движение вперед все же есть. Главное, прочно вошла в научный обиход плодотворная в методологическом отношении идея уровней и среди наших социологов стала общепринятой концепция, признающая иерархичность структуры марксистской социологической науки. Возражений против этой концепции слышно все меньше и меньше. И почвой для этих возражений служит то, что некоторые принципиальные вопросы здесь еще остаются недостаточно проясненными. На двух из них я хотел бы остановиться.

Первый касается места исторического материализма в структуре марксистской социологии. Признание того, что исторический материализм не исчерпывает собой всей марксистской социологии, а является общесоциологической теорией, т. е. теоретико-методологической основой марксистской социологической науки, имело очень важное значение для развития социологии в нашей стране.

Такой подход открыл широкую дорогу развитию специальных направлений социологии и в то же время позволил концептуально, теоретически обосновать необходимость и важность для всех направлений использования именно марксистской методологии, ядром которой выступает здесь исторический материализм, ориентировал на разработку частных социологических теорий на базе исторического материализма как общей теории. Тем самым прочеркивались контуры стройного здания марксистской социологии, противостоящей социологии буржуазной,

развивающейся на иной методологической и мировоззренческой основе. Он позволил также выявить новые грани и в самом историческом материализме, конкретизировать его задачи и функции, поскольку установление связи исторического материализма со сферой конкретных социологических исследований потребовало разработки ряда теоретико-методологических проблем, дальнейшего совершенствования его методологического инструментария. Не буду подробно останавливаться на этой проблеме, она требует специального обсуждения. Здесь же важно констатировать ее наличие.

Вместе с тем исторический материализм как общесоциологическая теория выполняет важную функцию интегрирующего начала марксистской социологии. Происходящий в социологии процесс дифференциации не означает, что она будет постепенно превращаться в конгломерат отдельных направлений и дисциплин. Социология — наука единая, и основа этого единства — наличие общесоциологической теории, общих методов исследования. Социальные явления тесно связаны друг с другом. Поэтому наряду с процессами дифференциации в социологии неизбежны и интегрирующие процессы. Их тоже следует изучать.

Второй вопрос касается разграничения общей и специальных (частных) социологических теорий. Если быть предельно кратким, то можно сказать, что общая теория характеризует структуру общества как целого, основные элементы структуры, связи и взаимодействия между ними, зависимость вторичных социальных образований от материальных основ общественной жизни, общее направление исторического процесса развития и смены общественно-экономических формаций, детерминирующую роль объективных условий и роль субъективного начала в деятельности людей. На этом самом высоком теоретическом уровне исторический материализм является объясняющей теорией и выполняет данную функцию, опираясь на наиболее общие законы общественного развития. Что же касается конкретных социальных процессов, то в отношении их исторический материализм не может играть такую роль. Здесь он выполняет функцию методологическую, т. е. служит руководством к их исследованию. Чтобы понять и объяснить те или иные фрагменты социальной реальности, необходимы более конкретные социологические (частносоциологические) теории. Их отличие от теории общей, следовательно, в том, что, построенные на ее базе и на определенной совокупности данных, полученных в результате эмпирических исследований, они находятся на более конкретном теоретическом уровне. Такая постановка вопроса не только позволяет найти четкий критерий разграничения общей и специальной социологи-

ческих теорий, но и ориентирует различные направления социологического исследования на разработку «объясняющих» теорий разного уровня соответственно изучаемому фрагменту действительности.

Отмечая наличие уровней в структуре социологической теории, нельзя вместе с тем быть педантом в трактовке этого вопроса, поскольку специальные социологические теории («теории среднего уровня», по терминологии Р. Мертона¹) могут быть более и менее общими. Применительно к уровню частносоциологических теорий можно, на мой взгляд, говорить о теориях различной степени общности. Но чертой, их объединяющей, является способность объяснять протекание конкретных социальных процессов.

Хотелось бы, чтобы наш «круглый стол» стимулировал дальнейшую разработку методологических проблем социологии, в том числе вопросов анализа структуры социологической теории.

Д. Ф. Козлов: Продолжая обсуждение проблемы специальных (частных) социологических теорий, отмечу, что до сего времени наименее полно и обстоятельно рассмотрены вопросы, связанные с выяснением их места, роли и границ, их объекта, структуры, особенностей, логики, способа фиксации результатов и функций как элементов единого познавательного процесса. Кроме того, недостаточно четко решены и вопросы научно-методологических основ конкретных социологических исследований, а также взаимоперехода от общесоциологического уровня к уровню специальных социологических теорий. Эти обстоятельства, видимо, в известной степени и послужили одной из причин данного обсуждения.

Динамичное развитие советской социологии, отвечающее потребностям практики коммунистического строительства, размах конкретных социологических исследований и их качественный рост, многообразие направлений, охватывающих практически все области общественной жизни, – все это определило важность разработки методологической проблематики современного социологического познания. В широком смысле этот его аспект отождествляется с теоретическим уровнем исследования в отличие от уровня эмпирического (методически процедурной части). Однако сегодня имеет смысл выделить и специфические методологические проблемы, которые не могут быть сведены к разработке собственно теоретических представлений. К таковым прежде всего относится эффективность различных познавательных форм в процессе их применения, функционирования.

¹ Роберт Кинг Мертон (1910–2003) – американский социолог.

В современной советской социологии можно выделить три рода методологических проблем, обусловленных развитием социологического познания, лежащих в основе потребности в разработке специальных социологических теорий.

Прежде всего специальные социологические теории призваны решать логико-гносеологические проблемы внутрисоциологического порядка. Речь идет о необходимости обеспечения корректного междууровневого движения в рамках социологической науки. Специальные социологические теории в известной мере играют роль средства теоретического синтеза различных направлений исследований социальных явлений и процессов. Их интеграционная роль проявляется при обобщении различных элементов современного социологического знания, которые характеризуются различной степенью развитости, широты и глубины проникновения в суть явлений объективной действительности.

Другим, не менее важным, «слоем» методологических проблем является обеспечение теоретического синтеза в системе обществознания в целом. Развитие широких эмпирических исследований позволило выделить в областях, ранее считающихся предметной сферой частных общественных наук, социологические аспекты. Это обстоятельство отражает наличие в объективной действительности некоторых общих связей и зависимостей, которые проявляются на любых уровнях исследования. Иными словами, особенно остро встала проблема взаимодействия социальных исследований на всех уровнях познания. Специальные социологические теории тем самым призваны расширить область методологического функционирования общей социологической теории исторического материализма — в системе общественных наук.

Третий уровень методологических проблем, средством решения которых призваны стать специальные социологические теории, обязан своим возникновением развитию специфических подходов, получивших название междисциплинарных. В их русле и осуществляется проникновение в сферу обществознания методов естественных наук и математики. К числу таких подходов, опирающихся на представления более общего, чем частнонаучный, но менее общего, чем философский, порядка, относится, например, информационный, кибернетический и др. Развитие междисциплинарных исследований обусловило появление различных методологических средств, призванных осуществить системное воспроизведение объекта. Однако не всякие общенаучные подходы и теоретические представления могут стать основанием применения системного подхода в сфере изучения общественных явлений и процессов. Эта функция с мак-

симальной эффективностью выполняется лишь специальными социологическими теориями, так как они непосредственно опираются на теорию и методологию исторического материализма.

Г. В. Осипов: Для дискуссий о предмете марксистско-ленинской социологии, проводившихся ранее, характерны были два основных подхода, страдавших односторонностью и узостью. Представители первого, который в основном уже преодолен, пытались свести социологию только к ее эмпирическому уровню. Подобное понимание сводило задачи социологии только к роли поставщика фактического материала для других общественных наук, что неверно ориентирует исследовательскую практику. В соответствии со вторым подходом предмет социологии отождествлялся с предметом исторического материализма, т. е. неоправданно суживался, поскольку социологическое знание не исчерпывается общей социологической теорией. Действительно, в качестве общей социологической теории марксистско-ленинская социология совпадает с историческим материализмом, но это совпадение не означает их тождественности. Наряду с историческим материализмом как общесоциологической теорией она включает в себя совокупность специальных (частных) социологических теорий и, наконец, конкретные социологические факты, получаемые на эмпирическом уровне.

Различие между историческим материализмом как общей социологической теорией и специальными социологическими теориями состоит, на наш взгляд, в уровне обобщения. Исторический материализм обобщает на уровне социально-всеобщего. Это означает, что он выявляет наиболее общие элементы данной социальной системы, всеобщие структурные связи и закономерности; рассматривает любое социальное явление лишь как элемент социальной целостности, не анализируя его как особую подсистему со своими относительно самостоятельными закономерностями. Поэтому исторический материализм формулирует основные методологические установки изучения данного социального явления, которые конкретизируются и обогащаются на уровне специальных социологических теорий.

Поскольку специфические черты и закономерности конкретных общественных явлений в рамках исторически определенных формаций не могут быть просто редуцированы из общесоциологической теории, их познание требует эмпирических исследований. При этом частные социологические теории в качестве способа обобщения эмпирических материалов включают в себя методы получения и обработки фактических данных. Рассматривая определенные, конкретные общественные явления на уровне обобщения, допускающем эмпирическую его проверку, они носят конкретно-

научный характер, что дает им возможность быть основой для практических выводов и рекомендаций.

Исторический материализм, специальные социологические теории и эмпирические исследования – это различные стороны единой социологической науки, диалектически взаимосвязанные между собой.

Будучи наукой со сложной структурой, марксистско-ленинская социология вступает в сложные отношения с другими общественными науками, занимая в их ряду особое место. В качестве общей социологической теории она выступает по отношению к этим наукам как метод, направляющий их исследования; в качестве конкретного эмпирического познания социология сама испытывает методологическое влияние специальных общественных наук. Частные же социологические теории вбирают существенные для данной сферы социальной жизни закономерности и категории в свое содержание, в свой предмет. Таким образом, происходит сложный процесс взаимовлияния и взаимообогащения марксистско-ленинской социологии и специальных общественных наук.

Теперь несколько соображений, возникших в ходе дискуссии. В выступлении Г. П. Давидюка говорится о двух самостоятельных направлениях в социологии – историческом материализме и прикладной социологии. Он предлагает для каждого из этих направлений разрабатывать свою структуру и предмет. Думается, что он недооценивает роль специальных социологических теорий, а это, по нашему мнению, может привести к искажению действительного взаимодействия различных уровней социологии как науки.

Ю. К. Плетников в своем выступлении выдвинул предложение, чтобы общая теоретическая социология марксизма – исторический материализм – была конкретизирована через «формационные социологии», т. е. социологические науки, изучающие определенные общественно-экономические формации. Он предлагает, в частности, рассматривать теорию научного коммунизма в качестве социологической науки, изучающей законы коммунистической формации. Нам представляется, что эта точка зрения трактует предмет социологии расширительно. Мне не хотелось бы подробно рассматривать здесь вопрос о предмете научного коммунизма. Все присутствующие, несомненно, читали статью П. Н. Федосеева в «Правде», в которой убедительно показано, что теория научного коммунизма является социально-политической теорией марксизма, и содержатся обоснованные возражения против ее расширительной трактовки как науки, призванной вобрать в себя все отрасли обществензнания, поскольку, мол, они изучают коммунистическую формацию. Ю. К. Плетников прав в том отношении,

что теория научного коммунизма, безусловно, является наряду с историческим материализмом методологической основой конкретно-социологических исследований в условиях социалистического общества. Но он неправ в том, что теория научного коммунизма является якобы составной частью социологии как науки.

Теперь несколько слов по поводу определения социологии как науки о потребностях, интересах и ценностных ориентациях, которое предлагает А. Г. Здравомыслов. Нет сомнения в том, что социология, притом на всех уровнях, изучает потребности, интересы и ценностные ориентации. Но потребности, а поэтому интересы и ценностные ориентации возникают на вполне определенной объективной основе, которой выступает система экономических отношений. А. Г. Здравомыслов, правда, оговаривает, что марксистская социология изучает потребности и интересы в связи с экономическими отношениями, а ценностные ориентации – в связи с общественным сознанием. Однако сами экономические отношения при такой постановке вопроса оказываются как бы вне предмета социологии. А с этим никак нельзя согласиться.

Таким образом, пока что наиболее близким к истине представляется определение предмета социологии, данное авторами «Рабочей книги социолога»: «Марксистско-ленинская социология в целом – это наука об общих и специфических законах функционирования и развития общественно-экономических формаций, механизмах действия и формах проявления этих законов в деятельности личностей, социальных групп, классов, народов»¹.

Ф. Э. Шереги: Научное познание социальных процессов, строящееся на принципе историзма, в качестве основного метода познания предполагает использование системы категорий диалектики, т. е. диалектический способ мышления. Уместно вспомнить указание В. И. Ленина, что диалектика и есть «научный метод в социологии».

Марксистская социология рассматривает общество как целостный организм в трех измерениях: во взаимодействии экономической, социальной и духовной сфер жизни. Исторический материализм есть общая социологическая теория и методология социального познания. В более общей форме можно сказать, что социология есть наука об источниках, механизмах и направлении развития общества, т. е. о генезисе общества. Подобный подход не противоречит тому факту, что исторический мате-

¹Рабочая книга социолога / М. Н. Руткевич [и др.] ; редкол.: Г. В. Осипов (отв. ред.) [и др.] ; АН СССР, Ин-т социол. исслед. М. : Наука, 1976.

риализм развертывается (не отпочковывается!) в целую систему составляющих теорий. Причем не только в форме социологических теорий социальных институтов (семьи, организаций...) или социальной структуры, но в виде теории каждого элемента общественной формации, изменяющего свое содержание и форму со сменой формаций.

Законы смены формаций относятся и к составляющим элементам этих формаций. А посему генезис составляющих элементов имеет ту же логику развития (диалектику), что и сама формация. Каждый последующий этап есть структурно более усложненный организм, включающий все предшествовавшие структурные формы, но с изменившимся содержанием. Чтобы построить социологию семьи, социологию личности и т. д., необходимо проследить во всех формациях диалектику генезиса содержания и структуры объекта. Только в этом случае мы сможем представить будущее объекта, верно отразить его структуру (состояние) в настоящее время. Эта структура одновременно должна лежать в основе контролируемых социальных показателей объекта, а также определять логику операционализации и построения инструментария для «снятия» эмпирических индикаторов как таковых.

Обратный же процесс – попытка выявить сущностную структуру социального объекта не на основе анализа его исторического генезиса, а путем формальной группировки социальной эмпирии – чреват переносом на коммунистическую формацию выводов, полученных в результате интерпретации данных при помощи категорий, соответствующих предшествующим этапам общественного развития. Именно поэтому только в результате развертывания исторического материализма в систему составляющих социологических теорий можно прийти к теории научного коммунизма, которая в системе категорий отражает социальную практику нового общества. В этом смысле исторический материализм и научный коммунизм глубоко едины. Исторический материализм через социологические теории перерастает в научный коммунизм.

А. Г. Харчев: Когда возникла идея этой дискуссии, были сильные сомнения в ее целесообразности. Теперь ясно, что она в высшей степени своевременна, хотя бы потому, что позволила выявить некоторые уязвимые места концепции «трехуровневой» структуры социологической науки, познакомиться с гипотезами, призванными усилить эту концепцию, обменяться мнениями с нашими коллегами-специалистами в области философии и научного коммунизма – о соотношении предметов наших наук, о том, что ожидают от развития социологии ученые, проявляющие к ней живой интерес, но непосредственно социологическими исследованиями не занимающиеся. Для нас эти мнения особенно ценны, не только потому,

что со стороны иногда виднее, но и потому, что в них заключен опыт примерно такой же работы, какой мы сейчас занимаемся, но работы в большей мере завершенной. Я имею ввиду дискуссии о предметах философии и научного коммунизма.

В то же время из состоявшегося обмена мнениями ясно, что дальнейшее уточнение предмета и структуры марксистско-ленинской социологии отчасти зависит и от того, как соответствующие проблемы будут решаться в смежных науках. Причем может выясниться, что некоторые из этих наук также имеют «многоуровневую» структуру. В отношении этики такая точка зрения в литературе уже высказана. Данное обстоятельство, по-моему, больше облегчает, чем осложняет решение проблемы соотношения этики и социологии морали.

В свою очередь, термин «социология морали» напоминает нам еще об одном теоретическом вопросе, серьезное обсуждение которого может существенно помочь выяснению предмета и структуры социологической науки: каковы те критерии, которые определяли бы необходимость институционализации того или иного направления социологических исследований со своим, так сказать, «подпредметом» и статутom? Сегодня у нас есть социологии города, деревни, труда, досуга, личности, семьи, образования, промышленная социология и некоторые другие. Завтра может появиться множество новых, вплоть до социологий автолюбительства и футбола-хоккея, благо интересующихся этими объектами отнюдь не мало. «Многоуровневая» концепция недостаточно учитывает эту тенденцию и даже противоречит ей, если — как иногда случается — каждое из исследовательских направлений идентифицировать со «средним уровнем». Помочь здесь может, как справедливо отмечалось в ходе дискуссии, во-первых, более тщательная разработка понятий «средний уровень» и теория среднего уровня»; во-вторых, структурирование социологии не только по уровням, но и по характеру исследований: на теоретические и прикладные. Значит, возникает далеко не простая проблема соотношения этих двух подходов.

Наиболее яркий образец прикладных исследований — подготовка планов социального развития. И то, что идея экономического и социального планирования иногда профанируется, — результат не только инертности некоторых плановых органов, но и отставания прикладной отрасли (употребляя этот термин за неимением пока лучшего) нашей науки от потребностей практики. Мы много пишем о том, что надо делать, но почти не исследуем возможностей, альтернатив, путей достижения желаемого результата: как, за счет каких резервов, при помощи каких средств делать? А ведь просто пожелания в план не включишь. Так что давайте и дальше бороться за внедрение социального планирования, но бороться, система-

тически наращивая объем и повышая качество той научной информации, которая должна лечь в основу планов.

Наш «круглый стол», несомненно, стимулирует теоретическую работу по уточнению предмета, структуры, а значит, и задач, функций марксистско-ленинской социологии, так как обсуждение — и в этом также состоит большая его ценность — еще раз подтвердило, как много значит для решения конкретных исследовательских проблем, особенно стыковых, междисциплинарных, ясность в этом изначальном теоретическом вопросе всякой науки.

СОЦИОЛОГИЯ СЕГОДНЯ И ЗАВТРА¹

Социологией сегодня интересуются многие. Интерес настолько велик, что социологами на предприятиях кое-где работают инженеры, биологи, даже... строители. На философское отделение Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина, где одна подгруппа специализируется по социологии, самый большой конкурс по университету — 10–12 заявлений на одно место.

Резко повысился интерес к социологическим исследованиям, а точнее говоря к их результатам, у руководителей предприятий. Теперь крупный завод, особенно производственно-техническое объединение, без социологической службы (группы или лаборатории) немыслим. В Минске работает уже 47 заводских социологов. А на таких предприятиях, как тракторный, автомобильный, заводы шестерен, станкостроительный имени С. М. Кирова, Оршанский льнокомбинат, созданы социологические группы. Многие предприятия сегодня охотно заключают договоры с научными учреждениями на ведение социологических исследований.

Чем вызван такой интерес к социологии? Прежде всего тем, что она исследует злободневные социальные проблемы. К примеру, руководителям завода имени С. М. Кирова важно знать, какова эффективность социалистического соревнования. Партком Оршанского льнокомбината интересуется идейно-нравственное состояние коллектива. Ответы на эти вопросы им дают социологи.

В общем, социология изучает явления, процессы, происходящие в коллективах, социальных группах, слоях, классах и между ними. Изучение

¹ Печатается по: Давидюк Г. П. Социология сегодня и завтра // Совет. Белоруссия. 1976. 8 июля. С. 2.

социальных отношений, связей на этом уровне ведет к обнаружению тенденций, закономерностей развития социальных систем, структур. Прикладная социология – наука о специфических законах становления, развития и функционирования конкретных социальных систем, структур, организаций и их элементов. Именно эти законы являются предметом ее исследования.

Изучая различные социальные явления, социологи выполняют указание XXV съезда КПСС о «самой тесной связи науки с жизнью». Социологические исследования вскрывают факторы, влияющие на деятельность и поступки людей, на их перемещение, взаимоотношения, поведение и т. д.

Так, исследования, проводимые на предприятиях республики по проблеме текучести кадров, опровергают гипотезу о том, будто основная причина этого – зарплата. Увольняющиеся с предприятий по так называемому собственному желанию указывают прежде всего на содержание труда, отсутствие возможности профессионального роста, низкую культуру производства, ненормальные отношения в коллективе, на отсутствие профилактических, спортивных комплексов и т. п.

Анализ проблем научного управления социальными процессами показывает, что образование производственно-технических объединений требует коренной перестройки управления. Старое управление, приспособленное к старой производственной структуре, неэффективно. Оно утопает в бумажном потоке, информация застревает в звеньях, не готовых к ее переработке и оперативным решениям.

Еще один аспект этой проблемы.

Все шире вводятся на предприятиях и в министерствах АСУ¹, АСУП², а какой нужен работник для управления этими системами, никто не знает. Как математики дают математическое обеспечение для названных систем, так социологи должны дать социологическое обеспечение, т. е. раскрыть степень психологических нагрузок, особенность подготовки специалистов для этой области.

Успех любого дела зависит от людей. А значит, от условий их работы, взаимоотношений между ними, настроения, здоровья каждого человека. Все это учитывают, изучают социологи. К примеру, одно дело работать шофером в колхозе, другое – водителем городского автобуса. У первого перед глазами простор, поля, у второго – беспрерывная митусня пешеходов, которая настолько его изматывает, что и во сне он видит пешехода,

¹АСУ – автоматизированная система управления.

²АСУП – автоматизированная система управления предприятием.

перебегающего улицу на красный свет. Поэтому не случайно не все водители городских автобусов выдерживают психологическое давление и остаются на этой работе. Как решить эту сложную проблему с учетом бурного развития городского автотранспорта – такова еще одна задача социологов.

Трудовой коллектив – основная ячейка советского общества, в которой формируется у людей социалистическое отношение к труду, коммунистическая нравственность, воспитывается любовь к Родине, пролетарский интернационализм. Каким путем, с помощью каких средств сделать коллектив наиболее эффективно выполняющим эту функцию? И опять ответ на этот вопрос в каждом конкретном случае ищут социологи.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что именно в силу усложнения, обогащения социальной жизни, слияния социального и научно-технического прогресса в нашем обществе необходимость социологических исследований становится все более очевидной. Однако уровень их, сами исследовательские учреждения и особенно система подготовки социологических кадров пока не соответствуют новым требованиям.

Сегодня эти исследования часто ведутся одиночками или небольшими группами, на отдельных предприятиях. Их результаты, как правило, касаются только данного завода или колхоза. На целую отрасль распространить их нельзя. Настало время создавать в министерствах отраслевые социологические лаборатории, которые охватывали бы своими исследованиями социальные проблемы всей отрасли. Это объединило бы силы, дало возможность более эффективно использовать научные кадры.

В Беларуси создано два научных социологических центра – в Академии наук БССР и Белорусском государственном университете имени В. И. Ленина. Их социологические секторы решают большие проблемы, но, к сожалению, очень ограниченными силами. Например, сформированный недавно в БГУ сектор социологии труда имеет в своем штате шесть сотрудников, а задача перед ним поставлена масштабная – изучить изменения содержания и характера труда во всей промышленности республики и вскрыть тенденции этих изменений. Аналогичное положение в других университетских и академических социологических подразделениях. Их тематика все усложняется, объем работы растет, финансирование же остается на прежнем уровне. В секторе прикладных исследований БГУ каждый год остается несколько невыполненных заявок из-за того, что Минвуз БССР¹ ограничивает лимиты на хозяйственные работы.

В связи с необходимостью решать большие социологические проблемы следовало бы создать в республике научно-исследовательский инсти-

¹ Министерство высшего и среднего специального образования БССР.

тут социологии. Он бы сконцентрировал научные кадры, выполнял задания правительства республики и координировал работу всех отраслевых социологических групп и лабораторий.

Острой проблемой в республике является подготовка социологических кадров. Пока очень мало кандидатов наук, окончивших аспирантуру по специальности «прикладная социология». Среди социологов без ученой степени также очень немногие имеют специальное образование. Лишь выпускники философского отделения БГУ имени В. И. Ленина, специализирующиеся по социологии, имеют достаточную подготовку для ведения конкретных исследований. Но Белорусский государственный университет выпускает пока только 12 специалистов в год. Это крайне мало, мы не можем и наполовину удовлетворить заявки предприятий. Поэтому вопрос открытия социологического отделения в Белорусском государственном университете имени В. И. Ленина имеет важное значение для обеспечения всех предприятий, учреждений республики высококвалифицированными кадрами социологов. Впереди у социологической науки – новые обширные задачи огромной важности. Выполнение их требует тщательной и разносторонней подготовки, которую нельзя откладывать на завтра.

ПОДГОТОВКА СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ КАДРОВ В ВУЗАХ БЕЛОРУССИИ¹

Практика коммунистического строительства ставит задачу научного управления социальными процессами, без решения которой невозможно органическое соединение достижений научно-технической революции с преимуществами социалистической системы. Для этого необходимо систематически и на высоком научном уровне исследовать происходящие в нашем обществе социальные изменения, анализировать тенденции, закономерности развития отдельных социальных явлений. Выполнить эту сложную работу могут только хорошо подготовленные, высококвалифицированные социологи.

Такие кадры должна готовить высшая школа. Однако, как отмечалось на IV Всесоюзной отчетно-выборной конференции Советской социологической ассоциации, состоявшейся 26–27 апреля 1977 г. в Москве, в отличие от других стран социалистического содружества у нас еще не

¹ Печатается по: Давидюк Г. П. Подготовка социологических кадров в вузах Белоруссии // Социол. исслед. 1977. № 3. С. 186–189.

создана система высшего социологического образования. На философских факультетах готовят специалистов только в области общей социологической теории – исторического материализма.

Однако подготовка знающих общую социологическую теорию философов – это лишь одна из сторон многогранной проблемы социологического образования. Хорошо разбираясь в общетеоретических вопросах, но не умея вести полевые работы, такой специалист оказывается беспомощным в условиях заводской социологической лаборатории. Это убедительно показала наша практика. До 1973 г. философское отделение Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина распределяло на предприятия и в учреждения в качестве социологов специалистов в области диалектического и исторического материализма. Все они потом доучивались на отделении социологии Университета марксизма-ленинизма при Минском горкоме КПБ или на городских постоянно действующих курсах по социальному планированию.

С 1973 г. БГУ им. В. И. Ленина ввел на философском отделении специализацию по прикладной социологии, предусматривавшую систему спецкурсов в объеме 600 ч. При этом стали изучаться логика научного познания, методология и методика прикладных социологических исследований, социология в БССР, социальная психология, социальное планирование и прогнозирование, научное управление социальными процессами, статистико-математические методы в социологии, социальные последствия научно-технической революции, диалектика социальных процессов современной эпохи, проблемы социальной структуры советского общества, социология труда, социология семьи, социология культуры, социальные проблемы города и деревни.

Но и при этом, к сожалению, социологическая подготовка наших выпускников осталась слишком общей. Практика показывает, что следует отдельно готовить социологов для научно-исследовательских учреждений, заводских социологов и социологов, идущих на работу в управленческий аппарат, так как им приходится решать разные задачи. Для работы в аппарате управления нужны социологи, хорошо освоившие теорию управления. От заводского социолога требуется глубокое знание характера и содержания промышленного труда, теории развития коллектива, социально-психологического климата коллектива. Научный сотрудник должен быть подготовлен прежде всего к решению методологических вопросов, методики исследования, разработки процедуры для проведения сравнительных исследований.

К настоящему времени в Белорусском и Гомельском государственных университетах накоплен определенный опыт дифференцированной

подготовки социологов на философских и экономических факультетах. Поскольку в номенклатуре учебных специальностей, утвержденной Министерством высшего и среднего специального образования, «социологии» или «прикладной социологии» до сих пор нет, то каждый вуз «привязывает» подготовку социологов к профильной для них специальности.

Так, в БГУ, где студенты специализируются по социологии на философском отделении, выпускникам выдают диплом философа-социолога, а в Гомельском государственном университете, где специализация происходит на отделении экономики, – экономиста-социолога. Выпускники философского отделения имеют широкие познания в области методологии и процедуры социологических исследований, специальных социологических теорий. Гомельский государственный университет подробно знакомит будущих экономистов-социологов с экономикой промышленности, управления и организацией труда.

Нынешняя практика подготовки социологов будет совершенствоваться. Но уже сегодня многое из опыта ее может быть использовано при решении вопроса о социологическом образовании в стране.

Прежде всего очевидна целесообразность подготовки социологов на философском и экономическом факультетах. Социологическая специализация философских факультетов должна быть ориентирована на перспективу работы выпускников в научно-исследовательских учреждениях, где им предстоит решать теоретические вопросы, разрабатывать методологию и процедуру исследования широких, а подчас и комплексных проблем.

На экономических факультетах следует готовить заводских социологов, давая им всесторонние знания по промышленной социологии, социологии труда, социологии воспитания, социальной психологии. Главный предмет их будущих исследований – взаимоотношения в малых социальных группах, и прежде всего в трудовых коллективах.

Правда, при такой подготовке социологов не обеспечиваются квалифицированными кадрами социологические учреждения юридического профиля. Очевидно, их должны готовить те учебные и научные учреждения, которые занимаются правовыми проблемами.

Предлагаемый путь подготовки социологов следует рассматривать как временный, переходный. Он призван подготовить необходимые условия для создания самостоятельных социологических факультетов. Развитие специализации, рост кадров преподавателей социологии, создание социологических кадров – процесс продолжительный. Он займет не одну пятилетку. А пока следует активно развивать социологическое образование на той базе, которая уже имеется, официально разрешив на ряде факультетов подготовку кадров высшей квалификации по специальности «социология».

Кроме того, следует и дальше развязать социологическое образование в университетах марксизма-ленинизма. Например, в Университете марксизма-ленинизма при Минском горкоме КПБ с 1969 г. работает отделение социологии. На первом курсе слушателям этого отделения читаются курсы: «Социологические исследования и их история», «Основные законы и категории марксистско-ленинской прикладной социологии», специальные социологические теории, социальная психология. На втором курсе преподаются: «Программирование социологического исследования» (38 ч), «Методы сбора социологической информации» (30 ч), «Количественные методы в социологии» (18 ч). Ежегодно отделение заканчивают 50–60 человек. Как правило, это специалисты разных профилей, имеющие высшее образование. Прослушав за время учебы в университете марксизма-ленинизма 200 ч по социологии, они приобретают знания, позволяющие им проводить исследования в учреждениях и на предприятиях, а следовательно, принимать более обоснованные решения по практическим вопросам жизни и деятельности своих коллективов.

Большинство заводских социологов Минска имеет социологическое образование в объеме отделения социологии Университета марксизма-ленинизма. Для начала это хорошо. Но в будущем эти должности должны замещаться социологами-профессионалами, ибо только в этом случае может быть обеспечена максимальная отдача социологических служб на предприятиях. Отделения социологии университетов марксизма-ленинизма целесообразнее всего переориентировать на переподготовку социологов: углубление их знаний по определенным, наиболее актуальным теоретическим и методическим проблемам.

Сегодня еще нет однозначного ответа на вопрос: «Чему обучать социологов?» Каждый вуз, где ведется специализация по социологии, решает его по-своему. Например, на философском отделении БГУ социологии отводится 600 ч, на экономическом же факультете Гомельского госуниверситета – 600–700 ч. В то же время спектр обучения студентов-социологов в немалой степени зависит от наличия в вузе профессорско-преподавательских кадров, способных читать спецкурсы, а также от существующих в данный момент потребностей в специалистах того или иного профиля.

Например, в БГУ студенты-социологи III–IV курсов слушают следующие спецкурсы и семинары: «Методология, методика и техника социологического исследования» (100 ч), «Статистико-математические методы в социологии» (68 ч), «Обработка социологической информации» (36 ч), «Диалектика социальных процессов современной эпохи» (68 ч), «Социальные последствия научно-технической революции» (34 ч), «Мето-

дология познания социальных явлений» (60 ч), «Критика современной буржуазной социологии» (68 ч), «Социальная структура советского общества» (34 ч), «Социология труда и воспитания» (36 ч), «Научные основы управления социальными процессами» (68 ч), «Социальная психология» (56 ч), «Социология семьи» (24 ч), «Социология культуры» (34 ч), «Социальные проблемы города и деревни» (34 ч), «Системный анализ в социологическом исследовании» (24 ч).

Кроме теоретической подготовки, студенты БГУ, специализирующиеся по прикладной социологии, проходят месячную производственную практику на III курсе (в июне) и трехмесячную на V курсе (в ноябре – январе). Она проводится в проблемной лаборатории социологических исследований университета. Причем если на III курсе студенты только знакомятся со всеми видами работы социолога, то на V курсе они сами непосредственно участвуют в исследовании темы, родственной их дипломной работе: разрабатывают инструментарий исследований, проводят анкетирование, интервью, изучают документы, обрабатывают и анализируют собранную информацию. Некоторые студенты проводят даже включенное наблюдение. Особенно эффективной бывает практика, если студенты проходят ее в группах, ведущих полевые работы на заводах, где им потом придется работать. Поэтому мы назначаем двух руководителей практики: преподавателя и руководителя группы, ведущей исследования на предприятии.

И все же подобное обучение социолога нельзя признать удовлетворительным с точки зрения предъявляемых ему требований. Для полноценной подготовки социологов необходим такой учебный план, который бы предусматривал 2600–2700 учебных часов только по социологии. Сюда должны войти большие курсы по истории социологии (буржуазной и марксистской), по общей социологической теории, по специфическим социологическим теориям, методологии социологических исследований (на каждый из этих курсов следует предусмотреть по 300–400 ч). По 150–170 ч следует выделять на родственные с социологией дисциплины, имеющие не только научное, но и воспитательное значение. Это прежде всего физиология человека, социальная психология, этика, эстетика, социальные последствия научно-технической революции.

Освоение студентами названных курсов сделает их действительно высококвалифицированными специалистами, глубоко знающими теорию и методику социологических исследований.

Основная задача специализации – подготовить студента к предстоящей социологической деятельности. Студенту-социологу, которому предстоит после учебы работать в управленческих аппаратах, нужны спец-

курсы, раскрывающие теории управления: «Субъект и объект управления» (32 ч), «Принципы, методы, средства социального управления» (100 ч), «Научная выработка управленческого решения» (36 ч), «Информация в социальном управлении и ее обработка» (68 ч), «Диалектика руководителя и коллектива» (32 ч), «Управленческая этика» (68 ч) и др.

Готовя социологов для работы на промышленных предприятиях, необходимо сосредоточить основное внимание на раскрытии специфики производственного коллектива, социально-психологического климата, коммунистическом воспитании. Здесь следует читать такие спецкурсы, как «Промышленная социология» (68 ч), «Коллектив – основная ячейка советского общества» (68 ч), «Социология труда» (100 ч), «Психология труда» (36 ч), «Физиология труда» (36 ч), «Социальная активность коллектива» (48 ч), «Трудовое право» (36 ч), «Идейно-нравственное воспитание» (36 ч), «Эффективность идеологической работы» (100 ч) и др.

Мы изложили наше видение подготовки социологов. Сама жизнь, работа социологических факультетов внесут много нового в структуру знаний будущих социологов. Бесспорной является необходимость перехода от обсуждений к практическому решению проблемы подготовки социологов-профессионалов. Этого требуют интересы дальнейшего повышения теоретического уровня и практической эффективности марксистско-ленинской социологической науки.

НАСТАЎНІК І НАСТАЎНІЦТВА. НА КАГО ПАДОБНЫ ВУЧАЊ¹

Задача фарміравання гарманічнай, усебакова развітай асобы з'яўляецца найбольш складанай з усіх задач будаўніцтва камунізму. Справа ў тым, што фарміраванне чалавека камуністычнага грамадства – гэта не толькі выхаванне ў яго натуральнай патрэбнасці ў працы. Гэта і стварэнне асобы, якая гарманічна спалучае духоўнае багацце, навуковы светапогляд, камуністычную мараль з фізічнай прыгажосцю і здароўем.

У сучасных умовах асаблівае значэнне набывае граманічнае развіццё маладых рабочых, бо яны – змена старэйшаму пакаленню рабочага класа, вядучая прадукцыйная сіла бліжэйшай будучыні. Таму ўдасканаленне іх духоўнага і фізічнага развіцця – гэта справа дзяржаўнай важнасці.

¹ Друкуецца па: Давідзюк Г. П. Настаўнік і настаўніцтва. На каго падобны вучань // Звязда. 1978. 23 жн. С. 2.

Партыйныя, прафсаюзныя, грамадскія арганізацыі рэспублікі ствараюць у кожным калектыве сістэму выхаваўчай і аздараўленча-прафілактычнай работы. Для ўсебаковага і гарманічнага развіцця рабочага чалавека вельмі многа робіць савецкая дзяржава праз органы асветы, аховы здароўя, сацыяльнага забеспячэння, а таксама пры дапамозе радыё, тэлебачання, друку, кіно.

Аднак нішто не можа замяніць выхаваўчага ўздзеяння жывога слова, сяброўскай гутаркі, парад старэйшага паважанага таварыша. Настаўнік можа зрабіць вельмі многа ва ўдасканаленні духоўнага і фізічнага развіцця моладзі. На даступных жыццёвых прыкладах ён можа накіраваць фарміраванне светаразумення свайго вучня, выхаваць беражлівыя адносіны да здароўя з маладосці, навучыць метадам умацавання здароўя.

Настаўнік для маладога рабочага выступае ў якасці ўзору. Паводзіны настаўнікаў, манера іх абыходжання з таварышамі, уменне праводзіць адпачынак, арганізацыя свабоднага часу – усё становіцца здабыткам маладых рабочых.

Прывіць добрыя густы ў харчаванні, культуру прыёму стравы – таксама справа вельмі важная. Не ва ўсіх сем'ях надаюць гэтаму значэнне. Многія маладыя хлопцы, прыйшоўшы на завод, нічога не ведаюць пра навуковыя нормы харчавання. Тут вялікую ролю адыгрываюць сумесныя абеды настаўніка з вучнем, запрашэнне настаўнікамі сваіх вучняў у выхадныя дні да сябе дадому і наадварот. «Я сваіх вучняў, – заявіў у інтэрв'ю з сацыёлагамі БДУ імя У. І. Леніна настаўнік Мінскага станкабудаўнічага завода імя С. М. Кірава шліфавальшчык А. А. Бондараў, – сістэматычна запрашаю дадому. Абедаем разам. З маёй сям'ёй яны праводзяць вольны час пасля абеду. Няхай глядзяць, як я жыву, адпачываю. Можа, чаму-небудзь навучацца».

Асабліва вялікую ролю адыгрывае настаўніцтва ў фарміраванні духоўнага аблічча маладога рабочага, у выпрацоўцы ідэйнай і светапогляднай пераканасці. Палітычныя погляды маладых рабочых таксама часта маюць патрэбу ў далейшым замацаванні. Нярэдка маладыя рабочыя ледзь не галоўнай прыкметай культуры лічаць наяўнасць транзістара.

Вось тут настаўнік і павінен выступіць тым чалавекам, які дапаможа маладому рабочаму зразумець сапраўдныя духоўныя каштоўнасці. Увайсці ў такое давер'е да сваіх вучняў, каб быць і духоўным іх настаўнікам, – справа вельма складаная і тонкая. Яна патрабуе вялікай затраты сіл і часу.

Ва ўмовах вострай ідэалагічнай барацьбы, калі ідэалагічныя службы капіталістычных краін ставяць задачу індывідуальна апрацоўваць свядомасць кожнага савецкага чалавека, роля настаўніцтва ў палітычным выхаванні, ідэалагічнай загартоўцы маладых рабочых асабліва ўзрастае. Правільна лічаць лепшыя настаўнікі Мінскага станкабудаўнічага завода

імя С. М. Кірава, што перад настаўнікам стаіць двайная задача: падрыхтаваць з маладога чалавека высокакваліфікаванага рабочага і выхаваць свядомага будаўніка камунізму, адданага ідэям марксізму-ленінізму.

«Да нас прыходзяць юнакі і дзяўчаты з васьмігадовай, дзесяцігадовай адукацыяй, – піша настаўнік Мінскага вытворчага трактарабудаўнічага аб'яднання, Герой Сацыялістычнай Працы слесар Я. І. Клімчанка. – Іх параўнальна хутка можна навучыць прафесіі. Куды больш складана ўказаць ім правільную дарогу ў жыцці, наставіць на верны шлях. Тут ад пачатку да канца змены часу мала, неабходны штодзённыя зносіны з падначаленым і ў сценах цэха, і за заводскай прахадной.

Рабочы “пачынаецца” з першага слова, сказанага яму майстрам. Я часта думаю аб гэтым, калі даведваюся, што майстар або проста старэйшы таварыш абмяжоўвае свой уплыў на навічка толькі гадзінамі змены і не ведае, чым той заняты пасля работы. Так можна прывіць нядрэнныя працоўныя навыкі хлопцу. А выхаваць чалавека? Клопаты аб станаўленні маладога чалавека не могуць абмяжоўвацца толькі прафесіянальным навучаннем, хоць яно адыгрывае ў выхаванні далёка не апошнюю ролю».

Працэс выхаваўчай работы павінен ахопліваць не толькі час працы і адпачынку вучня, але таксама і час яго знаходжання дома. Вопыт паказвае, што бытавыя пытанні маладога рабочага, яго сямейныя справы не могуць заставацца па-за ўвагай настаўніка. «Быў у нас у трэсце такі выпадак, – расказвае брыгадзір камсамольска-маладзёжнай брыгады аддзелачнікаў Магілёўскага трэста № 7 “Лаўсанбуд”, Герой Сацыялістычнай Працы А. В. Шатохіна. – Адна з дзяўчат, маляр, умудрылася за тыдзень зрабіць чатыры прагулы. Ёй пагражала звальненне. Яна папрасілася ў нашу брыгаду. Параіліся мы і вырашылі прыняць. Пагутырылі з ёй, яна дала слова не падводзіць нас. Але слова было нямоцным. Прышоўшы ў брыгаду, працавала неахайна, з бракам. Вырашыла я сама за яе ўзяцца. Вучу яе сваім прыёмам, паказваю, як трэба рабіць – як быццам засвойвае. А калі самастойна працуе, зноў дапускае брак. Зноў пачынаю спачатку, і зноў усё паўтараецца. Бачу, з дзяўчынай нешта не так, штосьці ёй перашкаджае. Пагаварыла з дзяўчатамі з брыгады, папрасіла бліжэй пазнаёміцца з новенькай, даведацца, як яна жыве. Высветлілася, што дома ў яе не ўсё ў парадку. Пайшлі мы ў заўком, у камітэт камсамола – уладкавалі дзяўчыну ў інтэрнат. І ажыла яна, знайшла сапраўдных сябровак, і на рабоце справы пайшлі на лад».

На развіццё маладога рабочага вельмі моцны ўплыў аказвае дамашняя абстаноўка, адносіны ў сям'і. Здаровая савецкая сям'я актыўна ўздзейнічае на ўсё жыццё маладога чалавека. У такім выпадку можна гаварыць аб адзінстве сям'і і настаўніка ў камуністычным выхаванні маладога чала-

века. А калі ён адзін або, яшчэ горш, жыве ў сям’і, якая не выходзіць, а духоўна разбэшчвае? У такім выпадку выхаваўчая роля настаўніка з’яўляецца рашаючай.

«...Кожны раз, калі ў наш цэх прыходзіць новенькі, – гаворыць настаўнік Мінскага вытворчага трактарабудаўнічага аб’яднання электразваршчыца, Герой Сацыялістычнай Працы Г. Мягкова, – я лічу сваім абавязкам дапамагчы яму, падтрымаць. Падтрымаць не толькі на вытворчасці, але і ў жыцці. Даведваюся, з якой ён сям’і, дзе ў яго бацькі, з кім сябруе, чым цікавіцца. Разам абдумваем, як прадоўжыць вучобу, чым заняцца ў вольны час. Я бываю ў падпечных дома, наведваю з імі кіно, спектаклі. Адным словам, раблю ўсё, каб навічок прыжыўся на заводзе, палюбіў свой калектыў».

Толькі пры ўмове добра прадуманай, сістэматычнай работы настаўніка фарміруецца чалавек будучага, усебакова і гарманічна развіты, з высокімі духоўнымі і здаровымі матэрыяльнымі патрэбнасцямі.

СОЦИОЛОГ НА ЗАВОДЕ¹

В газетных и журнальных статьях, в выступлениях ораторов на различных совещаниях все чаще можно встретить ссылки на социологические исследования, проведенные на таком-то промышленном предприятии. Рост социологических исследований выражает объективную потребность современного производства, на котором в условиях научно-технической революции усложняются не только технологические, но и социальные процессы. Сегодня на заводах Беларуси работают около ста социологов. А на таких, как Минский тракторный, автомобильный, завод шестерен, Оршанский льнокомбинат, Могилевское производственное объединение «Химволокно», Молодечненский завод силовых полупроводниковых вентиляей, созданы социологические бюро в составе трех – пяти человек.

Какими же конкретно проблемами они занимаются? Это прежде всего вопросы эффективности социалистического соревнования – на Минском станкостроительном заводе имени С. М. Кирова, наставничества – на Оршанском льнокомбинате, оценки деловых и личностных качеств ИТР² – в Могилевском производственном объединении «Химволокно», формирования у рабочих чувства хозяина социалистического предприятия –

¹ Печатається по: Давідюк Г. П. Социолог на заводе // Совет. Белоруссия. 1979. 4 мая. С. 2.

² ИТР – инженерно-технический работник.

на Молодечненском заводе силовых полупроводниковых вентилях, текучести кадров – на БелаЗе и др.

Исследования проблем социалистического соревнования на ряде предприятий республики показали, что оно только тогда дает экономический, социальный и политический эффект, когда люди участвуют в нем сознательно, заинтересованно. Но, как выяснилось, почти половина непосредственных организаторов соревнования (мастера, начальники смен, бригадиры) и часть рабочих формально участвуют в этом процессе. Два года назад по рекомендации социологов на Минском станкостроительном заводе имени С. М. Кирова была открыта школа мастеров по вопросам организации социалистического соревнования. Каждые две недели преподаватели БГУ и ведущие специалисты завода читают в ней лекции о принципах и методах научной организации соревнования, а на практических занятиях слушатели делятся опытом, пишут рефераты по различным аспектам изучаемой проблемы. Учеба в школе значительно расширила знания мастеров. В результате, как показали повторные исследования, уровень организации социалистического соревнования на заводе стал выше, улучшилась дисциплина, повысилась производительность труда. Опыт работы данной школы уже используется на ряде других предприятий республики. Решением ВЦСПС¹ он рекомендован для внедрения на заводах страны.

Весьма ценные для практической работы выводы дали исследования социально-психологического климата ряда предприятий и отдельных их подразделений. Заводские социологи Минска, Могилева, Молодечно установили, что не уровень зарплаты, не степень удовлетворенности жильем, а психологический климат цеха, участка, бригады ныне оказывает решающее воздействие на стабильность коллектива. Высокая текучесть кадров имеет место даже на новейших предприятиях с высокой заработной платой. Происходит это потому, что на отдельных участках нет должного внимания к работнику. К машине – внимание, о ней заботятся, потому что она дорогая, сложная. А к человеку – порой равнодушие, неуважение и грубость, отсутствие подлинной заботы о его профессиональном росте.

Однoboкoe увлечение техникой вырабатывает у командиров производства определенную психологию. Так, исследование деловых и личностных качеств начальников основных и вспомогательных цехов головного предприятия Могилевского производственного объединения «Химволокно», проведенное в 1978 г., показало, что подавляющее большинство руководителей переоценивает свою способность понимать людей, свою самокритичность, принципиальность, справедливость, чуткость и недооценивает

¹ВЦСПС – Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов.

свое профессионально-техническое мастерство. Поэтому при аттестации ИТР нередко возникали конфликты: люди оспаривали выводы комиссии, считали их недостаточно объективными или даже предвзятыми, ссылаясь при этом на мнение своих коллективов.

Разработанная социологами методика аттестации ИТР повысила объективность оценки их деловых и личностных качеств. Теперь каждого инженера и техника оценивают не только его руководители, но и коллеги, а также подчиненные.

Следует заметить, что конкретные исследования часто дают не только социальный, но и экономический эффект. Например, на том же ПО «Химволокно» он составил сумму около двухсот тысяч рублей.

Социологические исследования на заводах порой открывают неожиданные явления. Например, при анализе эффективности рабочего наставничества на Оршанском льнокомбинате оказалось, что оно дает колоссальный экономический и социальный эффект не только в работе с новичками, необученными людьми, но и с выпускниками профтехучилищ, техникумов. Так, выпускники ГПТУ¹ под руководством наставников осваивают отдельные операции за три месяца работы, а не имеющие наставников – за пять-шесть месяцев.

При изучении системы общественного управления и ее роли в воспитании чувства хозяина у рабочих Молодечненского завода силовых полупроводниковых вентилей были вскрыты большие резервы повышения производительной и общественной активности рабочих.

Социологические исследования, проводимые на предприятиях республики, дают большую, интересную информацию. Вдумчивый руководитель извлекает из нее ценные выводы и добивается повышения трудовой и социальной активности работников. Масштабы этих исследований, их результативность были бы еще значительнее, если бы удалось решить ряд правовых и организационных вопросов.

Первый из них – статус заводского социолога. Некоторые пытаются доказать, что должность эта незаконная, никакими нормативными актами не предусмотрена. Хотя есть постановление Госкомитета Совета Министров СССР по труду от 8 октября 1969 г., утвердившее квалификационный справочник должностей служащих. Среди прочих там назван «заводской социолог». Более того, в новом типовом штатном расписании заводских отделов и лабораторий НОТ² введена должность «инженер-социолог».

¹ ГПТУ – городское профессионально-техническое училище.

² НОТ – научная организация труда.

Но иные руководители плохо представляют себе функции такого специалиста и берут на эту должность методиста, статистика или... рассыльного.

Чтобы заполнить штатные должности квалифицированными специалистами, их надо готовить. Это вторая серьезная проблема. Подготовку такую ведет Белорусский государственный университет, ежегодно выпуская 15 социологов. Их получают те заводы, которые раньше других подают заявки в Министерство высшего и среднего специального образования БССР. Спрос на социологов все время возрастает. Чтобы удовлетворить его, необходимо открыть в БГУ отделение социологии и готовить ежегодно не менее 50 специалистов. Назрела необходимость и создания республиканской школы повышения квалификации заводских социологов. Организацию ее следовало бы поручить Белорусскому научно-техническому обществу, имеющему средства на такие мероприятия, и Белорусскому отделению Советской социологической ассоциации, располагающему кадрами профессоров и доцентов, способных обеспечить чтение лекций в этой школе.

В заключение хочется высказать еще одну мысль. Не только заводские социологи, но и научные работники социологического сектора АН БССР и проблемной социологической лаборатории БГУ разрознены в научном и методическом плане. Следовало бы, думается, создать в республике научно-исследовательский центр социологии, который бы взял на себя координацию деятельности всех ведомственных социологических служб и научных подразделений.

О ПРОБЛЕМАХ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ СОЦИОЛОГОВ¹

Подготовка высококвалифицированных социологов диктуется самой жизнью, ее бурным развитием. Расширения и углубления социологических исследований объективно требует научно-техническая революция. Она не только содействует появлению новых социальных явлений, но и помогает создавать средства и методы их познания. В то же время она усложняет и затрудняет процесс постижения социальной истины, так как объем новой информации по различным отраслям знаний возрос настолько, что его наглядно можно выразить в виде печатного труда около восьми

¹ Печатается по: Давидюк Г. П. О проблемах подготовки кадров социологов: модель выпускаемого специалиста как основа разработки учебного плана социологического факультета // Весн. Беларус. ун-та. Сер. 3. Гісторыя, філасофія, навука, камунізм, эканоміка, права. 1981. № 2. С. 32–35.

миллионов страниц. Социолог, к примеру, способен ознакомиться только с десятой частью литературы по своей специальности. Увеличить степень освоения новых знаний можно только путем повышения уровня профессиональной подготовки социолога, овладения им теорией и математико-статистическими методами обработки социологической информации. Для глубокого теоретического осмысления социальных процессов социолог должен уметь сопоставлять модель исследуемого явления, опираясь на хорошо отработанную систему социальных показателей исследуемого объекта. «Наши ученые, – подчеркивает Т. В. Рябушкин, – должны основательно поработать над количественными характеристиками, над точным определением социальных явлений, подлежащих измерению»¹. Разработка социальных показателей исследуемого объекта – исходное, решающее в социологическом исследовании. Выполнить это требование могут только высококвалифицированные специалисты.

В 1970-х гг. социальный фактор стал играть весьма существенную роль в дальнейшем продвижении нашего государства по пути к коммунизму. Не случайно в «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981–1985 годы и на период до 1990 года» XXVI съезд КПСС нацеливает обществоведов на глубокое и всестороннее исследование социальных проблем. Социологи должны сосредоточить усилия на следующих направлениях: исследование проблем социальной структуры и политической системы зрелого социализма, коммунистического воспитания, всестороннего и гармонического развития человека, социалистического образа жизни, критика буржуазной социологии и ревизионистских концепций общественного развития.

Таким образом, общественная потребность в квалифицированных социологах постоянно возрастает. Но в стране, по существу, пока нет стройной государственной системы социологического образования. Эти кадры должны готовить специализированные социологические факультеты вузов. Современный социолог по своему профессиональному образованию должен отличаться от социолога не только начала, но и 50-х гг. XX в. Он должен быть высококвалифицированным специалистом в методологии и методике социологических исследований, человеком, глубоко знающим законы развития общества, работником высокой общей культуры, научной принципиальности, порядочности, гуманизма.

Именно эти качества должны быть положены в основу разработки показателей квалификационной характеристики выпускника социологиче-

¹ Рябушкин Т. В. Методологические проблемы построения системы социальных показателей // Показатели социального развития и планирования. М., 1980. С. 10.

ского факультета. Только после детальной разработки этих показателей можно создать модель выпускаемого специалиста, которая должна стать основой разработки учебного плана социологического факультета. На наш взгляд, основными для квалификационной характеристики социолога должны быть следующие качества: идейно-политические, профессионально-исследовательские, научно-гуманистические, культурно-психологические и этико-педагогические. Если каждое из них расшифровать только по пяти направлениям, получим модель социолога с 25 показателями.

Отобрать наиболее значимые показатели профессионала-социолога весьма трудно. Опрос 15 старших научных сотрудников Проблемной лаборатории социологических исследований и сектора прикладной социологии Белорусского государственного университета по этому вопросу помог лучше уяснить проблему. Мы считаем, что модель выпускника социологического факультета должна включать следующие качественные показатели: **идейно-политические** – идейность, убежденность, гражданственность, патриотичность, политическая культура; **профессионально-исследовательские** – новаторство, принципиальность, компетентность, аналитические способности, честность; **научно-гуманистические** – объективность, демократизм, коллективизм, гуманизм, интернационализм; **культурно-психологические** – эрудиция, воспитанность, общительность, коммуникабельность, целеустремленность; **этико-педагогические** – вежливость, уравновешенность, сдержанность, терпимость, корректность. Содержание данной модели является источником разработки общих и специальных курсов учебного плана социологического факультета, что вместе со спецсеминарами должно составить 4400–4500 учебных часов.

Подготовить социолога с такими качествами – это довольно сложная социальная проблема. Прежде всего предстоит отказаться от сложившегося убеждения, что на экономических факультетах нужно готовить социологов для работы в промышленности, сельском хозяйстве, строительстве, на транспорте и т. д., а на философском факультете – для исследования социальной структуры, системы управления, культуры, духовной жизни, общественного мнения, быта, семьи и т. д. Такая система подготовки социологов – половинчатое, временное решение большой проблемы, не соответствующее требованиям дня.

Во-первых, подобная система выпускает малоквалифицированных специалистов. Они плохо знают специфику психологии различных социальных групп, законы развития социальных процессов, социальных институтов, имеют низкую общую социологическую культуру, слабо ориентируются в сложных и противоречивых современных социальных процессах, их изменениях, преобразованиях.

Во-вторых, социологов, даже со столь слабой профессиональной подготовкой, очень мало. В огромной массе сотрудников (23 тыс.), проводящих социологические исследования на предприятиях и в учреждениях СССР, 91,5 % не имеют социологического образования¹. Этим объясняются низкий уровень исследований и недоверие практических работников к социологии.

Чтобы поднять социологию на более высокий уровень в научном, качественном отношении, повысить ее социальную значимость, необходимо готовить профессионала-социолога по программе высшего учебного заведения на отделениях социологии или социологических факультетах, давая ему не специализацию, а специальность «социология», которую Министерство высшего и среднего специального образования до сих пор еще не ввело в номенклатуру учебных специальностей.

Современный социолог должен **сочетать в себе высокую общую и профессиональную культуру**. Глубокое знание истории социологии, ее методологии и техники исследования, категорий и законов должно найти отражение в учебных планах социологических факультетов (отделений), в соответствующих лекционных курсах. Например, учебный план будущих социологов в Белорусском государственном университете имени В. И. Ленина включает в себя курсы всеобщей истории культуры (136 часов) и эстетики (70). Изучение этих курсов вместе с историей социологии повышает общую и профессиональную культуру будущих социологов, помогает им глубже оценить уровень развития современного общества, его культурные достижения, определить место и роль социологии в истории общей культуры.

Единство общей и профессиональной культуры социолога должно дополняться единством **специализации и всесторонности**. Большой веер дисциплин по специализации должен формироваться так, чтобы освоение этих курсов содействовало всестороннему развитию специалиста. При формировании этой части учебного плана в Белорусском государственном университете имени В. И. Ленина мы стремились включить в него не только максимум специальных социологических теорий, приемов социологического исследования, но и такие курсы, которые содействовали бы всестороннему развитию будущего специалиста. Так, в учебном плане наряду со спецкурсами по социологии управления, науки и образования, культуры и морали, по социологии семьи, города, на каждый из которых отводится 36 учебных часов, имеются также спецкурсы по социальным последствиям научно-технической революции, социальной

¹ Социол. исслед. 1978. № 3. С. 203, 206.

структуре общества – по 68 учебных часов каждый. Всестороннему развитию социолога содействует также изучение философии, этики. Выпускникам Белорусского государственного университета, готовящим себя к социологической работе, читаются курсы диалектического материализма (246 часов), исторического материализма (174), этики (72 часа).

Современный социолог должен быть также **воплощением единства научности и профессиональности**. В эпоху научно-технической революции от ученых всех специальностей требуется широкая научная эрудиция. Для образования социолога это имеет особое значение. Социолог в своей профессиональной деятельности постоянно общается с людьми различного уровня и вида знаний, различного характера и темперамента. Чтобы плодотворно общаться с ними, а тем более результативно их изучать, надо знать физиологию человека, психологию, важнейшие проблемы физики, биологии, математики, политической экономии. Субъект исследования в научном отношении должен стоять значительно выше объекта. В университете читаются курсы физиологии высшей нервной деятельности (34 учебных часа), психологии (106), социальной психологии (68), физики (106), математико-статистические методы в социологии (68 часов).

Сознание социолога должно иметь и определенную идеологическую направленность. Изучать социальную действительность, в основе которой лежат классовые отношения, отношения между различными социальными группами, общностями, без определенной классовой позиции, идейной ориентации невозможно. «Общество – это не механическая сумма отдельных индивидов и социальных групп, ведущих более или менее обособленное существование. Общество – это продукт взаимодействия всей массы людей, связанных исторически определенными общественными отношениями»¹. Эти взаимодействия нынче во всех видах и формах сложнее, тоньше, гибче, чем в прошлые времена, даже лет 30 тому назад.

Социализм высокими темпами социального прогресса порождает новый тип связей, отношений, противоречий. Отношения между рабочим классом и крестьянством в СССР перешли в такую стадию, что в их социальных показателях больше общего, чем различий. Отношения между советскими людьми умственного и физического труда все больше характеризуются социальным единством, поступательным непрерывным стиранием различий. Непрерывно возрастает роль рабочего класса в жизни общества, повышается роль интеллигенции в строительстве коммунизма. Понимать и объяснять новые закономерности социальной действитель-

¹ Федосеев П. Н. Коммунизм и философия. М., 1971. С. 398.

ности может социолог, придерживающийся классовой позиции, обладающий высокой идейностью. Эти качества у социолога воспитывает и сама действительность. Но научную классовую направленность им может дать лишь учебное заведение, где он изучает социологию как науку. Поэтому будущие социологи в Белорусском государственном университете изучают научный коммунизм, историю КПСС, политическую экономию. Изучение этих дисциплин помогает молодежи обнажать классовую сущность любого социального явления, цели и интересы политики того или иного класса, его партии, а также идейную окраску правительственных решений и мероприятий, классовое лицо и сущность самого государства. Высокообразованный социолог будет в состоянии критически оценивать действительность, видеть в ней объективные и субъективные стороны, негативные и прогрессивные действия классов, социальных общностей, партий, государств. А делать это он обязан. Ибо одной из основных функций социологии является критика социальной действительности. «...Не может быть научного анализа, если исследователь не видит недостатков, не замечает отрицательных сторон жизни; если он не мобилизует общественное мнение на их преодоление»¹. Выполняя функции критики, социолог должен обладать качествами объективности, честности, принципиальности, корректности, идейности, убежденности.

Итак, социологическое образование в наши дни – это целый комплекс идейно-политических, профессионально-исследовательских, научно-гуманистических, культурно-психологических и этико-педагогических знаний, получаемых в высшем учебном заведении и расширяемых и углубляемых в процессе исследовательской работы.

ВЫСШАЯ ШКОЛА: ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН²

Сейчас, когда повсеместно идет испытание перестройкой, заботы ректоров, парткомов, профсоюзных и комсомольских комитетов вузов проникнуты стремлением мобилизовать творческую энергию профессорско-преподавательских и студенческих коллективов на достижение целей, намеченных в партийных документах по радикальной реформе высшей школы.

¹ Федосеев П. Н. Коммунизм и философия. М., 1971. С. 417.

² Печатается по: Давидюк Г. Высшая школа: время перемен // Коммунист Белоруссии. 1987. № 7. С. 62–69.

1. XXI век: человек или робот?

Молодые люди, которые сегодня сидят на студенческой скамье, будут нести народу знания, развивать науку, руководить всеми отраслями народного хозяйства, создавать произведения литературы и искусства не только в конце нынешнего столетия, но и в начале будущего. И потому уже нельзя довольствоваться валовыми цифрами выпуска дипломированных специалистов. Вручая выпускнику вуза диплом, мы должны быть уверенными, что его обладатель – профессионал, личность, патриот, гражданин своего Отечества. Потребность в таких кадрах будет постоянно возрастать, особенно в условиях высокого уровня развития вычислительной техники, робототехники и т. п. Такова объективная диалектическая закономерность взаимодействия техники и человека, а также их продукта – овеществленного и живого знания.

Эта диалектическая взаимообусловленность привела уже к непредвиденным ситуациям. Впервые в истории человечества темпы смены поколений техники стали стремительно опережать темпы смены поколений самих работников. Теперь уже в интервале одного поколения на этапе активной деятельности человека (она возросла, кстати, до 40 лет) в передовых отраслях производства происходит смена нескольких поколений техники. И темпы такой смены будут расти и дальше.

Новейшие достижения в технике ведут к ускорению темпов замены рабочих мест машинами, сокращению числа людей, занятых на производстве, увеличивая там долю овеществленного знания. Если в 1940 г. овеществленный труд в общественном производстве нашей страны составлял 35 процентов, а живой – 65, то в 1986 г. – соответственно 85 и 15 процентов.

Внешне создается видимость, что производство орудий труда и средств потребления осуществляется самими машинами. Абсолютизируя этот фактор, буржуазные футурологи пророчат человечеству «технологический рай». По их утверждениям, человеку будущего уготована участь нахлебника все более совершенных машин. Сразу после рождения он окажется на попечении автоматизированного «инкубатора» для младенца, затем будет набирать элементарные знания у автоматически обучающих машин, а став взрослым, ограничится в своей трудовой деятельности простым нажатием кнопок, проводя остальное время за развлечениями возле разнообразных игровых автоматов, пока в старости не окажется на попечении автоматов... медицинских.

У предпринимателей этот автоматизированный «технологический рай» создает иллюзии о возможности полного ухода рабочих из сферы производства, он соблазняет обывателей, устраивает туеядцев, извращает по-

нимание роли научно-технического прогресса у молодежи. Концепция «технологического рая», естественно, не выдерживает научной критики и, кроме деградации мышления, ничего другого не представляет.

В то же время глубокий научный анализ современного производства показывает, что уже сегодня человечество больше тратит средств на развитие живого знания, чем овеществленного. Затраты государства, например, в дошкольных и средних учебных заведениях составляют на одного человека несколько сот рублей в год, в высших учебных заведениях – более тысячи. Если умножить эти затраты на 130 миллионов (такое число людей занято сейчас в народном хозяйстве, в том числе 15 миллионов с высшим, 20 миллионов – со средним специальным образованием, а 0,5 миллиона имеют степень кандидатов и докторов наук), добавить к этому затраты на производственное обучение работников, повышение их квалификации и переквалификацию, а также личные расходы людей на приобретение книг, подписку на периодические издания, плату за учебу в кружках, на курсах по интересам, то все эти «накопленные издержки на образование» на одного занятого в среднем будут сопоставимы со стоимостью основных производственных фондов, которые равняются 1,6 триллиона рублей. Принимая к сведению, что в составе этих фондов овеществленное знание составляет меньшую часть общих затрат на их формирование, можно утверждать, что живое знание превосходит их в стоимостном выражении.

Новое овеществленное знание образуется, как известно, в результате творчества живого знания, ибо никакая машина не обладает эвристической способностью. Открытие новых материалов, создание новых систем машин даже при использовании новейших приборов, автоматов и роботов происходит с участием человека. И чем сложнее открытие, тем высококвалифицированное должен быть специалист.

Таким образом, объективное развитие общественного производства, сама диалектика живого и овеществленного знания подводят к необходимости перестройки высшей школы, подготовки специалиста с высшим образованием на таком квалифицированном уровне, чтобы он мог решать задачи не только сегодняшнего дня, но и перспективные. «Современный специалист, – подчеркивал Е. К. Лигачев, – это, разумеется, настоящий профессионал, умелый организатор производства, способный самостоятельно принимать решения и проводить их в жизнь. Чрезвычайно важно формировать в будущем специалисте чувство патриотической гордости за прогресс советской науки и техники, за высокую марку советской продукции».

2. Специалист или человек с дипломом?

Наша высшая школа имеет исторические заслуги перед обществом. Вместе с тем, как указывается в «Основных направлениях перестройки высшего и среднего специального образования в стране»¹, в последний период в подготовке и использовании специалистов стали накапливаться нерешенные проблемы, нарастать негативные явления. Дали о себе знать экстенсивные пути развития и в сфере высшего образования. Непрерывный, в некоторой части необоснованный рост выпуска специалистов, к сожалению, не сопровождается должным повышением качества их подготовки, а уровень обучения и воспитания, научно-исследовательской деятельности не отвечает задачам ускорения социально-экономического развития страны. В конечном итоге это привело к тому, что наша страна, занимая первое место в мире по количеству специалистов с высшим образованием, оказалась далеко не на первых позициях по открытиям, изобретениям, а также по созданию новых прогрессивных технологий. У большинства специалистов с высшим образованием, к сожалению, нет того уровня знаний, который предписывается имеющимися у них дипломами. Исследования проблемы готовности выпускника вуза выполнять работу по специальности, проведенные в разных регионах страны, показывают, что более 60 процентов из них к этому просто не готовы.

Чтобы выяснить степень профессиональной подготовки выпускников вузов, социологи Белгосуниверситета провели исследование в Белорусском республиканском научно-производственном объединении порошковой металлургии. По анкете «молодого специалиста» было опрошено 200 человек.

Результат исследования оказался прямо-таки неожиданным: лишь 34,5 процента опрошенных специалистов подтвердили, что они почувствовали себя профессионалами либо в период обучения в вузе (21,6 процента), либо сразу после его окончания (12,9 процента). Большинство же молодых специалистов осознали себя профессионалами, проработав 1–3 года после окончания вуза (36,6 процента) или 4–5 лет спустя (9,3 процента). Таким образом, лишь одна треть выпускников вузов приобретает необходимые профессиональные знания за время учебы, основная же часть – проработав несколько лет по месту распределения. По материалам анкет можно сделать вывод о том, что молодые специалисты НПО² имеют довольно смутное представление о своих функциях: 60,8 процента опро-

¹ Имеется в виду постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 18.03.1987 «Основные направления перестройки высшего и среднего специального образования в стране».

² НПО – научно-производственное управление.

шенных назвали «не относящимися к их профессии» такие функции, как разработка материальных нормативов, математическая обработка данных, подготовка докладных записок, распоряжений, копирование и сверка копий. Лишь 7,2 процента опрошенных специалистов гордятся своей профессией, 25,3 – относятся к ней безразлично, 16 процентов вообще уклоняются от разговора на тему «кто есть кто».

Уровень профессиональной подготовки, степень понимания специалистом своей социальной значимости, ответственности перед обществом проявляются в его активности на работе, желании закрепиться в том коллективе, куда он прибыл по направлению вуза. Большинство молодых специалистов относятся к делу добросовестно, стремятся стать активными членами трудового коллектива. Результаты анкеты показали, что 55,7 процента опрошенных непременно вернулись бы на нынешнее место работы в случае, если бы им по каким-либо причинам пришлось временно его оставить. Следует отметить, что многие не удовлетворены своим положением на производстве по одной и той же причине: «Работаем не по специальности».

Довольно часто молодые инженеры неохотно идут на должность... инженера, отдавая предпочтение работе в аппарате управления. Нередко случается, что выпускники вузов, прибыв на предприятие, впервые в своей жизни видят станок с ЧПУ¹ или роботизированный комплекс. Ясно, что этот специалист уже отстал, его надо переучивать, так как он сориентирован на вчерашний день.

Подобная ориентация специалиста на «день вчерашний» – результат состояния учебного процесса в вузе. Судите сами: учебно-экспериментальная база большинства вузов находится на уровне 1960–70-х гг. Станки, аппараты, приборы, предназначенные для практических занятий, как правило, в свое время были списаны на заводах. Министерства, для которых готовятся кадры, обязаны выделить вузам средства на приобретение нового оборудования, но они выполняют это требование неохотно. Дальше – больше. Во время производственной практики на заводах студентов попросту не допускают к новейшим машинам, вот и получается, что будущий инженер не знает не только проектируемых машин, но и тех, которые действуют на производстве.

Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по коренному улучшению качества подготовки и использования специалистов с высшим образованием в народном хозяйстве», принятым в марте этого года, а также реформой высшей школы предусмотрены радикальные меры повышения ответственности отраслевых министерств, для которых гото-

¹ ЧПУ – числовое программное управление.

вятся кадры, за обеспечение вузов необходимым учебным оборудованием, приборами, средствами вычислительной техники, создание условий для обучения студентов на современной производственной базе объединений, передовых предприятий и научных учреждений.

Серьезное отставание высшей школы от запросов народного хозяйства, на наш взгляд, состоит и в том, что она готовит специалистов по давно утвержденным специальностям, робко, нерешительно изменяя их номенклатуру. Минвуз часто отклоняет предложения ректоров вузов об открытии того или иного факультета, отделения по новым специальностям под тем предлогом, что таковых нет в номенклатуре учебных специальностей.

Сошлюсь на примеры. Так, в течение более двадцати лет АН СССР, Советская социологическая ассоциация неоднократно вносили в Минвуз СССР предложение о создании университетской системы подготовки социологов, т. е. открытии в ведущих университетах страны социологических факультетов. И каждый раз ответ получали отрицательный. Лишь в 1984 г. Минвуз разрешил Московскому и Ленинградскому университетам открыть отделения прикладной социологии с набором групп из 50 человек. В результате допущено отставание в подготовке социологических кадров и от ведущих капиталистических стран, и от стран социалистического содружества, таких как Венгрия, ГДР, Польша, Чехословакия. Сравним: если у нас в 1989 г. будет выпущена только первая сотня профессиональных социологов с высшим образованием, то 226 социологических факультетов США готовят шесть тысяч специалистов ежегодно.

В силу такого положения все должности социологов в настоящее время замещают в лучшем случае самоучки, а в большинстве своем — люди случайные, пришедшие сюда ввиду престижности профессии социолога или по той причине, что их направили на завод, признав непригодными к работе по специальности, полученной в вузе.

Проблема социологических кадров обострилась еще больше после того, как в апреле 1986 г. Госкомитет по труду и социальным вопросам, Президиум Академии наук СССР и Секретариат ВЦСПС приняли совместное постановление «Об улучшении организации социологической работы в отраслях народного хозяйства и утверждении типового положения о службе социального развития предприятия, организации, министерства». В постановлении рекомендовано министерствам и ведомствам создать службы социального развития, включая соответствующие подразделения в центральном аппарате министерства, ведомства, в отраслевых (ведомственных) научно-исследовательских учреждениях (для научно-ме-

тодического обеспечения данной работы), в производственных и научно-производственных объединениях, на предприятиях, в организациях.

В соответствии с этим постановлением требуются тысячи квалифицированных социологов. А их нет. И поэтому вакантные места социологов на ряде предприятий уже стали занимать работники, попавшие под сокращение на этом же предприятии. Таким образом, в очередной раз наносится ущерб и самой социологической науке, и обществу.

3. Кто виноват: студент или преподаватель?

Не нова истина: большинство выпускников общеобразовательных средних школ становятся студентами не потому, что они к этому стремятся и у них есть неумная тяга к знаниям. Учиться в вузе их призывает общественное мнение, этого требуют родители. Анализ информации, которая шла в газетах, по телевидению и радио до XXVII съезда КПСС, показывает, что героями нашего времени считали прежде всего космонавтов, ученых, инженеров, врачей, учителей и т. п. Исследования, проводимые социологами Белгосуниверситета, еще 10 лет назад выявили такую тенденцию: чаще всего на страницах республиканских газет, в программах белорусского телевидения и радио в качестве основного действующего лица («героя») выступает служащий или ИТР. Рабочие среди таковых составляют 25,1 процента, колхозники и рабочие совхозов – 12,9, служащие и ИТР – 54,8, студенты, учащиеся (старше 16 лет) – 5,1, пенсионеры – 2,1 процента. Причем в семи случаях из десяти это был не просто служащий, а руководитель того или иного уровня. «Герой-руководитель» встречается в два раза чаще, чем «герой-рабочий», в три раза чаще, чем «герой-колхозник». В то же время, по данным опроса, подавляющее большинство читателей, слушателей, зрителей (86 процентов) – это люди, не имеющие у себя... подчиненных. Подобная ориентация «на героя» оказывает, на наш взгляд, медвежью услугу молодым людям, делающим выбор своего пути после окончания средней школы.

Мода стать студентом (неважно, какого вуза!) стала нынче всеобщим явлением. В большинстве своем на студенческой скамье пока еще сидят не те, кто решил приобрести специальность, а те, кому важно «быть студентом, получить диплом об окончании вуза». Поэтому они и учатся, как говорится, ни шатко ни валко. Основную массу студентов составляют те, кто учится на «удовлетворительно» и «хорошо». Сами студенты в ответах на вопросы анкеты указывают, что низкий уровень их успеваемости – это результат несистематической, непостоянной работы по освоению предмета. Исследование показало, что даже во время экзаменационной сессии, когда нет аудиторных занятий, на подготовку к экзаменам большинство студентов тратит всего-навсего 3–5 часов в день.

Как отмечалось на XXVIII съезде ЛКСМБ¹, во многих студенческих группах царит атмосфера унылого прозябания, серости, посредственности, эгоизма и потребительства. Удивительно, но факт: такому поведению студентов содействовали различные нормативы высшей школы. Главный вред знаниям наносила, как правило, заниженная норма отчисления из вуза за «неуды» и различные провинности студентов – не более 5 процентов от числа принятых в вуз. И студенты хорошо усвоили, что преподаватель много неудовлетворительных оценок на экзаменах в группе не поставит, ибо за это получит «взбучку» от декана, ректора. Неудовлетворительному студенту разрешалась пересдача экзаменов по несколько раз по нескольким предметам.

Важный документ – «Основные направления перестройки высшего и среднего специального образования в стране» – положил конец этому архивредному положению. Норма отчисления студентов из вуза снята. Теперь разрешается отчислять любого студента, у которого есть две и более неудовлетворительные оценки после экзаменационной сессии. В то же время в целях материального стимулирования студентам-отличникам стипендия увеличивается на 50 процентов, а «хорошистам» – на 25 процентов.

Улучшить качественный состав студентов поможет и новая система профориентации. Этому важному аспекту отбора молодежи на каждую вузовскую специальность следует придать большее значение. На наш взгляд, пришла пора создать такую единую государственную систему. В стране уже есть опыт профориентационной работы на научной основе с помощью ЭВМ. Томский институт автоматизированных систем управления и радиоэлектроники, к примеру, разработал автоматизированную диалоговую систему профотбора молодежи «Ориентир». Содействуя самоопределению выпускников, она вместе с тем позволяет выявить потенциального абитуриента, прогнозирует успеваемость студентов, помогает в подборе потенциальных лидеров студенческих групп и общественных организаций. Этот опыт заслуживает широкого распространения и внедрения в вузах нашей республики.

Пополнению народного хозяйства специалистами низкой квалификации в значительной степени способствует также заочная и вечерняя система обучения. В свое время она немало сделала для подготовки специалистов, особенно в послевоенные годы. А вот в новых условиях хозяйствования стала играть иную роль, хотя с социальной точки зрения ее существование все еще оправданно. Требования к специалисту ныне выросли, программы усложнились. Осваивает их без отрыва от производства

¹ ЛКСМБ – Ленинский коммунистический союз молодежи Беларуси.

в большинстве случаев не лучший, а слабый выпускник общеобразовательной школы. Этим молодым людям порой просто не по силам такая нагрузка, они не в состоянии выдержать предложенный им режим работы и занятий. Большинство вечерников и заочников на экзаменационных сессиях обычно жалуются преподавателям на нехватку времени. Сочувствуя тем студентам, преподаватели ставят положительные оценки даже тогда, когда этого и не следовало бы делать. В результате получается, что из каждой ста обучающихся только десять – двадцать глубоко осваивают вузовскую программу. Но, получив диплом специалиста с высшим образованием, они начинают требовать изменения своего статуса по месту работы. Занимая инженерные должности, такие «специалисты», к сожалению, не содействуют развитию научно-технического прогресса, а, напротив, тормозят его.

Ряд известных ученых, руководителей вузов уже высказывались в печати за максимальное сокращение системы вечернего и заочного образования. Многие в своих рассуждениях сходятся на том, чтобы канал вечернего и заочного обучения сохранить лишь для ограниченного числа лиц и оставить по сравнению с нынешним его объемом не более 15–20 процентов.

Для повышения уровня подготовки специалистов народного хозяйства давно назрела необходимость изменить саму систему подготовки преподавателей. Ныне преподавать в вузе, как правило, оставляют молодых специалистов сразу после окончания университета, института. Вся их дальнейшая подготовка через аспирантуру или соискательство проходит в стенах вуза: со временем они занимают должности доцентов, профессоров и начинают оказывать решающее влияние на подготовку очередного поколения специалистов. Круг, как видим, замкнулся.

В результате огромный преподавательский корпус системы высшей школы оказался оторванным от насущных проблем общества. Это привело к тому, что не только лекции, но и учебники устарели, отстали от той науки, основы которой они раскрывают. Среди преподавателей все чаще стали встречаться такие, кто годами не обновляет курс лекций, не пополняет багаж знаний.

Все это и привело к падению престижа преподавателей. По оценкам самих студентов (социологи получили их в результате исследования проблемы формирования профессиональных ценностных ориентаций будущих специалистов шести ведущих вузов Минска), самую новую информацию о профессиональных знаниях они получают от научных работников и специалистов народного хозяйства, работающих в вузах по совместительству. И это закономерно. Время настоятельно требует более широкого привлечения для работы в качестве преподавателей высшей школы

на условиях совместительства научных работников академических и отраслевых научно-исследовательских институтов, а также опытных специалистов народного хозяйства. Более того, назрела необходимость зачислять на штатную должность преподавателя вуза уже зарекомендовавшего себя специалиста производства, конструкторского бюро или отраслевого НИИ. Некогда практиковали приглашать на должность доцента, профессора видных инженеров, даже тех, кто не имел ученых степеней. Почему бы не вернуться к той практике и сейчас?

4. Исследователь или преподаватель?

Высшая школа, как известно, выполняет две основные функции: готовит специалистов для отраслей народного хозяйства и развивает саму науку. Вторая функция выполняется высшей школой, увы, не лучше, чем первая. По признанию министра высшего и среднего специального образования СССР Г. А. Ягодина, научная отдача высшей школы совершенно недостаточна. Хотя в вузах сосредоточено сегодня свыше 35 процентов научно-педагогических кадров страны, в том числе около половины докторов наук, на проведение исследований и разработок здесь приходится менее 10 процентов средств, выделяемых государством на развитие науки. Отсюда и слабость экспериментальной базы НИИ и научно-исследовательских лабораторий высшей школы, трудности с внедрением разработок в практику.

Основные творцы науки в системе высшей школы – это доценты и профессор. Но их главная обязанность – вести занятия, читать лекции студентам. Научная же работа в их актив не засчитывается. Имеет профессор большие научные достижения или малые, зарплата у всех одна. Если он работает по совместительству в НИИ или выполняет хоздоговор в отраслевой лаборатории, то получает соответственно еще полставки или четверть ставки. Правда, в этом случае в два раза больше нужно и работать. Профессор, таким образом, объективно вынужден меньше уделять внимания преподавательской работе, написанию учебных пособий и т. д. А значит, он уже не в состоянии тягаться с крупным ученым НИИ, который занимается только исследовательской работой и имеет для этого необходимый резерв времени и необходимое экспериментальное оборудование.

Многие доценты, профессора в последние десятилетия как бы «раздваивались»: читали лекции, проводили занятия со студентами и только в свободное от основной работы время занимались научными исследованиями. Такой метод науку вперед продвинул мало, а вот ущерб качеству подготовки молодых специалистов нанес существенный. Пора менять создавшееся положение. Преподаватель должен заниматься прежде всего воспитанием студентов! Это его главная профессиональная обязанность.

Но если совсем не заниматься наукой, со временем можно профессионально деградировать. Целесообразно учесть в этом деле мировой опыт высшей школы. В ряде стран основная нагрузка профессора и доцента, за которую он, собственно, и получает зарплату, состоит из двух частей: учебных часов и часов, затрачиваемых на проведение исследований. Включение научно-исследовательской работы в основную часть нагрузки преподавателя внесло бы в вузовскую науку новую струю, повысило бы личную заинтересованность преподавателя в результатах исследовательской работы.

Реформой высшей школы предусматривается расширение и обновление научно-экспериментальной базы вузов, упрочение их контактов с предприятиями, для которых готовятся специалисты, а также дальнейшее развитие уже оправдавшей себя системы научно-производственных, учебно-научно-производственных объединений. Интеграция обучения, производства и образования получает теперь правовую базу, взаимобязывающие основания: кадровые договоры, расширение и обогащение сотрудничества вуза, предприятия и НИИ. Устранение многих узких мест в работе УНПО¹, несомненно, будет содействовать прогрессу как производства, так и науки, даст возможность более эффективно использовать потенциал этого сотрудничества для улучшения качества подготовки специалиста, приближения его знаний и навыков к сегодняшним и перспективным запросам народного хозяйства.

ПРОБЛЕМНОЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА – 30 ЛЕТ: КРУГЛЫЙ СТОЛ²

Предлагаем вниманию читателей материалы круглого стола, состоявшегося 19 ноября 1997 г. в Белгосуниверситете по случаю 30-летия создания в Беларуси научного центра социологических исследований.

Данилов А. Н. (член-корреспондент НАН Беларуси, главный редактор журнала «Социология»): Новую рубрику нашего журнала мы открываем разговором с теми, кто в разное время возглавлял единственную в республике

¹ УНПО – учебно-научное производственное объединение.

² Печатается по: Проблемной научно-исследовательской лаборатории социологических исследований Белорусского государственного университета – 30 лет: круглый стол // Социология. 1998. № 1. С. 35–47.

Проблемную научно-исследовательскую лабораторию социологических исследований Белгосуниверситета, которой исполнилось 30 лет.

Три десятилетия назад после продолжительного перерыва в Беларуси был создан научный центр, который во многом предопределил сегодняшний уровень социологической науки в республике, сформировал уникальную научную школу, из которой вышли признанные ученые-социологи, известные своими работами далеко за пределами страны.

Хотелось бы высказать искреннюю благодарность ректору Белгосуниверситета профессору Козулину Александру Владиславовичу, любезно согласившемуся принять участие в работе нашего собрания. Именно благодаря его личному участию стало возможным реализовать давнюю мечту белорусских социологов об издании научного журнала «Социология» и восстановлении Центра социологических и политических исследований как законного правопреемника Проблемной научно-исследовательской лаборатории социологических и политических исследований.

Полагаю, что период «нового младенчества» в развитии социологии, наступивший после развала Советского Союза, теперь окончился: обстоятельное знакомство с западными социологическими школами, их работами, базами данных по разным областям жизни человека и общества выявили, что все мы очень преувеличивали достижения западной социологии, ее возможности.

Теперь мы более трезво оценили друг друга, и потому основа для нашего успешного сотрудничества значительно расширилась. Мы вошли в мировую социологическую науку, как мне кажется, на правах самостоятельных исследователей.

Более того, я полагаю, что именно социологическая мысль Беларуси, России, Украины и других государств СНГ в ближайшие годы существенно обогатит накопления социологической науки, поскольку колоссальные деформации и противоречия в наших обществах побудили нас искать там, где уже давно не ищут наши уважаемые зарубежные коллеги.

Открывая нашу встречу за «круглым столом», я надеюсь, что мы по возможности очертим историческое пространство, в котором развивалась белорусская социология, и дадим хотя бы предварительную оценку общему состоянию наших исследований. Все это явилось бы существенным вкладом в становление журнала «Социология», наметив перспективу консолидации белорусских социологов в сфере их теоретических и практических исследований.

Козулин А. В. (профессор, ректор БГУ): Уважаемые коллеги! Сегодня знаменательное событие в жизни нашего университета. Мы собрались за

«круглым столом», чтобы на основе обобщения 30-летнего опыта развития социологической науки в БГУ обменяться мыслями о путях ее становления и перспективах дальнейшего развития. Оглядываясь на пройденный путь, мы с удовлетворением отмечаем, что социология заняла в университете достойное место.

На кафедре социологии ведется подготовка будущих специалистов-социологов высшей квалификации. Центр социологических и политических исследований БГУ занимает ведущие позиции в республике по проведению крупномасштабных республиканских социологических исследований и опросов. С 1997 г. университет издает первый в республике научно-теоретический журнал «Социология».

Результаты исследований университетских социологов хорошо известны в странах СНГ, на Западе. Мнение наших социологов всегда было авторитетно для руководителей министерств и ведомств, политиков, парламентариев, средств массовой информации Беларуси.

Социология сегодня, являясь надежным и точным общественным индикатором, помогает нам глубже познавать суть социальных и экономических процессов. В заключение разрешите поздравить всех участников «круглого стола» с 30-летием образования первого социологического подразделения в университете и пожелать творческих удач в науке и подготовке нового поколения социологов.

Давидюк Г. П. (доктор философских наук, профессор): 1968 год действительно оказался годом возрождения белорусской социологии. В этом году были открыты социологические исследовательские подразделения не только в БГУ. В Институте философии и права АН Беларуси был создан сектор социальных исследований. Я был назначен заведующим этим сектором, из-за чего пришлось отказаться от руководства сектором исторического материализма. Дирекция института стремилась к расширению тематики и географии прикладных социальных исследований.

К 1971 г. этот сектор вырос с 13 до 41 научного сотрудника. В нем обучалось уже 9 аспирантов. Все это явилось основанием к тому, что президиум АН на базе этого сектора открыл отдел социальных исследований с тремя секторами. Заведующим сектором социального управления был утвержден я (одновременно и заведующий отделом), заведующим сектором социального планирования – кандидат философских наук Р. В. Гребенников, заведующей сектором социальных проблем села – З. И. Монич.

Отдел социальных исследований проделал очень большую научно-исследовательскую работу, что послужило основанием для открытия в 1990 г. на базе этого отдела Института социологии АНБ. На некоторых

предприятиях Минска, в колхозах Минского, Слуцкого, Жлобинского, Щучинского и других районов были проведены панельные социологические исследования социальной структуры рабочего класса, крестьянства и интеллигенции. Велось исследование модной в то время проблемы – социальное планирование. На основе богатого фактического материала были написаны и изданы под редакцией Г. П. Давидюка коллективные монографии: «Социальные изменения рабочего класса Белоруссии» (1965), «Социальные изменения крестьянства Белоруссии» (1965), «Структура советской интеллигенции» (1970), «Проблемы социальной структуры села» (1971), «Социальные проблемы села» (1972), «Перспективное планирование социального развития производственных коллективов» (1972) и др. Опубликованы и монографии Л. А. Дмитрук «Социальная активность производственного коллектива в условиях экономической реформы» (1972), Р. В. Гребенникова «Проблемы культуры современного села» (1973), З. И. Монич, В. Г. Изох, И. В. Прудник «Рабочий класс в структуре сельского населения» (1975). В них проводится идея противоречивого развития каждой социальной общности, анализируется зависимость темпов и характера социальных изменений от существующего политического строя. В книгах об интеллигенции подчеркивается развиваемая Г. П. Давидюком идея об определяющей роли интеллигенции в обществе, особенно в развитии национальной культуры, воспитании молодежи.

В период расцвета научной деятельности отдела социальных исследований АН Беларуси ректор БГУ профессор В. М. Сикорский в конце 1972 г. сделал мне предложение занять должность заведующего только что открытой кафедрой философии гуманитарных факультетов.

С февраля 1973 г. я стал работать заведующим кафедрой философии гуманитарных факультетов БГУ, которой подчинялась лаборатория социологических исследований. Буквально через год численный состав лаборатории вырос с 9 до 21 сотрудника. Было образовано три сектора: проблем студенческой молодежи, идеологической работы и проблем труда. Лаборатория проводила исследования на основе бюджетного финансирования.

Ректорат БГУ решил открыть специализацию по прикладной социологии на философском отделении. 600 учебных часов было отведено на каждую специализацию в учебном плане. С начала 1974/75 учебного года началось чтение 12 спецкурсов по данной специализации. Эти спецкурсы читали профессора Г. П. Давидюк, Н. Г. Юркевич, П. А. Водопьянов, Н. И. Крюковский, кандидаты наук И. Я. Писаренко, Е. И. Дудко и др.

В 1977 г. состоялся первый выпуск группы специалистов философского отделения, в дипломе которых записано: «Профессия – прикладной со-

циолог». Выпускники были направлены на заводы в качестве социологов, а трое приняты в аспирантуру БГУ по специальности «прикладная социология». Пополнение аспирантуры при кафедре происходило ежегодно главным образом за счет этой специальности. К началу 1980-х гг. в аспирантуре при кафедре обучалось 15 человек. Именно за счет закончивших аспирантуру шло пополнение научных сотрудников социологической лаборатории и сектора прикладной социологии.

О секторе прикладной социологии, сыгравшем важную роль в развитии университетской социологии, следует сказать несколько подробнее. С первых дней моей работы в БГУ ректорат ежегодно выделял неограниченный лимит на ведение хоздоговорных социологических исследований. Для проведения этих исследований уже в 1974 г. при кафедре был создан сектор прикладной социологии. Научным руководителем сектора был назначен профессор Г. П. Давидюк, заведующий сектором – доцент И. Я. Писаренко, а затем кандидаты наук С. А. Шавель и Д. Г. Ротман. Количество заявок от предприятий на проведение хоздоговорных исследований каждый год возрастало. К 1980-м гг. сектор проводил уже исследования на девяти крупнейших заводах Беларуси, в том числе на таких промышленных гигантах, как Могилевское ПО «Химволокно», Оршанский льнокомбинат. Годовая сумма выполняемых работ – 300 тыс. долларов. Ответственными исполнителями на этих объектах работали доценты кафедры А. Н. Елсуков, И. Я. Писаренко, старшие научные сотрудники кандидаты наук С. А. Шавель, Г. Н. Соколова, Д. Г. Ротман, А. И. Левко, А. П. Кацева, К. Г. Лапич и др. Полевые исследования на предприятиях проводили 78 человек, в том числе 47 научных сотрудников и 31 преподаватель и аспирант. Договоры с заводами заключались на 2–4 года, в зависимости от решаемой проблемы и задач исследования. Согласно договору, в конце каждого квартала и каждого года руководству завода представлялась аналитическая записка с основными выводами и предложениями о проведенном исследовании. По окончании срока договора писали завершающий отчет (100 стр. машинописи) о проделанной работе с научными предложениями по совершенствованию системы социального управления, отношений между рабочими и администрацией, между самими управленцами и их структурами, психологического климата в коллективе и т. п. Постепенно в секторе накапливается огромный фактический материал. Он и явился основным источником для написания коллективных и персональных монографий. Важнейшие из них: коллективные – «Соревнование и проблемы социального управления» (1974), «Социальный эффект соревнования» (1976), «Методологические основы социального управления» (1976), «Комплексный подход

к идейно-нравственному воспитанию» (1979); персональные – Г. Н. Соколова «Труд и профессиональная культура» (1980), А. И. Левко «Воспитание чувства хозяина социалистического производства» (1984).

Процесс проведения полевых работ, написания аналитических записок, монографий, статей для периодической печати делал из сотрудников сектора хороших квалифицированных аналитиков социальной действительности. Не случайно, что именно из числа сотрудников этого сектора выросли ныне широко известные профессора-социологи С. А. Шавель, Г. Н. Соколова, Д. Г. Ротман, А. И. Левко. В написанных ими книгах, периодических статьях дается критический анализ социальной действительности на производстве, социальной жизни города. Данная критическая направленность особенно видна в разделах книг, в статьях, написанных мною. Это наиболее очевидно проявилось в статье «Ці шмат чалавеку трэба?» («Беларусь», № 8, 1979), где явно сделан намек на «дубленочные потребности» партийного аппарата, и в статье «Промежуточный человек» («Неман», № 12, 1979), где показано массовое бегство крестьян в город после войны, особенно в 1960–70-е годы, их мытарства в городе, стремление «стать подобными горожанам», переделка их чистой крестьянской морали в «хваткую», «услужливую» постиндустриальную.

После этого по указанию сверху ректор БГУ академик В. А. Белый назначил меня заведующим социологической лабораторией, освободив от этой должности профессора Н. Г. Юркевича.

Поскольку заведующим кафедрой философии гуманитарных факультетов стал философ-диаматчик профессор В. С. Стёпин, социологическую лабораторию вывели из подчинения этой кафедры, придав ей статус самостоятельного подразделения БГУ и назвав ее (с согласия Министерства высшего образования) «Проблемной лабораторией социологических исследований». Это дало мне возможность самостоятельно решать вопросы структуры лаборатории, а также исследуемой проблематики. Учитывая особый интерес ректората к исследованию проблем студенческой молодежи, расширили штатный состав сектора проблем студенческой молодежи с 5 до 9 человек. Заведующим сектором стал кандидат наук В. А. Дунаев. Поскольку имелись уже специалисты и возможность получить от госплана финансирование, был открыт сектор массовых коммуникаций. Его руководителем был назначен кандидат наук О. Т. Манаев. Сектор социологии труда был преобразован в сектор проблем труда и управления с главной ориентацией на исследования управления высшей школы. Заведующий сектором – кандидат наук А. Г. Скрипченко. Сектор проблем идеологической работы, который курировался непосредственно отделом

пропаганды ЦК КПБ, оставался в лаборатории самым многочисленным – 15 сотрудников. Руководитель сектора – кандидат наук В. М. Саульченко. Сектор проблем семьи возглавлял сперва по совместительству профессор Н. Г. Юргевич, а потом кандидат наук С. Н. Бурова. Численный состав лаборатории постепенно рос. В 1986 г. в нем работал 41 сотрудник.

Прикладные социологические исследования все секторы проводили главным образом на предприятиях Минска, в вузах и техникумах. Все темы финансировались из бюджета. Поэтому институты и заводы работников лаборатории охотно допускали на свои объекты для проведения социологических исследований, ибо за это им не надо было платить. Партийный аппарат как городских комитетов, так и ЦК КПБ эксплуатировал больше всего сотрудников социологической лаборатории для проведения разного рода эпизодических исследований, чаще всего перед партийными пленумами. Минский горком КПБ применял и такую практику: на тех же заводах проверяли эффективность идеологической работы.

Преодолевая различные препятствия, социологи проводили полевые работы, писали книги, статьи. Сотрудники проблемной социологической лаборатории опубликовали книги: «Студент и его деятельность» (1978), С. Н. Бурова «Социология и право о разводе» (1979), «Формирование общественно-политической активности студентов вузов» (1985), «Эффективность средств массовой информации» (1986), С. А. Поваляев «Информационное обеспечение социального прогресса» (1986). Большой вклад внесли сотрудники лаборатории в подготовку «Методических рекомендаций по разработке комплексного плана экономического и социального развития Минска на 1976–1980 гг.», изданных в 1975 г. книгой в объеме 36 печатных листов. За эту разработку профессора Г. П. Давидюк и Н. Г. Юргевич получили золотые медали ВДНХ. Под непосредственным руководством сотрудников лаборатории и при их активном участии в его написании в 1984 г. был издан «Словарь прикладной социологии» – первая не только в Беларуси, но и в СССР книга подобного рода.

Рассказывая об этой большой научной работе социологов университета, хочу подчеркнуть, что социологические исследования проводить было весьма сложно. Если при Сталине социология именовалась буржуазной наукой, то в брежневскую эпоху социологические исследования были придатком исторического материализма и именовались «конкретными социальными исследованиями». Когда встал вопрос об открытии института данного профиля в 1968 г. в составе АН СССР, его называли Институтом конкретных социальных исследований. Только в 1972 г. его переименовали в Институт социологических исследований. В том же году

впервые в СССР была разрешена специализация студентов по социологии на философских факультетах. Но эта специализация в номенклатуре специальностей, утвержденной правительством СССР, была названа прикладной социологией.

Преодолеть груз сталинского прошлого партийно-советский аппарат никак не мог. Слово «социология» приводило их в состояние раздраженности, озлобленности. Вспоминается незабываемый случай. В 1978 г. советская делегация высшей школы выезжала в ГДР на совещание заведующих кафедрами общественных наук университетов стран Варшавского договора. От Беларуси в делегацию входил я. На совещании-инструктаже в Москве перед отъездом заместитель министра высшего образования СССР, он же руководитель делегации, Н. И. Мохов, попросил каждого из членов делегации (нас было 19 человек) доложить, кто в какой секции будет работать и о чем будет говорить. Когда дошла очередь до меня, я сказал, что буду работать в секции социологии, собираюсь рассказать, как на философском отделении БГУ готовят социологов, какие проводятся социологические исследования. Н. И. Мохов мгновенно вскочил и стал озлобленно кричать: «У нас нет социологии. Кто Вам разрешил вести подготовку социологов в университете?» Я спокойно ответил, что учебный план для такой подготовки нам утвердил первый заместитель министра высшего образования СССР Н. Ф. Краснов. У нас состоялось уже два выпуска специалистов, в дипломе которых записано «профессия – прикладной социолог». Заместитель министра пообещал разобраться в этом деле, свое обещание он выполнил. Через год в БГУ нагрянула министерская инспекторская проверка. Инспекция признала неправильной нашу запись в дипломе и предписала ректору впредь делать такую запись: «профессия – преподаватель общественных наук». Так мы и делали до 1988 г., пока правительство СССР не признало социологию самостоятельной наукой и не открыло 12 социологических факультетов и отделений в университетах СССР, в том числе и отделение в БГУ.

Хочется привести еще один любопытный случай, показывающий, что даже ученый юрист толковал социологические данные, как извращение советской действительности. В 1971–1972 гг. социологические исследования, проводимые отделом социальных исследований Института философии и права АН БССР, вскрыли глубокое неудовлетворение рабочих условиями труда на заводе им. Дзержинского (ныне объединение «Интеграл»). Администрации эти выводы не понравились, договор был расторгнут, исследования прекращены. А это была хоздоговорная работа. Институт терял какую-то часть дохода. Вопрос был поставлен на обсуждение

на партбюро института. Я доложил о проведенной работе, о всех принятых мерах, обеспечивающих достоверность данных, и привел результаты исследования. А они были действительно неблагоприятны для администрации завода: около 70 % рабочих записали в анкетах, что они недовольны условиями труда. Такой результат исследований не понравился некоторым членам партбюро. Член партбюро, отвечавший за научно-производственную деятельность, заведующий отделом права, член-корреспондент АН С. П. Моргунский в своем выступлении заявил: «Не может такого быть, чтобы такое число опрошенных советских рабочих были недовольны условиями труда. Эти выводы социологов субъективны. Они дискредитируют советскую власть». Хорошо, что в составе бюро были и социологи, и прогрессивно мыслящие философы. Дело окончилось, по счастью, без оргвыводов.

Таких случаев «разбирательства с социологами» была масса, и многие «дела» заканчивались оргвыводами. В середине 1970-х гг. за «извращение советской действительности» были исключены из партии и сняты с работы талантливые советские социологи: профессор Московского университета Ю. А. Левада и директор Института социологических исследований Ленинграда профессор В. А. Ядов.

Недоверие партийного аппарата к социологическим исследованиям в 1980-е гг. возросло еще больше. Удары по отдельным социологам постепенно переросли в разгромы целых социологических коллективов. В 1985 г. в Минск прибыла московская комиссия, в составе которой были работники аппарата ЦК КПСС и Министерства высшего образования СССР. Она скрупулезно проштудировала деятельность академических социологов и социологов вузов Минска. Изучали прежде всего результаты хозяйственных социологических исследований. Выводы комиссии были разгромные. В своем заключении она обвинила минских социологов не только в «извращении социалистической действительности», но и в «финансовом ограблении» заводов, оплачивавших хозяйственные социологические исследования. После отъезда комиссии парторганы стали делать оргвыводы. Заведующий кафедрой научного коммунизма политехнического института, при которой функционировала хозяйственная социологическая группа, проводившая исследования на ряде заводов Минска, профессор В. Н. Семенов был снят с работы со строгим партийным выговором. Группе было запрещено вести хозяйственные исследования. Сектор прикладной социологии БГУ был ликвидирован. Лучших сотрудников сектора удалось спасти, переведя их на работу в проблемную социологическую лабораторию. По настоятельному требованию секретаря ЦК КПБ

А. Т. Кузьмина мне второй раз объявили строгий партийный выговор и сняли с работы заведующего проблемной лабораторией социологических исследований БГУ. После этого я мог заниматься только преподавательской деятельностью.

В заключение своего выступления хочу подчеркнуть, что развитие социологии в советское время происходило путем преодоления различных идеологических, политических и бюрократических препятствий. Советская руководящая элита относилась к социологии почти так же, как и к диссидентам. К великому сожалению, и многие ученые гуманитарных наук не хотели признать социологию как самостоятельную отрасль научного знания. Наиболее резко против такого признания выступали представители научного коммунизма. Нормальное развитие социологии началось только после «горбачевской оттепели».

Лаптенюк С. Д. (доктор философских наук, профессор): Истоки белорусской социологии, как академической, так и вузовской, – в Белгосуниверситете. Он поистине стал крупным научно-исследовательским центром и кузницей социологических кадров. В 1920–30-е гг. эта наука была представлена такими известными учеными, как Б. Э. Быховский, С. М. Василевский, С. Я. Вольфсон, С. З. Каценбоген, Н. М. Никольский, П. Я. Панкевич, Б. Я. Смулевич и др. В их трудах разрабатывались различные проблемы культуры и быта, степени религиозности населения республики.

Второе дыхание обрела социология в Беларуси в конце 1960-х гг. Сначала был создан Общественный институт социологии при ЦК КПБ, директором которого был доцент А. Д. Молочко, научными сотрудниками – В. И. Овчаренко, С. А. Ходос, К. В. Шульга. Изучались вопросы текучести кадров на промышленных предприятиях, досуга и девиантного поведения молодежи, общественного мнения населения. Вскоре стало ясно, что подлинная социология, объективная и неангажированная, может развиваться только в вузовской и академической науке. Поэтому в ноябре 1967 г. распоряжением Госкомитета по науке и технике при Совмине СССР была открыта Проблемная научно-исследовательская лаборатория социологических исследований (ПНИЛСИ) при Белгосуниверситете, заведующим которой был назначен доктор философских наук, профессор И. Н. Луцицкий (по совместительству, поскольку он работал заведующим кафедрой истории философии и логики). Ему было поручено формировать коллектив. Первым его сотрудником был зачислен выпускник истфака Егор Сажнев – ныне кандидат философских наук, доцент кафедры этики и религиоведения. Меня по распоряжению министра образования Беларуси и прика-

зом ректора назначили заместителем заведующего ПНИЛСИ. Нам было определено два основных направления: эффективность устной политической агитации и информации, воспитание студенчества. При этом в документах подчеркивалось, что ПНИЛСИ включена в конкурсную систему союзного министерства образования, поэтому каждые полгода в течение трех лет приезжали комиссии во главе с представителями Госкомитета – учредителя – для анализа содержательной части нашей работы. К чести коллектива, работа получила высокие оценки, и социологической службе БГУ вскоре доверили координацию исследований, особенно после ликвидации общественного института при ЦК КПБ, в рамках республики. Все полезные инициативы активно поддерживались республиканским Министерством образования и АН Беларуси. В составе ее Института философии и права через год был образован сектор прикладных социологических исследований. Затем создавались социологические лаборатории в Минском пединституте, Белорусском политехническом институте, Белорусском институте народного хозяйства и некоторых других вузах республики. Вскоре на философском отделении исторического факультета БГУ С. Д. Лаптенюк, а также известные социологи Е. М. Бабосов, Г. П. Давидюк, Т. П. Богданов, М. Д. Тиво, В. М. Саульченко, В. Н. Семеньков, Н. Г. Юркевич и другие уже начали читать курсы лекций и спецкурсы по истории и теории социологии, методике исследований. При ПНИЛСИ работал студенческий научный кружок, участники которого впоследствии стали известными учеными, среди них – В. А. Дунаев, А. К. Воднева, И. Н. Груздова, В. Я. Кочергин, А. П. Лимаренко, Н. А. Местовский, З. М. Пинхасик. Уже в студенческие годы Дунаев и Кочергин участвовали в международных конференциях и семинарах. Основные темы, определенные первоначально для ПНИЛСИ, были достаточно сложными. По проблемам студенчества координация осуществлялась в рамках стран социалистического содружества. Нам удалось доказать, что у студенчества как у особого слоя общества преобладают духовно-нравственные ценности, интеллектуальные потребности и профессиональные интересы. Это было лейтмотивом проводимых в Белгосуниверситете международных научно-практических конференций, важнейшими из которых стали, к примеру, «Актуальные проблемы идейно-нравственного воспитания молодежи» (1974), «Актуальные проблемы нравственного воспитания студентов» (1989). Что же касается идеологической работы в республике, проводимой различными партийными и общественными организациями и изучаемой нами, то здесь мы выходили чаще всего на партийные органы, которые на словах одобряли

наши выводы и рекомендации, а на деле – далеко не всегда. Особенно не нравились наши исследования низовым организациям. Да и кому из их руководителей будет по душе то, что мы показывали: отмирание института агитаторов, слабость политинформаторов (так считали до 90 % респондентов); неэффективность системы политучебы (85 %), симпатии к зарубежным радиоголосам (до 30 %) и т. п.

Тем не менее моральный авторитет социологов возрастал. Свидетельство тому – проводимые социологические исследования по проблемам семьи, быта, морально-психологического микроклимата в производственных и учебных коллективах. Мы получали заказы на составление перспективных планов социального развития этих коллективов, которые оказались верными в течение десятков лет.

На некоторых предприятиях (Минском камвольном комбинате, Минском заводе холодильников, МТЗ, МАЗ и др.) проводились лонгитюдные исследования; в поле зрения попадали от 15 % до 80 % работников.

Что же касается проблем семьи, то с тех пор и до настоящего времени белорусская социологическая школа занимает лидирующее положение. Так, уже в 1969 г. на базе ПНИЛСИ был проведен второй всесоюзный симпозиум «Производственная деятельность женщин и семья», на котором было заслушано 90 докладов и сообщений, а рекомендации были разосланы международным республиканским организациям, властным структурам, законодательным органам. Позже еще состоялось пять подобных мероприятий республиканского масштаба. Монографические труды наших авторов – С. Н. Буровой, А. К. Водневой, Л. М. Горбатенковой, С. Д. Лаптенка, Н. Г. Юркевича и др. – пользуются спросом у читателей, отмечены почетными дипломами. Тема духовно-нравственных основ современной семьи прочно закрепились как новое направление в отечественной социологии. Этому способствовали и мои труды: «Мораль и семья» (Минск, 1967); «Любовью дорожить умеете» (Минск, 1973); «Семья и духовное развитие личности» (Минск, 1977); «Нравственное развитие личности в семье» (М., 1977); «Социально-этические проблемы семейно-брачных отношений» (М., 1983); «Нравственная сущность семейно-брачных отношений» (М., 1990); «Семья в зеркале социологии» (Минск, 1995) и др. Как известно, с 1971 по 1985 г. руководителями ПНИЛСИ работали последовательно доценты С. И. Дерিশев и И. И. Зубов (они были исполняющими обязанности заведующего около четырех лет), профессора Н. Г. Юркевич и Г. П. Давидюк. За это время социологам удалось доказать, что социология играет большую роль в решении практических вопросов – политических, эконо-

мических, производственных, бытовых, воспитательных. Она способствует изучению механизмов развития общества и управлению этими механизмами; дает научный прогноз социальных процессов; добывает конкретное и целостное знание о человеке как социальном типе; всесторонне исследует малые социально-демографические группы людей и большие коллективы; помогает формировать общественное мнение; способствует развитию морально-правовой базы общества. Правда, от нее неразумно требовать сиюминутной практической отдачи «по указке».

В октябре 1986 г. заведующим ПНИЛСИ был назначен я. С учетом новых требований пришлось немало поработать над совершенствованием тематической направленности и организационной структуры подразделения. При поддержке ректора Л. И. Киселевского коллектив вырос качественно и количественно. Создалась возможность организовать Социологический научно-исследовательский центр (СНИЦ) БГУ (февраль 1990 г.), в состав которого вошло пять полнокровных лабораторий: социологии личности; проблем гуманизации образования; проблем молодежных движений; лаборатория социологии культуры и быта; научно-исследовательская лаборатория проблем Чернобыля и социальных конфликтов. Сотрудники Центра изучали проблемы современности, участвовали в подготовке проектов таких республиканских программ, как: социальная политика молодежи; подготовка молодежи к браку и проблемы укрепления молодой семьи; помощь семьям, имеющим детей; преодоление у детей и подростков морально-психологических последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Ежегодно делалось до 150 докладов и сообщений на симпозиумах и конференциях различного уровня. Только за пять лет было опубликовано 12 монографий, 19 брошюр, более 330 научных статей. Коллектив социологов центра вел исследования во всех 34 вузах Беларуси, многих средних учебных заведениях, а также в 57 вузах бывшего Союза. Именно в эти годы раскрылись способности ведущих социологов республики: И. Н. Андреевой, В. А. Балцевич, Н. Я. Голубковой, Ж. М. Грищенко, Н. В. Ефимовой, И. П. Кирилук, К. Г. Лапич, А. И. Левко, С. П. Макарова, О. Т. Манаева, Л. Г. Новиковой, С. А. Поваляева, В. А. Поликарпова, Д. Г. Ротмана, Л. А. Соглаевой и др. В СНИЦ был свой научный совет, на котором обсуждались труды не только социологов университета, но и научные сообщения стажеров из США, Англии, Китая, Германии, Польши, из многих городов ближнего зарубежья. Центр осуществлял координацию исследований вузовских социологов областных городов Беларуси, активно привлекал к работе в нем ученых АН Беларуси, наших воспитанников: докторов наук А. П. Вардомацкого, Г. Н. Соколову, С. А. Шавеля и др.

В ноябре 1992 г. приказом ректора БГУ Ф. Н. Капуцкого СНИЦ был переведен на философско-экономический факультет университета. Цель – укрепить факультет путем соединения научных кадров с учебно-педагогическими. Поскольку за мной оставалось руководство СНИЦ проблем социализации личности при кафедре социологии (как правопреемнице ПНИЛСИ), то логичнее всего мне вкратце остановиться на работе последней. Речь идет о периоде с ноября 1992 по июнь 1997 г.: после коллектив лаборатории влился в Центр социологических и политических исследований, руководимый профессором Д. Г. Ротманом. Мы остались верны тематике, определенной для ПНИЛСИ в момент ее создания, – проблемам студенчества.

За пять последних лет нами реализовано восемь научных проектов по актуальным вопросам жизнедеятельности студенчества. Это и учебно-познавательные, и профессионально-трудовые, и семейно-бытовые интересы учащейся молодежи. По каждому проекту изучалось мнение не менее 750 респондентов. Поскольку основные идеи нашли отражение во многих наших публикациях, ограничусь лишь общими замечаниями. Так, установлено, что доминирует средний или рационально прагматический уровень учебно-познавательной активности студентов, снижены политические интересы, профессионализм связывается с развивающимися рыночными отношениями и ожидаемым бизнесом; среди множества жизненно важных ценностей личности на первые позиции выдвинулись те, что связаны с личным счастьем и благополучием (любовь, семья, материальные блага). Возрос интерес к национальной истории, культуре, духовно-нравственным принципам бытия. В итоге сформулированы основные закономерности формирования студенчества как социального слоя общества в новой экономической и социокультурной ситуации, сделан научно обоснованный прогноз развития элитной части молодежи на ближайшую перспективу. Проблему ценностных ориентаций и реального поведения учащейся молодежи целесообразно изучать комплексно, ибо от того, какова эта социальная категория населения, во многом зависит будущее страны.

Ротман Д. Г. (доктор социологических наук, профессор, директор Центра социологических и политических исследований): Центр социологических и политических исследований создан приказом ректора университета 17 декабря 1996 г. Он вобрал в себя все лучшее, что десятилетиями формировалось у нас благодаря тем самым мэтрам, которые присутствуют на заседании нашего круглого стола, и тем, которые по разным причинам сегодня не смогли быть здесь. Наш Центр является мощной социологической службой, признанной и в стране, и за рубежом. Мы участвуем

в серьезных международных проектах, выполняем заказы главы государства, правительства, ряда министерств и фирм. Центр ведет научные социологические разработки по следующим направлениям:

- исследование проблем молодежи (политическое и патриотическое воспитание, отношение к учебе и труду, досуговые проблемы и др.);
- мониторинг политической и экономической ситуации в стране;
- изучение особенностей электорального поведения граждан Беларуси;
- изучение межэтнических и религиозных отношений в обществе;
- изучение рынка и рекламы.

Центр ведет и фундаментальные разработки, и оперативные социологические замеры. Сегодня мы способны осуществить опрос населения страны по репрезентативной выборке в течение нескольких суток. Это стало возможным благодаря наличию в составе Центра мобильной группы интервьюеров, которые проживают в 60 населенных пунктах страны, и высокопрофессиональной группы обработки социологической информации, оснащенной современной вычислительной техникой и высокопродуктивными программами обработки, а также благодаря высококвалифицированным аналитикам-социологам, известным в Беларуси своими научными работами и обладающим опытом проведения сравнительных международных исследований.

Сегодня Центр является признанным лидером по разработке методик проведения оперативных социологических исследований. Не случайно в 1997 г. наши сотрудники написали и издали учебное пособие «Оперативные социологические исследования». Пожалуй, это первая подобного рода книга на всем постсоветском пространстве. И это не удивительно, ибо сам термин «оперативное социологическое исследование» был внедрен именно сотрудниками нашего Центра, именно в БГУ были разработаны теоретические и методологические основы организации и проведения оперативных исследований.

Сегодняшний Центр имеет широкие связи со всеми факультетами БГУ. Одним мы помогаем изучать насущные проблемы их жизни, с другими работаем профессионально, принимаем на практику студентов, читаем спецкурсы и т. д.

Центр был одним из инициаторов издания нашего журнала «Социология», и сегодня сотрудники Центра активно участвуют в обеспечении его публикациями.

Как я уже сказал, Центр является продолжателем славных университетских традиций, но нельзя не отметить, что мы работаем в несколько иных социально-политических условиях. Сегодня общество более открыто,

к результатам социологических исследований в значительной степени прислушиваются и рядовые граждане нашей страны, и руководители. Это налагает на сотрудников особую ответственность. Мы должны трудиться в высшей степени профессионально, с полной самоотдачей. Социологи сегодня не обойдены общественным вниманием и должны выполнять свою работу беспристрастно и честно. Мы стараемся действовать именно таким образом. Хотя нам жить и работать сложнее, чем прежним представителям проблемной лаборатории, но нам сегодня и легче. Ведь мы постоянно пополняемся очень хорошими кадрами – нашими выпускниками, подготовка которых вполне соответствует современным требованиям. Они знают и умеют в своем деле практически все.

Мы учимся у вас, дорогие старшие коллеги, профессиональному мастерству и умению, упорству в достижении высоких целей нашей науки. Будем стремиться сделать наш Центр одной из ведущих социологических служб Европы.

Решетников С. В. (доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии): Социологическая лаборатория БГУ внесла важный вклад в становление и развитие отечественной социологической науки. Сложились свои научные направления и школы. Выросла целая плеяда кандидатов и докторов наук. Есть члены-корреспонденты и академики Национальной академии наук.

Политическая наука в Беларуси существует только 7 лет. Поэтому у нас и нет продолжительного опыта сотрудничества политологов и социологов. Однако в настоящее время кафедра политологии плодотворно сотрудничает с Центром социологических и политических наук. Примерам такого сотрудничества является наш совместный проект, разрабатываемый по заказу Государственного комитета по делам религий и национальностей, «Формирование и реализация государственной политики в области межнациональных и межэтнических отношений в Республике Беларусь».

Перспективы сотрудничества политологов и социологов весьма обширны. В Республике Беларусь 41 министерство и ведомство определяют и курируют основные направления государственной политики в конкретных сферах деятельности. Но далеко не каждое из них имеет в своем распоряжении научные учреждения и кадры работников, профессионально подготовленных для разработки государственных программ. Поэтому кафедра политологии и Центр социологических и политических исследований будут и дальше участвовать в конкурсах по разработке проектов для

государственного комитета по науке и технологиям, чтобы закладывать фундаментальные научные основы функционирования различных сфер жизни Республики Беларусь.

Поваляев С. А. (кандидат философских наук, ответственный секретарь журнала «Социология»): Хочу коснуться проблем научно-коммуникационного сообщества, органом которого должен являться новый журнал «Социология».

О чем в первую очередь идет речь? Наше новое периодическое издание дает уникальную возможность фиксировать разноплановую социологическую информацию: методологического, методического, прикладного, справочного характера с широкой географией представительства ученых, преподавателей, практиков, политиков, руководителей государственных учреждений.

В таком интеллектуальном спектре присутствуют и разные точки зрения, подходы, моменты нетривиальности и дискуссионности. Все это в целом обогащает социологическую мысль, продвигает вперед нашу науку.

И поэтому так важно в новом журнале обрабатывать именно такое «интеллектуальное поле».

Естественно, важны и круглые столы (и не только по поводу юбилейных дат), а в большей степени как форма активного общения по наиболее актуальным проблемам социологии. Причем в журнале подобная проблематика может быть анонсирована заранее. Думается, целесообразно было бы дать в кратком концептуальном ключе мнение ведущих специалистов по выбранной проблематике. Остальных – пригласить к дискуссии на страницах нашего журнала.

Вот к таким дискуссиям я приглашаю читателей и подписчиков журнала в 1998 г.

Данилов А. Н.: Мне представляется, что «круглый стол» в основном оправдал наши надежды. Его материалы дают определенное представление о развитии и становлении социологии в Беларуси.

Все мы, конечно, прекрасно понимаем, что социология может иметь серьезное будущее при условии постоянного взаимодействия с выдающимися исследователями как ближнего, так и дальнего зарубежья.

Существует мнение, что Вселенная познаваема настолько, насколько велики наши способности обозревать ее как единое целое. Эта мысль, по-моему, будет всегда питать инициативу и поиск социологов. Конкретные исследования и практические решения только в том случае обретут свою жизненность и необходимость, если будут позволять нам обозревать развитие нашей цивилизации в целом.

Не будем бросать камни в своих предшественников. Не будем предаваться неуместным восторгам, пытаюсь заглянуть в будущее. Будем более методично и последовательно решать свои задачи в настоящем, не отрываясь от тех актуальных проблем, которыми живет наше белорусское общество, Союз Беларуси и России, европейский континент и мир в целом.

Убежден, что нынешний «круглый стол», проведенный редколлегией журнала «Социология», заложил фундамент для более широких и плодотворных дискуссий в будущем. От имени редколлегии благодарю всех присутствующих и ожидаю, что работы участников сегодняшней встречи будут периодически публиковаться на страницах нашего журнала.

В ПАМЯТЬ
О Г. П. ДАВИДЮКЕ

ДИНАМИЗМ И ОПТИМИЗМ – ЖИЗНЕННОЕ КРЕДО ПРОФЕССОРА Г. П. ДАВИДЮКА¹

– Дорогой Георгий Петрович, чем дальше уходит то время, когда Вы непосредственно работали в науке и образовании, тем масштабнее и значимее открывается Ваш личный вклад в возрождение и развитие социологии в Беларуси. Как говорится, большое видится на расстоянии. Времена меняются, и нашим читателям интересно услышать из первых уст рассказ о жизни и судьбе, Ваше мнение по актуальным вопросам современности, раскрыть секрет Вашего долголетия.

Георгий Петрович, вначале хотелось бы послушать о самых ярких мгновениях (событиях) Вашей большой жизни. И вообще, как она для Вас сложилась...

– Ярких событий, а тем более мгновений, в моей жизни было много. Есть такие, что в памяти никогда не сотрутся. Они живут вместе со мной и ведут по жизни. Конечно, это мое участие в боевых действиях, ранения, Победа, первая любовь, завершение образования, работа в партийном аппарате, учеба в Москве, успехи в науке, защита диссертаций, сильные поступки, которые совершал, не думая о последствиях. Но что поделать – такой характер, да я и не жалею ни о чем. Почему-то помнится моя первая поездка за границу. В 1962 г. я ездил в Англию в составе советской делегации на 123-ю конференцию Королевской академии наук. Свобода суждений, остроумие высказываний английских ученых и ученых других европейских стран меня поразили. Еще больше поразил меня музей мадам Тюссо с его восковыми фигурами, в том числе фигурами Сталина и Хрущева. Яркое впечатление осталось и от поездки в 1966 г. в Шри-Ланку и Индию. Необозримые индийские степи, по которым гуляют огромные львы, не обращая внимания на проезжающие автобусы, дремучие пальмовые леса Шри-Ланки неизгладимы в памяти. И, конечно, никогда не забудется, что во время той поездки я впервые купался в Индийском океане.

¹ Печатается по: Динамизм и оптимизм – жизненное кредо профессора Г. П. Давидюка [интервью Г. П. Давидюка главному редактору журнала «Социология» профессору А. Н. Данилову] // Социология. 2013. № 2. С. 6–8.

Вся жизнь у меня была неординарной. Были годы успехов в работе, радости в жизни, были годы тяжелых переживаний, когда пришлось бороться (в прямом смысле этого слова) за возрождение социологии в Беларуси.

– *Расскажите о Вашем роде, родителей, детстве. Я думаю, что все закладывается как раз тогда, когда наше сознание еще не замутнено жизненным опытом и мы пребываем в состоянии детского любопытства, восхищения окружающим миром, освоения взрослой жизни и поиском себя в ней...*

– Я родился в капиталистической стране, в Польше, в воеводстве Брестском, повете Кобринском, веска Камень-Шляхетский (ныне Октябрь) 5 июля 1923 г. Родители мои были батраками. Они даже дом построили на двух сотках земли богатого крестьянина, за что мать ежегодно два дня летом жала рожь хозяину земли. Детей в семье было пять человек. Жили за счет заработка родителей у помещика за повседневную работу летом, а зимой отец немного зарабатывал в своей небольшой кузнице. Я, как старший из детей, в 11 лет пошел в пастухи. Где-то в конце апреля – начале мая богатый крестьянин приезжал к нам, договаривался с родителями и забирал меня к себе в пастухи. Каждый год у меня был новый хозяин. Я жил в их семьях, питался. Чем старше я становился, тем более богатому крестьянину меня отдавали. Он больше платил, но и стадо у него было больше. В 10–15 лет я уже пас стадо коров 11–13 голов с большим быком, который меня не боялся, и мне трудно было управлять этим стадом. Часто плакал, но работу надо было выполнять. Когда осенью наступал холод, пастбище заканчивалось, хозяин привозил меня к родителям и вручал им шесть мешков ржи, заработанных мною. Мать со слезами на глазах говорила: «Ты, сынок, заработал нам хлеба на всю семью на целый год». Осенью, зимой и в холодные месяцы весны я ходил в сельскую школу в нашей деревне. Поскольку я хорошо учился, меня переводили учителя ежегодно в следующий старший класс, несмотря на то, что я уезжал на работу пастуха задолго до окончания учебного года. Так я окончил шесть классов польской общеобразовательной школы.

Наша батрацкая жизнь окончилась, когда в Западную Беларусь пришли Советы. Отец получил землю, лошадь, сельскохозяйственный инвентарь с помещичьего хозяйства. Стал «гаспадаром». Меня мать устроила в гимназию в г. Кобрине, где я окончил до начала войны два класса гимназии. Но радость наша скоро оборвалась: началась Великая Отечественная война.

– *Фактически со школьной скамьи Вы шагнули на фронт, участвовали в боевых действиях – на передовой, командовали ротой в партизанском отряде, были неоднократно ранены, имеете боевые награды...*

– Немецкие оккупанты в начале 1942 г. организовали свою администрацию, которая сразу же показала нацистскую гитлеровскую сущность.

Молодежь стали вылавливать и вывозить в Германию. Немецкие администраторы в помещичьих имениях потребовали от крестьян вернуть в имения все имущество, розданное им Советами, повсеместно объявили приказ гауляйтера: всем бывшим советским военнослужащим, пристроившимся в крестьянских семьях, приказали явиться на регистрацию в немецкую комендатуру. Бывшие советские офицеры и политруки сразу ушли в леса. За ними потянулись и солдаты, ибо явка в немецкую комендатуру означала отправку в лагерь военнопленных. Молодежь из бедных крестьянских семей тоже активно стала обсуждать вопросы ухода в партизаны. Стали откапывать закопанное в начале войны оружие, брошенное отступающими советскими войсками. Так выкристаллизовалась в нашей деревне группа: Георгий Давидюк, Николай и Петр Хвисюки, Александр и Николай Шевчуки, Павел Сенчук, Степан Козловский.

К этому времени я уже был хорошо знаком с Борисом Лукашуком, жившим в соседней деревне Турная. А это очень грамотный и умный человек. Он меня показал своим знакомым. Приехал он в д. Турная перед войной навестить своих родных. Как только пришли немцы, он сказал: «Это страшный враг, с ним надо воевать с оружием в руках». Он хорошо подготовился. Когда в нашей деревне сформировалась боевая группа, он сказал мне: «Я вас принимаю в свою группу, в которой уже есть 12 человек. 15 мая 1942 г. приходите ночью в лес под Турноей, там объединимся и двинемся в большие леса, где и начнем боевые действия».

Так я стал партизаном. Б. Лукашук сразу сделал меня командиром, оставив в моем отделении только П. Хвисюка, который воевал вместе со мной до конца войны. Остальных из нашей деревни растасовал по другим отделениям, заявив мне: «Я твоим ребятам очень доверяю, и они должны быть в каждом отделении». Скоро я стал командиром взвода, и, когда мне было 20 лет, я уже был командиром роты. О том, как я воевал, я услышал на бюро подпольного райкома партии. В мае 1943 г. мой друг, Николай Головацкий, член бюро подпольного райкома партии, бывший в это время командиром Речицкого партизанского соединения возле моста Днепробугского канала в Дрогичинском районе, сказал мне: «Завтра в 14:00 приходи в штаб отряда на заседание партбюро». Я поинтересовался: «А кому я потребовался, что мне там делать?» Он ответил: «Тебя будем принимать в партию, таково решение командования». Я подумал: «Раз решение командования, то не о чем и говорить». Разошлись. На второй день прихожу в штаб отряда. В комнате за рабочим столом по центру сидит комиссар отряда Иван Живнов, рядом командир отряда Михаил Герасимов, дальше от него – Николай Головацкий и еще несколько человек, видимо, это были комиссары других партизанских отрядов. Комиссар И. Живнов (он же –

первый секретарь Дрогичинского подпольного райкома партии) объявил заседание открытым и сразу дал слово Н. Головацкому. Последний стал давать мне характеристику, перечисляя удачные острые бои моей роты с немцами, рассказал о десятках успешных диверсионных взрывов на железной дороге, совершенных партизанами моей роты, в результате чего сотни немецких танков, орудий, бензиновых цистерн сгорели на Пинщине, не доехав до фронта. После сообщения Н. Головацкого комиссар спросил: «У кого есть вопросы к Георгию Давидюку?» Сразу поднялся командир отряда М. Герасимов и заявил: «Какие вопросы?! Это же лучший в отряде командир роты. Его боевые заслуги, его авторитет среди партизан всем хорошо известны. Предлагаю принять Г. Давидюка в партию». Автоматически произошло единогласное голосование. Так я стал членом КПСС, никогда раньше не думая об этом.

Что касается боевых наград, то у меня их три: орден Отечественной войны I степени, медаль «За боевые заслуги» и медаль «Партизану Отечественной войны I степени».

Ранения я получал каждый год по одному. Первое ранение я получил в 1942 г. в открытом бою с немецкой ротой под Ганцевичами в правое плечо. Эту немецкую роту мы полностью уничтожили. Подобрали на поле боя 57 немецких винтовок, 25 автоматов, 4 пулемета, в том числе крупнокалиберный. Второе ранение – под Кобрином, зимой 1943 г. во время разведки провалился под лед, спасаясь от преследующих меня немецких патрулей. Покалечил ноги. Месяц в крестьянской хате меня лечили. Но ноги и сейчас болят. Третье ранение получил в последнем моем бою против оккупантов в апреле 1944 г. Моя рота (это 153 человека) держала оборону на Днепробугтском канале в д. Заречье против Мадыарского полка, вооруженного танками, артиллерией. По описанию этого боя Кириллом Мазуровым в книге о партизанском движении, мадьяры потеряли в этом бою более 100 человек и три танка. Три дня они штурмовали эту переправу. Моя рота потеряла командира второго взвода Ивана Лучко, пулеметчиков Степана Козловского, Василия Ипатова, семь человек были тяжело ранены, в том числе мне разрывная пулеметная пуля разорвала левую ладонь. Это был мой последний бой с оккупантами. После этого я уже стал «нестроевым», меня с фронта списали.

– Как Вы пришли в науку и что определило Ваши принципы работы в ней? Как рассказывают коллеги, Вас отличала открытость, целеустремленность, желание добиваться истины в честной дискуссии, не пасовать перед трудностями. Кто повлиял на Ваш выбор и чем он был обусловлен?

– После войны я работал в административных учреждениях, в том числе был заведующим отделом культуры Брестского горисполкома и одно-

временно учился в вечерней школе, в пединституте. О работе в науке не мечтал, и никаких мыслей у меня не было об этом. Но, бывает, и в ясный день гром грянет.

В 1961 г. вышла моя книга «Основные черты современного ревизионизма». Югославская пресса всем своим журналистским корпусом обрушилась на мою книгу. В проправительственной югославской газете «Борьба» меня обвинили в клевете на югославское руководство, в том числе и на Иосипа Броза Тито. В то время я работал лектором ЦК КПБ.

Где-то в начале 1962 г. позвонил мне директор Института философии и права АН БССР Казимир Буслов, пригласил на деловую беседу. В беседе он предложил мне перейти на работу в его институт и занять должность заведующего сектором исторического материализма. Он сказал: «У Вас уже много публикаций: книги, журнальные и газетные статьи. Наш коллектив Вас примет хорошо». Когда я вежливо стал ему объяснять, что мне нравится нынешняя моя работа, он серьезно посмотрел на меня и сказал, что его приглашал секретарь ЦК КПБ и сказал, что им неудобно оставлять в своем аппарате Г. Давидюка в связи с таким возмущением югославы против него. В конце беседы он порекомендовал К. Буслову пригласить Г. Давидюка на работу в Институт философии, тем более там сейчас есть хорошая вакансия. После этих слов К. Буслова я все понял.

Не спеша я стал оформлять документы для перехода на другую работу. Мне дали за подписью секретаря ЦК КПБ блестящую характеристику. Прошло много времени после публикации объявления в газетах о конкурсе, затем на заседании совета Института философии меня избрали заведующим сектором института. Во время этого избрания произошел интересный инцидент. Когда докладчик данных о Г. Давидюке академик В. Сербента сказал, что Г. Давидюк свободно владеет тремя иностранными языками (английским, немецким, польским), К. Буслов сразу бросил реплику: «А не потомок ли это какого-нибудь дворянского рода?»

В сентябре 1962 г. я перешел на работу в Институт философии и права АН БССР. С этого времени и началась моя научная работа. То, о чем Вы спрашиваете (где формировалась моя открытость, целеустремленность, стремление добиться истины в честной дискуссии, почему не пасовал я перед трудностями), вырабатывалось все здесь, на работе в АН БССР. В коллективе Института философии была доброжелательная, спокойная, деловая обстановка. На уровне Академии наук я стремился выступать на различных совещаниях наряду с крупными белорусскими учеными, людьми высокой культуры. Я видел, как они резко отличаются от чиновников, с которыми я до этого работал.

От дирекции Института шла большая поддержка. Директор Института регулярно ежегодно выделял в сектор несколько штатных единиц старшего научного сотрудника и 2–3 единицы под новых аспирантов. Новые единицы старшего научного сотрудника мы заполняли научно выросшими младшими научными сотрудниками или аспирантами, теми, кто защитил кандидатскую диссертацию. За 10 лет сектор вырос в отдел социальных исследований с тремя секторами: сектор социального планирования, сектор социального управления и сектор социальных проблем села. Штат вырос с 6 человек до 43, в том числе 8 кандидатов наук и 7 аспирантов. Все годы велись непрерывные социальные исследования на промышленных предприятиях и в колхозах, среди них такие гиганты, как Минский тракторный завод, Минский автомобильный завод, Оршанский льнокомбинат, Барановичский химкомбинат и другие. В колхозах велись исследования в основном в Минской области. Все они велись на хоздоговорной основе, т. е. за нашу работу платила администрация предприятия, колхоза, требуя ежеквартально отчет о проделанной работе. Отчеты о результатах исследований обсуждались на заседаниях сектора, затем отдела, на научных конференциях, проводимых прямо на объектах исследования. Вот здесь-то и вырабатывались необходимые навыки: умение анализировать, аргументировать в дискуссии, защищать собственную научную мысль. На основе исследовательских материалов было подготовлено и издано под моей редакцией 8 коллективных монографий. А такие старшие научные сотрудники, как Руслан Гребенников, Людмила Дмитрук, Зинаида Монич, Вадим Круталевич, Иван Писаренко, опубликовали свои монографии. В это же время вышла моя книга «Критика теории единого индустриального общества» (1968). Она получила высокую оценку московских социологов.

– Интересно, а когда Вы сами впервые узнали о социологии, как отнеслись в обществе, среди представителей других профессий к социологической науке? Где Вы учились социологи, какими книгами и учебниками пользовались, кто были Ваши учителя?

– О социологии я узнал во время учебы в аспирантуре в московской Академии общественных наук при ЦК КПСС. Старые профессора нашей кафедры философии часто зло заявляли, что социология – это «буржуазная наука». Из прессы я узнал, что такова установка ЦК КПСС. Работая в АН БССР, я не только узнал, но и почувствовал ненависть, враждебность по отношению к социологии со стороны экономистов, юристов, историков. Заведующий юридическим отделом Института философии АН БССР, член-корреспондент АН БССР С. Моргунский в обществе своих друзей беспрерывно обвинял социологов в «клевете на советскую действительность».

Суть социологии я узнал, часто бывая в Институте философии АН СССР, где уже в середине 1960-х гг. был сектор социальных исследований, которым руководил профессор Геннадий Осипов. Работая часто в читальном зале Московской библиотеки им. В. И. Ленина, я внимательно прислушивался к беседам об американской, немецкой социологии. Очень много о ней узнал от известных уже в начале 1960-х гг. московских профессоров Геннадия Осипова, Галины Андреевой. Моими настольными учебниками были книги Владимира Ядова «Социологические исследования. Методология. Программа. Методика» (1972), Андрея Здравомыслова «Методология и процедура социологических исследований» (1969).

Наиболее глубоко я постиг суть социологии, когда писал докторскую диссертацию «Критика теории единого индустриального общества». Книги по этой теме были написаны в то время американскими, немецкими, польскими социологами. Переводов на русский язык данных книг в 1960-е гг. не было. Пришлось читать все в оригинале. Меня поражала глубина проникновения мысли авторов этих книг в социальную действительность и связь теоретического суждения с объективными ее процессами. Особенно меня впечатлили глубиной знаний как американской, так и советской действительности Джон Гэлбрэйт и Дэниель Белл в своих книгах «Новое индустриальное общество. Техноструктура» и «Грядущее постиндустриальное общество».

– В 1960-е гг. социология как наука в Советском Союзе стала постепенно возрождаться. Появились первые учебники, стали проводиться социологические исследования, создаваться лаборатории. Появилась даже социологическая ассоциация, белорусское отделение которой Вы возглавляли. Интересно, а что исследовали полстолетия назад, кто определял тематику, как была организована работа, где докладывались результаты и как к ним относились заказчики?

– Ответ на этот вопрос начнем с жизненного примера. Весной 1969 г. я зашел к заместителю директора Института философии АН БССР Антону Савастюку с большой пачкой командировок и различных других документов на подпись – готовилась группа к отъезду на Брестский ламповый завод для проведения исследований. Он посмотрел на эти документы и сказал: «Что, снова едете собирать фактики? Разве же это наука?» Я спросил у него: «А как же делается наука?» Он ответил: «Настоящая наука добывается в библиотеке путем чтения книг».

50–60 лет тому назад так и было. Прочитав десятки книг по своей специальности в библиотеке, советский гуманитарий писал еще одну книгу или кандидатскую и докторскую диссертацию. Ученые советы ака-

демических институтов, кафедр вузов определяли тематику научной работы коллективу ученых или одному человеку. Направление исследований определялось постановлениями ЦК КПСС, принятыми на пленумах, съездах ЦК КПСС. Результаты исследований принимались, утверждались или отклонялись на заседаниях советов академических институтов или вузовских кафедр.

– *Расскажите об обстановке в Академии наук БССР, ведущих вузах республики – БГУ, БПИ, Ваших коллегам по работе, которые первыми стали проводить социологические исследования. Что это были за люди, какое имели образование, что Вас объединяло или, наоборот, отличало друг от друга? Была ли конкуренция, где Вы печатали результаты исследований?*

– Обстановка в АН БССР была очень тихая. Люди молчали, делали вид «занятости работой», никаких дискуссий. Телефонный звонок партийного работника (из райкома партии или ЦК партии) приводил в трепет руководителя учреждения.

В начале 1970-х гг. Проблемная социологическая лаборатория БГУ проводила исследования по социальным проблемам студенчества, объектом исследования были взяты студенты БГУ, БПИ и РТИ. В БПИ некоторые деканы не хотели допускать сотрудников лаборатории к опросу студентов. Поскольку научное кураторство над лабораторией ректор поручил мне (я уже работал в БГУ заведующим кафедрой), мне пришлось идти к ректору БПИ. В то время ректором БПИ был известный в республике профессор М. В. Дорошевич (до этого – Министр образования БССР). Во время нашей беседы зазвонил телефон. Он поднял трубку, как услышал голос, сразу подхватился, стал навывтяжку и повторил: «Мария Ивановна, не беспокойтесь, все будет сделано, как Вы сказали». Закончив разговор, он положил трубку и вздохнул с облегчением. Меня все это как-то удивило, что такой человек, известный руководитель, стоя навывтяжку, разговаривал по телефону. Я его спросил: «Кто это звонил?» Он спокойно ответил: «Это работник райкома партии, который курирует БПИ». Я сделал безразличный вид, и мы продолжили нашу беседу, которая стала весьма результативной. Социологи БГУ получили доступ на все факультеты БПИ. В БПИ при кафедре научного коммунизма был открыт сектор социологических исследований. Руководить им стал заведующим кафедрой, профессор Владимир Семеньков. Сектор вел исследования на ряде предприятий Минска по проблемам текучести кадров, условиям труда женщин на заводах. Коллектив был плодотворный. В. Семеньков и профессор Зоя Юк (исследовала проблемы женского труда) издали по несколько монографий в государственном издательстве «Беларусь».

Росту социологических лабораторий, секторов способствовало постановление Президиума ЦК КПБ от 9 ноября 1965 г., которое обязывало Президиум АН БССР и Министерство высшего и среднего образования до 1 января 1966 г. разработать мероприятия по усилению конкретных социологических исследований в научно-исследовательских институтах, высших учебных заведениях и вынести их на утверждение в ЦК КПБ. Постановление предписывало создать лаборатории социологических исследований в БГУ и Институте народного хозяйства. В БГУ заведующим социологической лабораторией стал историк философии профессор Иван Лущицкий, а в Институте народного хозяйства – специалист по истории КПСС Иван Галко. Вскоре были созданы социологические лаборатории в Брестском пединституте, Гомельском университете. Штаты этих лабораторий формировались из преподавателей кафедр, молодых экономистов, философов, историков.

– *Кстати, Вы одним из первых создали на университетской кафедре философии сектор прикладной социологии и начали по договорам с предприятиями проводить социологические исследования. Более того, на многих крупных производственных объединениях возникли заводские социологические службы, в штатных расписаниях предприятий открылись ставки специалистов-социологов, возникла заводская социология. Сколько интересных людей, с богатым жизненным опытом, хорошим образованием затем стали прекрасными учеными и преподавателями...*

– В советское время критика имела место. Но она имела меру, определенный, обозначенный объект. Гигантский корпус советских журналистов критиковал, даже фельетоны писал. Но журналисты хорошо знали, кого можно критиковать и в какой степени. Редакции газет и журналов Беларуси охотно принимали статьи от социологов. В них можно было критиковать руководителей предприятий, колхозов за социальные беспорядки, за неумение вскрывать причины текучести кадров, за невыполнение законов об охране труда, особенно женского. Но в статьях социологов не должна была содержаться критика секретарей райкомов, обкомов КПБ. Критиковать имели право только партийные работники. Результаты исследований эффективности партийной пропаганды, работы университетов марксизма-ленинизма при каждом доме политпросвещения (эти проблемы исследовала социологическая лаборатория БГУ) можно было докладывать в письменной форме только в отделе пропаганды ЦК КПБ. Когда я их приносил, заведующий отделом пропаганды С. Павлов с благодарностью принимал, внимательно читал и очень благодарил за вскрытие низкого уровня лекций, устаревшей тематики лекций, низкого уровня

ня лекций некоторых представителей этих университетов. Полученные материалы он широко использовал в своих выступлениях на различных совещаниях, проводимых в ЦК КПБ, в своих статьях, в газетах, журналах.

– Интересны Ваши попытки в середине 1970-х гг. организовать официальную подготовку профессиональных социологов, есть выпускники тех лет, в дипломе которых записано «Философ. Прикладной социолог». Почему же сразу не получилось?.. И вообще, как Вы по жизни относитесь к своим неудачам?

– Когда в начале 1972 г. меня переманивал ректор БГУ профессор Всеволод Сикорский перейти на работу в БГУ и занять должность заведующего кафедрой философии гуманитарных факультетов, я спросил: «А как же я смогу вести социологические исследования? Кафедра денег на это не имеет!» Он ответил: «Я дам Вам неограниченный лимит на ведение хозяйственных социологических исследований. Хоть на 200–300 тысяч рублей». Это меня очень устраивало, ибо Президиум АН БССР даже небольшие лимиты с трудом выделял мне. Лимиты на хозяйственные исследования руководство Академии наук весьма щедро выделяло институтам физики, химии.

Ректор Белгосуниверситета В. Сикорский свое обещание выполнил. Уже в начале 1973 г., как только я перешел на работу в БГУ, кафедра получила 100-тысячный лимит на ведение социологических исследований. Стали заключать договоры на ведение этих исследований с предприятиями. В этом же году были заключены договоры с Оршанским льнокомбинатом, могилевским «Химволокном». В следующие годы еще с семью предприятиями. Лимит был использован на 300 тысяч рублей. Эту организационную работу очень любил проводить Иван Писаренко, пришедший вместе со мной в университет из Института философии АН БССР. Он же и стал первым руководителем сектора прикладных социологических исследований. Научным же руководителем сектора во все времена его существования был Г. Давидюк. Сотрудниками сектора вначале были работники кафедры, доценты (Альберт Елсуков, Виктор Овчаренко), преподаватели без степени, аспиранты, среди которых надо назвать таких, как Сергей Шавель, Олег Манаев, Давид Ротман, Жанна Грищенко, Лариса Титаренко, Анатолий Левко. Постепенно в этот сектор переходили сотрудники различных кафедр вузов (это были историки, экономисты, философы, но они хотели стать социологами). В сектор также была принята на работу Галина Соколова, окончившая аспирантуру в Институте социологии АН СССР. Всего в секторе работало 78 человек, в том числе сотрудников (на хозяйственной ставке) – 47, преподавателей и аспирантов (по совместительству) – 31.

Работа в заводских коллективах, непрерывное наблюдение, дискуссии, происходившие на заводах, научных конференциях, очень требовательные обсуждения на заседаниях сектора отчетов о проводимых исследованиях, выковывали будущих белорусских социологов. В этом горниле выросли ведущие ученые, социологи – Сергей Шавель, Альберт Елсуков, Леонид Гуцаленко, Галина Соколова, Жанна Грищенко, Давид Ротман, Олег Манаев, Лариса Титаренко, Анатолий Левко, Светлана Лапина и др.

Результаты работы сотрудников отдела социологических исследований АН БССР, сектора конкретных социологических исследований БГУ, БПИ, Института народного хозяйства, Брестского и Гомельского пединститутов, Горецкой сельскохозяйственной академии вызвали большой интерес к социологии у многих руководителей предприятий, областных организаций, министерств. В 1980-е гг. появилась так называемая заводская социология. Многие заводы, а это прежде всего минские тракторный и автомобильный, могилевский «Химволокно», Брестский ламповый завод, ввели в штатное расписание единицу «социолог». На эту должность приглашали выпускников философского отделения БГУ, прошедших курс обучения по прикладной социологии. Многие из них защитили через некоторое время кандидатские диссертации, стали работать в научных учреждениях, на кафедрах философии. Среди этой группы, выросшей из заводских социологов до социологов с учеными степенями, следует назвать прежде всего Давида Ротмана, Анатолия Левко, Надежду Голубкову, Александру Водневу, Лидию Новикову, Михаила Хурса.

– *Кстати, о победах... Никогда не кружилась голова от успехов? Ведь в Вашей жизни их было гораздо больше, чем поражений...*

– Мысль о подготовке социологов в вузе у меня зародилась еще во время работы в АН БССР, ибо уже тогда я знал, что в ведущих университетах США, Франции, Германии давно работали социологические факультеты. Во время беседы с ректором БГУ профессором В. Сикорским о моем переходе на работу в БГУ я поставил вопрос: «А можно будет открыть на философском отделении БГУ специализацию по социологии?» Он ответил: «Безусловно, никаких проблем». Свое слово он исполнил. Как только я принял руководство университетской кафедрой, ректор своим приказом отнял от кафедры истории философии кураторство над философским отделением и передал его нашей кафедре. Уже в начале 1973/74 учебного года это отделение было разделено на две группы: философскую и социологическую. С 3-го курса, как и положено по университетским порядкам, на отделении социологии начали читать лекции по прикладной социологии. Новая программа для этого отделения включала 12 спецкурсов. Надо

было подбирать преподавателей на каждый спецкурс. Преподаватели нашей кафедры были не в силах обеспечить все спецкурсы. Пришлось приглашать специалистов других факультетов БГУ, других вузов, в том числе профессоров Николая Юркевича, Евгения Бабосова, Павла Водопьянова, Николая Крюковского.

Крайняя потребность была в учебниках. Мне отчасти удалось утолить эту жажду, написав учебники «Введение в прикладную социологию» (1975) и «Прикладная социология» (1979). Это были первые учебники в СССР по прикладной социологии. Все это мы делали, когда в СССР представители официальной власти социологию именовали «буржуазной наукой». Поэтому мне вскоре дали «по затылку» за мое «творчество».

В 1978 г. советская делегация высшей школы вывезла в ГДР на совещание заведующих кафедрами общественных наук. От Беларуси в делегацию входил я. На инструктаже в Министерстве высшего образования СССР замминистра, руководитель делегации Н. И. Мохов, попросил ее членов доложить, кто в какой секции будет работать и о чем будет говорить. Я сказал, что буду работать в секции социологии, собираюсь рассказывать, как в БГУ готовят социологов, проводят исследования и как эта работа увязывается с учебным процессом. Мохов не замедлил спросить: «Кто разрешил вести подготовку социологов в университете?» Я ответил, что учебный план подготовки утвердил первый заместитель министра высшего образования СССР Н. Ф. Краснов, состоялось уже два выпуска специалистов, у которых диплом по профессии «прикладной социолог». Мохов обещал «разобраться». Нагрянула министерская проверка, признала неправильной запись в дипломе и предписала впредь делать запись «преподаватель общественных наук». Так мы и делали до 1988 г., пока социологию не признали в СССР самостоятельной наукой.

Были и другие серьезные мои неудачи, а точнее удары власти в ходе борьбы с социологией. Сильно навредило развитию социологии решение ЦК КПБ запретить социологические исследования на хоздоговорной основе, а также запретить в некоторых вузах сектора конкретных социологических исследований, в том числе в БГУ. В это же время были нанесены лично по мне два удара партийными органами. Меня отстранили от руководства кафедрой, а вскоре и Проблемной лабораторией социологических исследований БГУ.

Это была середина 1980-х гг. Шла горбачевская «перестройка». Партийный аппарат агонизировал. Он наносил жестокие удары по тем, кто вскрывал пороки и язвы общественного строя. В числе этих врагов была и социология.

Я все это понимал. В ряде статей, опубликованных мной в это время в журнале «Неман», я показывал огромные привилегии партийного аппарата, нищету рабочего класса и интеллигенции, массовое бегство крестьян из нищих колхозов в город. Я предсказывал революцию. Одна моя статья так и называлась «Революция в революции».

– Особый разговор – о Вашей работе в качестве руководителя Проблемной научно-исследовательской лаборатории социологических исследований при БГУ – колыбели современных профессиональных белорусских социологов. При Вас эта структура расширилась и в количественном отношении, обрела адекватную задачам того времени структуру. И, конечно, Вам удалось создать отличную команду ученых, многие из которых до сего дня активно работают в социологии. Расскажите об этом этапе своей жизни...

– Побед было много. Много книг опубликовано, особенно коллективных, под моей редакцией. Подготовил 48 кандидатов наук, 12 из них потом стали докторами философских и социологических наук. За мою активную научную и общественную деятельность Президиум Верховного Совета БССР три раза награждал меня грамотой Верховного Совета БССР. (В то время эта грамота была самой высокой правительственной наградой в Беларуси.)

Наибольшей моей победой я считаю открытие в БГУ в 1989 г. отделения социологии и кафедры социологии. Я был очень рад, что не зря свою самую работоспособную, активную деятельность посвятил тому, чтобы социологию сделать в Беларуси наукой и поставить вровень с другими науками.

Голова у меня кружиться не могла, ибо за каждый новый успех в развитии социологии партаппарат находил зацепку, чтобы меня хорошо «стукнуть». Как мне передали мои друзья из аппарата ЦК КПБ, секретарь ЦК КПБ по идеологии А. Кузьмин на одном из совещаний работников ЦК КПБ в 1987 г. сказал: «Пора кончать с этим Давидюком».

– Почему же Вы ушли из университета, когда дело Вашей жизни – признание социологии как самостоятельной науки, открытие социологического отделения и кафедры социологии в БГУ – стало явью? Появились аспирантура, докторантура, совет по защите диссертаций, открылась за граница...

– На работу в социологическую лабораторию БГУ в качестве ее заведующего я прибыл сильно потрепанный партийными органами, в том числе и парткомом БГУ. Состояние мое было подобно вышедшему из больницы после тяжелой болезни. Но на первой встрече с коллективом сотрудников лаборатории я увидел среди них многих бывших моих студентов, аспирантов, сотрудников разгромленного ректором БГУ Владимиром Белым сектора прикладных социологических исследований. У меня как-то на душе потеплело, и я решил: «С ними мы еще можем спасти социологию в БГУ».

Через несколько дней я пошел к начфину БГУ и попросил рассказать, какими финансовыми ресурсами располагает социологическая лаборатория. Он показал мне штатное расписание лаборатории, в котором значилось 22 сотрудника с указанием месячного оклада. Я спросил у него: «А где деньги на командировки, на ведение исследований на объектах исследования, на оплату вычислительному центру за обработку социологической информации?» Он ответил: «Такие средства социологической лаборатории Министерство нам не дает». В Министерстве мне сказали: «Этот вопрос может решить только Госплан».

После долгих хождений по инстанциям большого здания Госплана наконец мне сказали, что мой вопрос может решить только заместитель Председателя Госплана Лев Метлицкий. На мое счастье, Метлицкий – мой старый знакомый еще с тех времен, когда мы вместе работали в аппарате ЦК КПБ. Он радостно меня принял, внимательно выслушал и сказал: «Сейчас ничего не могу сделать. А вот когда будем верстать бюджет Министерства высшего образования на будущий год, постараюсь увеличить бюджет твоей лаборатории».

Л. Метлицкий свое обещание выполнил. В начале 1983 г. лаборатория получила намного больший бюджет. В штатном расписании уже значилось 39 сотрудников. Отдельной статьей выделялись деньги на полевые работы, на обработку социологической информации в вычислительном центре. Предписывалось также государственное задание исследовать проблемы труда на промышленных предприятиях, проблемы студенчества в вузах и проблемы советской семьи.

В результате мы получили возможность пополнить каждый сектор (их было пять) тремя-четырьмя новыми сотрудниками, что мы и делали, принимая на работу прежде всего работников разгромленного сектора прикладной социологии при кафедре философии БГУ. Создали ученый совет лаборатории, где ежемесячно заслушивались отчеты секторов о проведенной работе на объектах, аналитические записки по накапливающимся исследовательским материалам, очередные аттестации сотрудников, избранных на новый срок работы. Через 2–3 года стали появляться опубликованные научные труды сотрудников. Первыми порадовали меня своими книгами Жанна Грищенко, Владимир Дунаев, Светлана Бурова, Олег Манаев.

Постепенно Проблемная социологическая лаборатория БГУ получила широкую союзную известность в научном и общественном мире. С ней установили хорошие связи социологи Москвы, Харькова, Вильнюса.

После моего ухода из лаборатории несколько лет ею руководил профессор Сергей Лаптенко. Лаборатория стала хиреть, а затем была присо-

единена к социально-экономическому факультету и стала одним из его подразделений. Лаборатория начала рассыпаться. Первым ушел О. Манаев с группой научных сотрудников и создал Независимый институт социальных экономических и политических исследований, который очень быстро вырос в широко известный в стране и за рубежом исследовательский социологический центр.

Вторым с основной группой сотрудников лаборатории выделился Давид Ротман, который своими всесоюзными исследованиями создал Центр социологических и политических исследований БГУ, подготовил несколько весьма солидных социологических монографий, учебник о методах конкретных социологических исследований.

В это же время Жанна Грищенко с несколькими сотрудниками лаборатории включилась в Международный проект по исследованию проблем новой демократии и местной власти в государствах, возникших в результате краха советской империи. Эта работа настолько повлияла на Ж. Грищенко, что она стала писать художественные произведения, где героями являются социологи. Первую книгу она назвала «Социология жизни, или Жизнь в социологии» (2007). Я читал главу из ее новой книги «Час абсента», которая была опубликована в журнале «Социология», и считаю, что это более глубокое проявление писательского таланта Грищенко. Желая Жанне Михайловне дальнейших, еще более масштабных успехов на этом поприще.

– Как и чем Вы жили, когда приняли для себя окончательное решение уйти из науки и образования навсегда? Поступок, конечно, смелый, неординарный и вызывает большое уважение, но и не так прост в понимании...

– В последнее время я работал на кафедре социологии БГУ в качестве главного научного сотрудника. В декабре 1995 г. меня пригласили в отдел кадров университета. Работник этого отдела объявил, что я уволен с работы, и вручил мне трудовую книжку. Я даже не спросил у него, кто уволил и за что уволили. Попрощавшись, ушел. В это время я был настолько расстроен, что мне было все безразлично. Дома я открыл трудовую книжку и прочитал: «Уволен по п. 2 ст. 29 КЗОТ Республики Беларусь по окончании срока трудового договора».

– В чем же Ваше жизненное кредо, чтобы и через столько лет сохранить в себе неиссякаемую энергию, оставаться в строю и радоваться жизни?

– У меня очень хорошая жена, сын и дочь меня очень любят. Они понимали, что мне уже за семьдесят, пенсия хорошая, так что пора уже и отдохнуть. Я стал много жить на даче, заниматься огородничеством, садоводством. Поскольку жена ушла на пенсию раньше меня, то мы 8 месяцев ежегодно живем на даче. Я, как урожденный крестьянин, очень быстро

привык к сельской жизни. Это укрепляло здоровье, постепенно приходило душевное успокоение. Последние 15 лет я уже считаю, что после 70 лет и не следует работать преподавателем. У старого человека много физических недостатков (слабеет слух, садится голос, зрение падает, память изнашивается), студенты все это замечают.

– Что бы Вы пожелали молодым людям, избравшим для себя профессию социолога?

– Я строго выполняю принципы, может быть, это жизненное кредо – «динамизм и оптимизм». Много гуляю в лесу, люблю собирать грибы. Детство мое прошло на реке Муховец. Я очень любил плавать в реке, озере, море. Стараюсь не вникать ни в какие споры, не волновать себя, не расстраиваться. Очень люблю читать художественную литературу. Прочитал многотомники Вальтера Скотта, Александра Дюма, Фенимора Купера, Якуба Коласа, Владимира Короткевича. Они и сейчас есть в моей домашней библиотеке.

Пока был нормальный слух, мы с женой любили ходить в театр, особенно в оперный – на оперные и балетные спектакли. Во время учебы в Москве мы (жена в это время жила и работала в Москве) просмотрели весь репертуар Большого Московского театра оперы и балета.

Я никогда не смотрю телевизор. Считаю, что телевизор – это один из важнейших вредителей зрения, слуха и нервной системы человека. Очень жалею, что наша эпоха – это эпоха просиживания мужчин, молодых и старых, у экрана телевизора. От этого наш этап развития общества обедняется, физически его члены слабее представителей предыдущих столетий.

Уважаемый Александр Николаевич! Я искренно благодарен Вам за вопросы по существу. Они так сформулированы, что затрагивают важнейшие этапы моей жизни и деятельности, особенности тех ее сторон, где речь идет о становлении и развитии социологии в Беларуси. Они заставили меня вспомнить, что я для этого делал, с кем это делалось, какие были общественные преграды на этом пути и как приходилось их преодолевать.

Молодым людям, избравшим для себя профессию социолога, советую хорошо осознать, что социология стоит наиболее близко к живой социальной действительности по сравнению с другими общественными науками. И этот организм активно реагирует на любые вмешательства. А социологу приходится все это изучать. Социолог вскрывает причины коррупции, а гигантский корпус коррупционеров, особенно те, кто его породил, обрушиваются на социологов. Социологи вскрывали причины массовой текучести кадров, особенно в промышленности и строительстве, а те, кто создавал эти причины, громят социологов.

Поэтому социология, хотя она крайне нужна обществу и интересная наука, она не во всех странах имеется, а в некоторых из них государственные правители ее объявляют «враждебной наукой для общества».

Социология хорошо развивается в демократических высокоразвитых странах. На данный момент наиболее успешно развивается социология в США, Германии. Именно в этих странах наибольшее количество институтов и факультетов социологии, которые известны во всем мире.

Поэтому мой совет молодым людям, мечтающим стать настоящими социологами, много учиться, и не только в университетских аудиториях, библиотеках или за компьютером, но и у жизни; старательно изучать и смело открывать для себя действительность, не бояться опыта других, решительно перенимать все лучшее, что накоплено мировой и отечественной социологической наукой.

– *От всей души благодарен Вам, уважаемый Георгий Петрович, за состоявшийся разговор, глубокие и полные ответы на мои вопросы.*

QUO VADIS...

П. Г. Давидюк,

кандидат исторических наук, доцент

Quo vadis, Domine? «Куда ты идешь, Господи?» – вопрос, заданный на Тайной вечере, по преданию, апостолом Петром Иисусу Христу. Это инсказательное обращение, на мой взгляд, ко всему человечеству и конкретно к каждому человеку. Перед каждым из нас рано или поздно встает этот вопрос, и чем раньше человек определится с ним, тем целенаправленнее сложится его жизненный путь. В этом я убедился на примере своего отца, Давидюка Георгия Петровича, который прожил долгую, трудную и достойную жизнь.

Родился он в многодетной семье сельского кузнеца в 1923 г. на территории Западной Беларуси в деревне Камень-Шляхетский Кобринского повета (тогда она относилась к Польше), ныне деревня Октябрь Кобринского района Брестской области. С детства познал тяжелый крестьянский труд. С 8 лет вынужден был трудиться, чтобы помогать семье, – сначала пастухом у местных кулаков, затем сельскохозяйственным рабочим, проще говоря – батраком. Правда, платили наниматели хорошо: пастухом за летние месяцы отец зарабатывал воз зерна и 15 злотых (по тем временам

большие деньги). Мать называла его главным кормильцем семьи. В школу ходил, когда позволяла работа, но, несмотря на это, с отличием окончил шесть классов польской общеобразовательной школы. По словам отца, ему нравилось учиться и эту любовь к получению знаний он пронес через всю свою жизнь. Много позже, будучи известным ученым и профессором, он с большим уважением относился к студентам и аспирантам, стремящимся к получению новых знаний.

Мой дед Петр Макарович Давидюк был участником Первой мировой войны, воевал на фронтах гражданской в отряде Олеко Дундича, за что был награжден орденом Боевого Красного Знамени, который скрывал от властей Польши, вернувшись после ранения в родную деревню. Именно борьба деда за советскую власть оказала в дальнейшем большое влияние на мировоззрение отца. Его семья с радостью встретила 1939 г. – воссоединение Западной Беларуси, надеясь, что наконец-то настали лучшие времена в их жизни. Сколько себя помню, на всех праздниках в нашем доме первый тост отца всегда был: «За советскую власть!»

Радость была недолгой – началась Великая Отечественная война. Отец с группой молодежи своей деревни не раздумывая ушел в отряд советских партизан. Воевал он в отряде имени Н. Шиша Пинского партизанского соединения: рядовым, командиром взвода разведки, затем командиром роты подрывников. Воевал храбро и доблестно, самые тяжелые и опасные задания поручали его взводу и роте. Однажды во время блокады фашистами партизанской зоны его роте пришлось прикрывать отход отряда, он с группой партизан вынужден был более недели просидеть в болоте, питаясь корой деревьев и слизывая оружейную смазку. В другой раз ему со взводом разведки было поручено доставить командованию Красной армии совсекретные данные через линию фронта. Пришлось идти чуть не через всю республику, оккупированную врагом, полуголодными, зимой по бездорожью, но задание было выполнено. О смелых рейдах роты подрывников отряда имени Н. Шиша упоминает в своих мемуарах К. Т. Мазуров, ставший впоследствии первым секретарем ЦК КПБ, а именно о том, что только в ходе наступательной операции Красной армии «Багратион» рота Г. П. Давидюка пустила под откос несколько десятков вражеских эшелонов. В годы войны отец был награжден многими боевыми наградами. В партизанском отряде он вступил в комсомол, затем был принят в ряды партии. Был трижды тяжело ранен, осколки венгерской гранаты носил под сердцем до конца своих дней.

После освобождения Беларуси отец, как фронтовик и член партии, был направлен на работу в партийные структуры Брестской области. Работал

и одновременно закончил среднюю школу, а затем – экстерном Минский государственный педагогический институт имени М. Горького.

Когда в Брестском обкоме партии отцу предложили более высокую должность в партийных органах, он отказался, а попросил направить его на учебу в Академию общественных наук при ЦК КПСС в Москве. На тот момент он уже имел семью, родился сын, т. е. я, но желание учиться было так велико, что это его не остановило. При поступлении в Академию отец не смог сдать экзамен по немецкому языку и пообещал приемной комиссии, что если его зачислят, то к концу обучения выучит не один, а два иностранных языка. Комиссия поверила фронтовику на слово. За годы учебы он освоил немецкий и английский языки, владел ими в совершенстве и свободно пользовался всю жизнь: выезжал за границу читать лекции, выступал на международных семинарах, общался с зарубежными коллегами. Кроме этого, он в совершенстве владел польским языком, благодаря чему его часто приглашали переводчиком на официальные советско-польские переговоры.

Во время учебы отец вынужден был жить один в общежитии Академии. Моя мама Клавдия Степановна, как верная спутница, тоже поехала в Москву, работала и жила в Сокольниках. Я в это время жил с бабушкой у мамыной сестры Валентины Степановны Пукач в деревне на Минщине.

В 1959 г. отец успешно окончил Академию, защитил кандидатскую диссертацию, и ему предложили работу в журнале «Проблемы мира и социализма» в Праге (Чехословакия). О работе за границей в те годы можно было только мечтать, но он отказался, мотивируя это тем, что учился он по направлению от Беларуси и хотел бы работать как специалист в своей республике. После его направили в распоряжение ЦК КП Беларуси. Тогда наша семья воссоединилась, и мы стали жить в Минске.

Сначала отец работал в партийных структурах, затем перешел в Институт философии и права Академии наук БССР. В институте он достаточно успешно с помощью своих коллег-единомышленников стал развивать новое направление в философской науке – социологию. В 1969 г. отец защитил докторскую диссертацию по проблеме критики западных теорий развития постиндустриального общества, что в дальнейшем укрепило его интерес к социологическому направлению в философии. В 1972 г. по приглашению ректора БГУ Сикорского отец перешел на преподавательскую работу в БГУ и сосредоточился на университетской социологии. В этот период он много занимался научной деятельностью на международном уровне: участвовал в конференциях и семинарах в Европе, Америке, Азии, читал лекции по прикладной социологии студентам Йенского университета (ГДР).

Социология как наука давала органам управления (в те годы это КПСС) объективные данные о состоянии социума, надеждах, устремлениях и чаяниях советских граждан; возможность принятия решений в интересах народа. Но партия не была готова к принятию подобных решений по определению, поэтому на социологию и социологов началось давление, свертывание финансирования, всяческое ограничение деятельности, шельмование ученых и науки. Отец все это понимал и старался сохранить то, что было сделано им и его единомышленниками. Однако годы и военные ранения давали о себе знать. После инфаркта и перенесенной клинической смерти он вынужден был оставить работу.

Несмотря на напряженную научную и преподавательскую работу, отец увлекался спортом: играл в волейбол, прекрасно плавал. Работал на даче, помогал выполнять сельскохозяйственные работы родственникам в деревне. Будучи профессором, доктором наук, отец легко заготавливал дрова, плел корзины, лапти, причем сам ходил в них на болото косить сено. Знал голоса лесных птиц, прекрасно ориентировался в лесу и учил этому меня, всегда больше других собирал грибов. На протяжении всей жизни финансово помогал своей матери. С женой, Клавдией Степановной, прожил в любви и согласии более 70 лет. Вырастил двоих детей, имел внуков и правнуков.

У меня с отцом были немного напряженные отношения, связанные с его требованием серьезнее относиться к учебе. Он постоянно твердил, что не понимает, как можно идти на улицу играть в футбол или хоккей, если не выучены уроки или не прочитана дополнительная литература. Правда, после того, как я стал готовить кандидатскую диссертацию, а потом и защитил ее, отношения с отцом заметно улучшились. По жизни он был максималистом. Желание учиться и учить других ради их же блага отец настойчиво, а порой даже агрессивно стремился перенести на своих детей и всех тех, с кем ему приходилось работать и общаться.

Проходит время, и начинаешь несколько по-другому оценивать, а точнее вспоминать, отца – трудное детство, годы военного лихолетья, учеба, работа и постоянная работа над собой.

Время не властно над творениями рук человеческих. Архитектурные сооружения, картины, книги, труды ученых в различных отраслях знаний, технические изобретения, повлиявшие на прогресс человечества, переживут своих создателей. А сами творцы будут жить до тех пор, пока их помнят: коллеги, друзья, родные... Мой отец, Георгий Петрович Давидюк, был примером того, как настойчиво, преодолевая все трудности и преграды, нужно идти к намеченной цели.

ДОБРОЕ СЛОВО О КОЛЛЕГЕ И ДРУГЕ¹

Е. М. Бабосов,

*академик НАН Беларуси, доктор философских наук,
профессор, заслуженный работник БГУ, главный научный
сотрудник Института социологии НАН Беларуси*

Жизненная судьба свела меня с Георгием Петровичем Давидюком в теперь уже далеком 1962 г. Я тогда был приглашен на работу в аппарат ЦК Компартии Беларуси в отдел науки и учебных заведений, а Георгий Петрович работал там в качестве лектора в отделе пропаганды. Когда мы с ним познакомились, мне очень импонировала его подтянутость, обязательность, высокая требовательность к себе и другим людям, отзывчивость, стремление прийти на помощь тому, кто в ней нуждается.

Работая в ЦК КПБ в качестве заместителя заведующего отделом науки и учебных заведений и заведующего сектором науки и вузов, я по своим служебным обязанностям часто контактировал с директорами академических исследовательских институтов, ректорами вузов. Как раз в тот период возникла идея создать в Институте философии АН БССР сектор социальных исследований. После некоторых размышлений я (разумеется, предварительно посоветовавшись с Г. П. Давидюком) порекомендовал тогдашнему директору этого института, впоследствии академику К. П. Буслову предложить заведование этим сектором Г. П. Давидюку. После их встречи такое решение было принято, и Георгий Петрович возглавил сектор, провел там большую кадровую и научно-исследовательскую работу по организации коллектива, его ориентации на разработку актуальной социологической проблематики. Именно в этот период под его руководством и при моем активном участии были опубликованы коллективные работы о роли рабочего класса, крестьянства и интеллигенции в развитии социальной структуры белорусского общества.

По прошествии десятилетия, в 1973 г., мною же Г. П. Давидюк был рекомендован ректору Белгосуниверситета на должность заведующего кафедрой философии и руководителя лаборатории социологических исследований. Удачно совмещая на этой должности преподавательскую работу с организацией социологических прикладных исследований, Георгий Петрович подготовил ряд учебников для студентов, в том числе таких

¹ Печатается по: Бабосов Е. М. Доброе слово и коллеге и друге // Социология. 2013. № 2. С. 18–19.

как «Основы прикладной социологии», «Прикладная социология», которые вызвали большой интерес в студенческой и преподавательской среде. Особенно следует отметить издание под руководством Г. П. Давидюка в 1984 году первого в Советском Союзе «Словаря прикладной социологии», имевшего широкий резонанс не только в Беларуси и других советских республиках, но и за пределами страны. Можно совершенно определенно сказать, что 60–70-е гг. XX в. стали самым плодотворным периодом в научной и преподавательской деятельности Георгия Петровича. В этот период мы с ним много общались, сотрудничали, дружили семьями, бывали друг у друга в гостях, отдыхали в Прибалтике. В эти годы бурного развития социологии в Беларуси мы вместе с ним принимали участие в республиканских, общесоюзных и международных конференциях, в работе Советской социологической ассоциации, обменивались мнениями о докладах, об актуальных проблемах развития мировой и отечественной социологии. Среди таких форумов я бы особенно выделил VIII Всемирный конгресс Международной социологической ассоциации, проходивший в августе 1984 года в Торонто (Канада). Оба мы выступали там с докладами, участвовали в симпозиумах, дискуссиях с коллегами из различных стран, прежде всего североамериканских и западноевропейских. Скажу откровенно, что в этот период, в самый разгар пресловутой холодной войны, это дело было совсем не просто.

Разумеется, в своем общении друг с другом мы с Георгием Петровичем обсуждали не только социологические проблемы, но и множество других вопросов, вызывающих интерес, а нередко и острые споры, в том числе и международную ситуацию, и развитие художественной литературы либо театра, кинематографа, музыки и изобразительного искусства (к примеру, творчество выдающихся французских певцов Эдит Пиаф и Ива Монтана, писателей и философов Жан-Поля Сартра и Альбера Камю, вызывающее множество споров творчество выдающегося художника Пикассо или итальянских киноактеров Софи Лорен, Марчелло Мاستрояни, великих российских певиц Елены Образцовой и Людмилы Зыкиной, белорусских «Песняров»), как, впрочем, и множество других проблем.

Конечно же, вспоминали мы и нашу предвоенную жизнь со всеми ее трудностями, и годы Великой Отечественной войны, и послевоенные годы: где и когда учились, где и кем работали. Из всего многообразия наших бесед мне особенно врезались в память рассказы Георгия Петровича о его боевых партизанских годах.

Никогда не забуду такой эпизод из его воспоминаний о партизанских действиях. В феврале 1944 г. недалеко от Дрогичина Брестской области

партизанская рота, возглавляемая Г. П. Давидюком, вела трехдневный и неравный кровавый бой с наседавшим на нее батальоном фашистских карателей, поддержанных тремя немецкими танками. Во время этого боя разрывная пуля вражеского пулемета угодила Георгию Петровичу в плечо, а вторая разорвала ладонь. Но он не вышел из боя, а продолжал управлять своими бойцами, стреляя из автомата одной рукой. Без лишних слов и ненужной патетики скажем – мужественный поступок.

В последние годы, когда Г. П. Давидюк отошел от активной работы на кафедре социологии БГУ, мы ежегодно встречаемся с ним за праздничным столом накануне Дня Победы. И сколько бы людей ни находилось за этим столом и кто бы они ни были, я всегда и неизменно провозглашаю тост за боевые и трудовые заслуги Георгия Петровича, выражая свое восхищение этим мужественным человеком.

СЛОВО О ПРОФЕССОРЕ Г. П. ДАВИДЮКЕ – КОЛЛЕГЕ И ДРУГЕ

И. И. Антонович,
*доктор философских наук, профессор,
заслуженный деятель науки Республики Беларусь,
заслуженный деятель науки Российской Федерации*

Георгий Петрович Давидюк появился в Институте философии и права Академии наук Беларуси в середине 1960-х гг. В институте был открыт новый сектор – исторического материализма (для тех, кто из нового времени, можно напомнить, что понятие «исторический материализм» означало по факту марксистское обществоведение). Г. П. Давидюка пригласили заведовать сектором. Он пришел из ЦК КП Беларуси с относительно скромной должности – лектора отдела пропаганды ЦК, будучи уже кандидатом философских наук. Обращала на себя внимание его предельная сдержанность, своеобразная «ментальная зашоренность». Говорил он осторожно, не желая, явно боясь сказать лишнее, однако настойчиво и аккуратно вникал в проблемы, анализировал. Его отличала исключительная организованность, порядочность и настойчивость. Можно было быть уверенным, что, если с Г. П. Давидюком будет достигнута какая-то договоренность – то ли об аспирантских планах (в то время автор этих строк ходил в аспирантах), то ли о каких-то научно-практических делах, – все,

о чем договорились, будет исполнено. Давидюк иногда до невероятного был верен слову и делу.

Его дисциплинированность и организованность не совсем коррелировали с общей подготовкой. Ему явно не хватало научной базы. Он взялся за специализацию, которая тогда называлась «критика буржуазной философии и идеологии» (в чем пытался преуспеть и бойкий по аспирантским стандартам автор этих строк). Для этого как минимум надо было знать английский язык, чтобы читать авторов-противников в подлиннике. Английский он знал плоховато, но компенсировал это трудолюбием и настойчивостью. Мы несколько сблизились во время командировок в Москву в библиотеки, где в специальных фондах хранились научные работы зарубежных авторов.

Это было удивительно светлое время: достаточно было взять в своей академии справку о том, что автор просит допустить к чтению материалов из фонда для работы над плановыми темами, и ты мог сидеть в Ленинской библиотеке Москвы, Библиотеке общественных наук, Библиотеке иностранной литературы, обладавших неисчерпаемыми информационно-литературными фондами. Поселиться в Москве было довольно просто: надо было дать телеграмму в Дом для приезжающих ученых (сегодня это гостиница «Якорь»), и койко-место за 1 рубль в сутки тебе было обеспечено. С учетом того, что командировочные тогда составляли 2 руб. 60 коп. в сутки, аспирантским голодранцам хватало и на хлеб с маслом. Время в Москве Г. П. Давидюк проводил не только в библиотеках. Он посещал музеи, ходил на культурные мероприятия и делал это добросовестно. С годами был замечен его серьезный рост и как научного исследователя, и интеллигента.

Наши отношения складывались достаточно ровно, но молодые лета частенько толкали автора этих строк и на не очень обдуманные поступки. Однажды утром в гостинице Давидюк заходит ко мне и с гордым выражением лица говорит: «Я достал билеты в Большой театр на “Раймонду”! Пошли вечером!» Это был подвиг! Тогда достать билеты в Большой было очень трудно. Случилось, однако, иначе. Ко мне зашел мой старый приятель по Институту иностранных языков в Минске – белорус, репатриант из Франции Яша Давидович – и пригласил меня поехать вместе с ним на ипподром. Он был частым посетителем этого заведения, чего я не знал, оказавшись там впервые. Яша выиграл крупную сумму, и, естественно, мы серьезным образом отметили выигрыш тем же вечером в ресторане гостиницы «Советская», где пел знаменитый цыганский хор. Какая уж тут «Раймонда»? Рано утром, встретив меня, Давидюк ничего не сказал, хотя вы-

ражение моего лица достаточно ясно говорило о проведенном времени. И вот так было всегда: Георгий Петрович великолепно видел и позитивные, и негативные стороны людей, но никогда не пользовался тем, чтобы обидеть человека, хотя, критикуя за какие-то упущения в работе или в поведении, был грубоват и резок, а внутренне тактичен, очень чувствителен по отношению к себе. Он был заметной фигурой.

Сегодня можно с уверенностью сказать, что Г. П. Давидюк был одним из первых в Беларуси, кто почувствовал объективную необходимость, потребность в организации социологических исследований – эмпирического изучения состояния общества. Слишком пышное славословие пропагандистских кампаний скрывало большое количество недостатков. Автору этих строк помнится первая беседа с П. М. Машеровым, которая длилась четыре часа. В конце ее он встал и сказал с печальным выражением лица: «Не все у нас хорошо». Он мог мне этого не говорить, я это знал. Знал это и Г. П. Давидюк. Именно потому, что руководство партии боялось, что будут вскрыты какие-то недостатки, которые своеобразно психологически придавят трудящихся страны, оно сопротивлялось внедрению социологии. Однако Г. П. Давидюк все-таки организовал социологическое подразделение в Институте философии Академии наук, восстановив тем самым социологическую традицию Беларуси, начало которой было положено в момент образования БГУ.

События развивались по-разному. В Институте случился эмоциональный скандал, который напрямую затрагивал подразделение Г. П. Давидюка. Он ушел из Института философии и права, возглавив кафедру философии в БГУ. Это была ошибка. Георгий Петрович не совсем был подготовлен к тому, чтобы руководить философской кафедрой. Более того, в то время в обществоведческих кругах начали появляться своеобразные «бойкие» мальчики из обеспеченных семей, которых с детства готовили в гении. Они были острословы, мало что знали сами, но активно ловили и дискредитировали более старших на их ошибках, неловкостях. Досталось от них Г. П. Давидюку по полной. Более того, разгорелся тяжелый и во многом до сих пор непонятный конфликт между ним и В. С. Степиным. Г. П. Давидюк оставил кафедру философии и вплотную занялся образованием социологической лаборатории БГУ. Сейчас это развитая социологическая служба, которая работает на полном ходу. Все начиналось очень трудно, однако многие из тех, кто начинал с Г. П. Давидюком, и даже те, кто слушал его лекции, высказывались о нем как о добросовестном, серьезном руководителе.

Его авторству принадлежит термин «прикладная социология» и даже «Словарь прикладной социологии», который впервые в Беларуси попытался свести в единую концептуальную систему социологию как белорусскую науку и сформировать ее понятийный аппарат. Конечно, тексты Георгия Петровича сегодня читаются с трудом. Они носят на себе неизгладимый отпечаток того времени: и нежелание сказать лишнее, ибо всякая неосторожность негативно сказывалась на социологии, и ограниченность социологического знания, особенно того объекта, который был представлен для исследования. Но Георгий Петрович не уклонился и шел своим путем.

Во время перестройки Георгий Петрович не то чтобы сразу солидаризировался с Белорусским народным фронтом, шумная полемика которого будоражила общество, однако не выходила за классическую программу «Усе павінны размаўляць на беларускай мове». Г. П. Давидюк заговорил только по-белорусски, это было напрасно. Его белорусский носил на себе отпечаток полесского диалекта, и опять ученый оказался под огнем критики. Наша дружба продолжалась. Я уехал в Москву, а там судьба стала неожиданно швырять меня на разные достаточно высокие участки. После распада СССР я вернулся назад в Минск. Премьер-министр В. Ф. Кебич пригласил меня возглавить одно из подразделений Академии управления. Я стал заведующим отделом социально-политического анализа. Первым, кто появился у меня, был Г. П. Давидюк, с которым мы провели дружескую, теплую беседу о возможности организации научных исследований, но уже в совершенно новой общественно-политической и социальной среде. Уходя, он посмотрел мне внимательно в глаза и сказал: «Только больше ты уже не занимайся политикой». К сожалению, как и в случае с посещением «Раймонды», этот совет Г. П. Давидюка события заставили меня проигнорировать.

Я включился в полемику избирательной борьбы, где мне попадало со всех сторон, ибо приходилось много выступать в печати, на телевидении и т. д. Во время одной из своих регулярных прогулок вдоль Свислочи от улицы Пулихова до Белорусского театра я встретил Г. П. Давидюка, который стал грубо меня ругать в своей худшей манере (кстати, на его же не лучшем белорусском языке) за то, что я выступаю исключительно на русском языке. Мое взвинченное состояние привело к тому, что я ответил примерно в том же ключе, наговорил много лишнего. Мы надолго расстались. Ни у него, ни у меня не хватило сил попросить прощения. С другим можно было бы помириться, выпив по рюмке. Георгий Петрович не обладал этими склонностями, что отличало его от многих современников.

Тем не менее моя память о нем тепла. Долгие годы, проведенные вместе, научили меня многому в его поведении: дисциплине, самоорганизованности, нравственной порядочности, целеустремленности. Г. П. Давидюк стоит у истоков социологической науки в Беларуси, и его имя будет записано в ее истории. Пусть будет земля ему пухом...

О Г. П. ДАВИДЮКЕ И ЕГО РАБОТЕ С НАУЧНОЙ МОЛОДЕЖЬЮ

И. Д. Волоотовский,

*академик НАН Беларуси, доктор биологических наук,
профессор, главный научный сотрудник Института
биофизики и клеточной инженерии НАН Беларуси*

Узнав о том, что о Георгии Петровиче Давидюке готовится книга воспоминаний, я решил написать о своих впечатлениях об этом замечательном человеке. Давидюк Георгий Петрович – известный белорусский социолог, доктор философских наук, профессор, крупный ученый, создатель первого в СССР словаря прикладной социологии, его по праву можно назвать одним из основателей и организаторов белорусской социологической науки. Моя встреча с ним произошла в далекие 60-е гг. прошлого столетия. В 1968 г. я только защитил кандидатскую диссертацию по специальности «биофизика» и с головой окунулся в общественную работу. Дело в том, что я был избран сначала членом комитета ЛКСМБ АН БССР, а через год – заместителем секретаря комитета комсомола по идеологической работе. Мы все работали активно, верили в самые радужные перспективы и хотели внести свой вклад в построение нового общества. Кроме обычной комсомольской работы, такой как проведение культурных и идеологических мероприятий в АН БССР, мы хотели организовать что-то новое и необычное. Это было время поиска новых подходов в работе комсомольских организаций и тесно связанной с ними научной молодежи. Первые организационные формы этого движения (советы молодых ученых) возникли в г. Новосибирске, в Сибирском отделении АН СССР. У нас тоже появились энтузиасты. Многие, наверное, помнят наших тогда молодых и очень активных ученых В. И. Парфенова, А. С. Рубанова, Г. С. Ильича, П. П. Прохоренко, А. А. Михалевича и др. Они впоследствии стали докторами наук, были избраны в состав АН БССР, возглавили лаборатории в академических институтах, сами институты или кафедры в наших вузах.

Тогда у нас родилась идея провести в АН БССР социологическое исследование среди нашей комсомольской и научной молодежи о том, как лучше организовать общественную работу, что молодежи нравится и чему она, может быть, бессознательно противится. Мы чувствовали, что без серьезной методической помощи у нас ничего не получится. Нам посоветовали встретиться с профессором Г. П. Давидюком, заведующим отделом в Институте философии и права АН БССР. Созвонились, напросились на встречу. Честно говоря, волновались. Я биолог, два других комсомольца – техники, правда, кандидаты наук. За свое ли дело беремся мы? И вот встреча состоялась. Сразу же сложилась очень благоприятная атмосфера. Даже теплая. Георгий Петрович задал несколько вопросов и убедился в том, что мы совершенно наивны в области социологии. Он решил прочитать нам небольшую лекцию. «Социология – это наука о совместной жизни групп и сообществ людей», – начал он пояснять нам. Затем последовало подробное рассмотрение сущности социологии, задач, стоящих перед социологами, роли этой науки в современном обществе и тех проблем, которые возникали перед социологами ранее и возникают теперь. Стало понятно, что и социологическое исследование не простой опрос населения, как нам казалось, а серьезное мероприятие, требующее детальной подготовки. «С наскака у вас ничего не получится», – завершил он свое повествование и предложил помощь. После этого наши комсомольцы не раз встречались с ним. В результате было проведено серьезное социологическое исследование по молодежной проблематике. Эти встречи мне хорошо запомнились. Георгий Петрович работал с нами охотно, с необходимой теплотой и тактом.

Тогда же мы стали интересоваться его жизненным путем, хотя на то время его возраст только приближался к 50 годам. Оказалось, что его юность была связана с войной, активным участием в партизанском движении. Как человек целеустремленный, после войны он решил учиться, окончил вуз и пошел в науку. Сначала защитил кандидатскую, а затем – докторскую диссертацию. При этом он освоил новую для себя науку – социологию. Ведь начинал он с философии и критики зарубежных философских и политических течений западных стран.

Я думаю, что испытания, выпавшие на его долю в годы юности сыграли решающую роль в становлении его личности и формировании отношения к работе и людям. К сожалению, нужно признать, что в наше время таких людей становится все меньше. В этом году Г. П. Давидюку исполнилось бы 100 лет. Приятно сознавать, что он не забыт и его имя записано в летопись белорусской науки.

ВСПОМИНАЯ ГЕОРГИЯ ПЕТРОВИЧА ДАВИДЮКА

А. И. Зеленков,

*доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии и методологии науки
факультета философии и социальных наук БГУ,
заслуженный деятель науки Республики Беларусь*

Вступая в третье десятилетие XXI в., в полной мере ощущаешь непредсказуемость времени, его турбулентное течение и грозный водоворот событий, который кардинально изменяет облик настоящего и погружает будущее в пространство тревожных ожиданий. Может быть, именно поэтому сознание все чаще и настойчивее отправляет нас в прошлое, в ностальгические воспоминания о былых событиях, именах, свершениях. Конечно, в этой устремленности в опыт прожитых лет присутствует неизбывная реальность возраста, но вместе с ней – и объективная логика продолжающейся жизни – профессиональной, творческой, корпоративной. И поводов здесь, впечатляющих и достойных, немало. Достаточно упомянуть лишь о недавно прошедшем юбилее – 100-летию нашей альма-матер. А на горизонте уже новый 100-летний юбилей, пусть и не такой грандиозный и масштабный, как 100 лет БГУ, но тем не менее важный и значимый для тех, кто волею судьбы и обстоятельств какую-то часть своей жизни прошел рядом с профессором Георгием Петровичем Давидюком.

В июле 2023 г. исполняется 100 лет со дня рождения Г. П. Давидюка. Достойный повод вспомнить об этом самобытном и ярком человеке, о том, что он успел сделать для становления и развития белорусской социологии и гуманитарной науки и образования в целом, какой ему удалось оставить след в делах и памяти своих коллег, учеников, соратников.

Я хотел бы вспомнить буквально о нескольких моментах своей профессиональной жизни, которые были непосредственно связаны с Георгием Петровичем Давидюком и которые, на мой взгляд, позволяют весьма убедительно проиллюстрировать особенности его характера, темперамент, увлеченность своим делом и верность профессиональному долгу, что во многом и составляло основу его самобытной личности.

Как сейчас помню август 1975 г. После окончания аспирантуры в Институте философии и права АН БССР и защиты в апреле этого же года кандидатской диссертации в «почетном» статусе младшего научного сотрудника по стандартной советской традиции свой трудовой отпуск проводил я в Казахстане, в студенческом строительном отряде. Впереди маячила

перспектива решения непростой проблемы строительства кооперативной квартиры, которую на зарплату младшего научного сотрудника построить можно было только в городе Солнца Томмазо Кампанеллы. И вот на исходе своего студенческого трудового семестра я получаю срочную телеграмму из Минска, в ней сообщается, что я должен не позднее 1 сентября прибыть в БГУ на встречу с заведующим кафедрой философии гуманитарных факультетов (ее Г. П. Давидюк возглавил в 1973 г. и по приглашению руководства университета перешел на работу в БГУ из Института философии и права АН БССР). Нет необходимости рассказывать, в каком заинтригованном состоянии и с какими чувствами я улетал из Казахстана в Минск на эту встречу.

Как и предписывалось в телеграмме, 1 сентября я вошел в небольшой кабинет заведующего кафедрой философии профессора Г. П. Давидюка, располагавшийся, как сейчас помню, на четвертом этаже главного корпуса БГУ. (Именно в этом корпусе проходили основные годы моего студенчества.) Далее последовало, может быть, самое главное и до сих пор незабываемое – урок четкого, делового подхода к решению проблемы, как сказали бы сейчас, перспективного менеджмента, который преподдал мне профессор Г. П. Давидюк. Буквально с порога, без лишних проволок, он заявил: «Я предлагаю тебе перейти на кафедру философии гуманитарных факультетов на должность старшего преподавателя (кстати, с зарплатой в два с половиной раза больше, чем у младшего научного сотрудника). По нагрузке – ты должен будешь заменить моего заместителя доцента Рябкова, который по личным обстоятельствам переходит на другую работу. Особенность его учебной нагрузки в том, что значительную ее часть составляют специальные курсы для студентов отделения философии по теории диалектики». Можете представить себе мое состояние после такого введения. В полной растерянности я начал лепетать, что это так неожиданно, что боюсь не справиться и подвести кафедру, да и диплома кандидата наук у меня пока еще нет (в те времена процедура утверждения длилась иногда больше года). На это Георгий Петрович заметил: «Так ты полагаешь, что я наивный человек и лишь бы кому стану предлагать такую ответственную работу? Я тебя знаю как студента и аспиранта, поэтому разговор закончен». После моих невнятных попыток сказать, что я, конечно, очень польщен таким предложением и подумаю над ним, Георгий Петрович сказал: «Да, ты, конечно, подумай, но через три часа у тебя первая лекция на журфаке. Иди в библиотеку, возьми программу по общему курсу “Марксистско-ленинская философия”, и посмотри первую тему». Так начиналась моя преподавательская карьера

с легкой руки профессора Г. П. Давидюка, так я впервые получил урок действительно эффективного менеджмента, глубокой профессиональной интуиции и подлинного доверия человеку, обмануть которое было уже абсолютно невозможно. И этот урок я запомнил на всю свою последующую профессиональную жизнь.

Шесть лет, с 1975 по 1971 г., я работал на кафедре под руководством профессора Г. П. Давидюка. И, став уже доцентом, неоднократно убеждался в том, что ему от природы была свойственна удивительная интуиция выделять главное и перспективное в любой проблемной ситуации. Может быть, именно поэтому его вклад в развитие белорусской социологии столь заметен и значителен, а его роль как ученого и организатора социологических исследований признается повсеместно и солидарно. Конечно, по духу, образу мыслей и парадигмальным ориентациям Георгий Петрович был прежде всего социолог. И хотя его докторская диссертация была посвящена критическому анализу теории единого индустриального общества, наиболее значительные результаты он получил все же в области так называемой прикладной социологии. Это, правда, никогда не мешало ему с подлинным вниманием, а зачастую даже со своеобразным пиететом относиться к самым абстрактным проблемам теоретической философии. И здесь снова хочется обратиться к личным воспоминаниям.

Вскоре после моего вступления в должность старшего преподавателя кафедры философии мне предстояло пройти процедуру своеобразной профессиональной инициации – провести открытую лекцию по теории диалектики для студентов отделения философии. На кафедре уже существовала устойчивая традиция рассматривать такие мероприятия как в высшей степени важный и ответственный экзамен на профессиональную состоятельность. В аудитории присутствовали такие мэтры, как В. С. Стёпин, А. Н. Елсуков, Е. В. Петушкова и многие другие. Конечно же, в какой-то мере это был и экзамен для заведующего кафедрой: ошибся он или нет с выбором нового преподавателя. Я отчетливо помню выражение лица профессора Г. П. Давидюка, когда во время «разбора полетов» прозвучала единодушная положительная оценка моей лекции, и его завершающую речь. Это был второй и очень значимый для меня урок подлинно гуманного, понимающего и в то же время объективно требовательного отношения к своим ученикам и коллегам.

В двух описанных мною локальных моментах профессиональной деятельности под руководством Г. П. Давидюка достаточно определенно проявилась глубинная сущность этого человека, ученого, педагога.

Он действительно обладал даром увидеть что-то очень важное, главное, сконцентрировать все внимание и ресурсы на достижении поставленной цели и, что особенно существенно, найти, подобрать тех людей, которые были бы способны стать его соратниками в этом общем деле. Поэтому и сегодня, накануне 100-летнего юбилея профессора Г. П. Давидюка, мы вспоминаем о нем с чувством безусловного уважения и искренней благодарности за его профессиональный и человеческий труд.

МЭТР УВЕРЕННЫЙ И БЕСКОМПРОМИСНЫЙ¹

Г. Н. Соколова (1935–2018),
*доктор философских наук, профессор,
заслуженный работник образования
Республики Беларусь*

Георгий Петрович Давидюк – знаковое имя и целая эпоха, связанная с созданием и развитием науки социологии в Беларуси. Личные воспоминания переплетаются с общим ходом развития социологии как науки и научной дисциплины, определяемым ее основателем и главой белорусской социологической школы.

Воспоминания о первом приезде в Минск. В 1973 г. я «возникла» на пороге квартиры Георгия Петровича, приехав из Москвы после окончания очной аспирантуры в Институте социологических исследований АН СССР. Я знала, что мне нужно непосредственно обратиться к «самому» профессору Г. П. Давидюку. Моим глазам представилась широко открытая дверь в профессорский кабинет, где на фоне пальмы и великолепия книг на книжных полках в открытом доступе за столом восседал мэтр в полном смысле этого слова.

Состоялся очень интересный для меня разговор о том, как дела в Институте социологических исследований, какие направления развиваются, выяснилось много общего в постановке проблем и выборе приоритетов. В конце разговора Георгий Петрович задал вопрос: «И что же Вы умеете как социолог?» «Как профессиональный социолог я умею все», – ответила я с полной уверенностью (сейчас я бы этого не сказала). Посмо-

¹ Печатается по: Соколова Г. Н. Мэтр уверенный и бескомпромиссный // Социология. 2013. № 2. С. 25–26.

трев на меня внимательно и покачав головой, он назидательно отметил: «Скромнее надо быть, даже профессиональному социологу».

А дальше – работа в должности старшего научного сотрудника в Проблемной научно-исследовательской лаборатории социологических исследований (ПНИЛСИ) при Белорусском государственном университете, организация (вместе с Сергеем Александровичем Шавелем) семинара по методике и технике статистической обработки первичной социологической информации и чтение аналогичного курса на кафедре философии, возглавляемой доктором философских наук, профессором Г. П. Давидюком.

В то время прикладная социология наиболее ярко проявила себя разработкой комплексного плана экономического и социального развития Минска на 1976–1980 гг. под руководством профессора Г. П. Давидюка. И исследовательские группы сотрудников ПНИЛСИ разрабатывали по заказам промышленных предприятий планы их социальной организации с акцентуацией внимания на соотношении планируемых и спонтанных процессов.

Значительным достижением в теоретическом развитии науки социологии явились учебники профессора Г. П. Давидюка: «Введение в прикладную социологию» (1975) и «Прикладная социология» (1979) – первые отечественные учебники, дающие представление о том, что такое социология. Прорывным в развитии социологии явился «Словарь прикладной социологии» (1984) – первая в Беларуси и СССР книга подобного рода. И я горжусь тем, что мне было доверено редактирование разделов – по методологии и логике социологических исследований (вместе с А. Н. Елсуковым и Д. Г. Ротманом), а также – по методам сбора социологической информации.

Но дело не только в этом. Георгием Петровичем был найден превосходный дипломатически и дальновидный теоретически ход. С одной стороны (фасадной), название «Словарь прикладной социологии» избавило авторов от необходимости критиковать западную буржуазную социологию и обеспечило научное долгожительство словарного издания, не потерявшего свою актуальность и по сей день. К слову, академик Николай Александрович Борисевич, когда я подарила ему этот словарь, сказал: «Если есть социологический словарь, значит – есть и наука социология».

С другой стороны, в словаре – впервые в белорусской социологии – очень аккуратно проводилось размежевание истматовского и социологического подходов. В статье Ивана Яковлевича Писаренко «Специальные

социологические теории» были сформулированы соображения относительно необходимости существования специальных социологических теорий с их особым предметом и понятийным аппаратом, их местом в развивающемся социологическом знании в ходе его профессионализации и специализации. Отметим, что в сфере социологического знания насчитывается сейчас свыше пятидесяти специализированных отраслей, число которых продолжает расти.

Именно оттуда, с тех времен, у автора этих строк началось движение мыслительной деятельности в направлении «наилучшего сочетания теоретических и прикладных возможностей социологии». Это путь, по которому я как исследователь иду всю свою научную жизнь. В одном из наших, последних по времени, разговоров Георгий Петрович заметил: «Галина, ты нашла в социологии свою очень интересную нишу. Не уходи из нее». И я не ухожу, дорогой Георгий Петрович. Я благодарна Вам за Ваше участие, Ваши мудрые провидческие советы, когда каждое слово – на вес золота. В моем представлении Георгий Петрович Давидюк – Мэтр, уверенный и бескомпромиссный, посвятивший себя созданию и развитию науки о «живом социальном организме общества» – науки социологии.

О ГЕОРГИИ ПЕТРОВИЧЕ ДАВИДЮКЕ¹

Д. Г. Ротман,
доктор социологических наук, профессор,
начальник Центра социологических
и политических исследований БГУ

Что можно сказать о Георгии Петровиче? Если коротко: основатель и лидер послевоенной белорусской социологической школы; известный в СССР и за его пределами ученый; замечательный педагог; талантливый руководитель; умелый организатор; харизматичный лидер. Пожалуй, это далеко не все характеристики профессора Г. П. Давидюка. Безусловно, еще много хорошего можно сказать об этом замечательном человеке. Я горжусь тем, что именно он является моим учителем. Его советы, подсказки и предложения позволили мне добиться определенных успехов

¹ Печатается по: Ротман Д. Г. О Георгии Петровиче Давидюке // Социология. 2013. № 2. С. 23.

в нашей любимой социологической науке. Хотелось бы вспомнить несколько важнейших в моей научной жизни эпизодов.

После окончания отделения философии БГУ в 1972 г. я работал социологом в одной из структур Министерства легкой промышленности БССР. В последних числах сентября 1974 г. мне позвонил Георгий Петрович. Он сказал, что несколько месяцев назад создан и уже активно работает сектор прикладной социологии (СПС) при кафедре марксистско-ленинской философии гуманитарных факультетов БГУ. Требуются перспективные сотрудники. Так что добро пожаловать в профессиональную социологию, уважаемый Давид Генрихович. 4 октября 1974 г. я начал работать в Белгосуниверситете. Так началась моя научная карьера. И этим я обязан профессору Г. П. Давидюку.

Я считаю, что важным моим достижением в социологии стала разработка концепции оперативных социологических исследований. Не могу не отметить, что в этом есть заслуга и моего учителя. В 1970–80 гг. мы проводили исследования на различных предприятиях Беларуси. Работа, как правило, была успешной, нас благодарили руководители предприятий за важную информацию. Как-то при очередном обсуждении наших исследований научный руководитель, а им, естественно, был профессор Г. П. Давидюк, сказал: «Давид Генрихович, Вы видите, как важна получаемая нами информация для улучшения работы предприятий, где мы проводим исследования. Но, как мне представляется, было бы еще лучше, если бы исследовательский процесс нами осуществлялся значительно быстрее, но без снижения качества получаемой информации. Подумайте, пожалуйста, как это сделать». Эта была абсолютно правильно поставленная задача. Нужно было найти возможности ее решения. Это удалось сделать. Была разработана технология проведения оперативных социологических исследований, признанная сегодня в социологическом сообществе, причем не только нашей страны.

И еще один важнейший эпизод. В конце 1980-х гг. профессор Давидюк возглавлял ПНИЛСИ (широко известную Проблемную научно-исследовательскую лабораторию социологических исследований БГУ). В 1987 г. Георгий Петрович был приглашен по каким-то вопросам в Государственный комитет СССР по народному образованию. Вернувшись в Минск, он пригласил меня в свой директорский кабинет. «Давид, – сказал учитель и начальник, – Государственный комитет по поручению М. С. Горбачева создает исследовательскую программу “Общественное мнение”. Первая рабочая группа соберется в Нижнем Новгороде через месяц. Я абсолютно уверен, что наш университет в программе должен представлять ты».

Это предложение было для меня чрезвычайно приятным. Ведь Г. П. Давидюк сделал свой выбор из не менее чем двадцати сотрудников ПНИЛСИ, которые могли бы по своему статусу в лаборатории представлять Беларусь в этом интереснейшем проекте. Благодаря рекомендации и поддержке моего наставника я не только вошел в Программу, но и стал одним из ее руководителей. Это позволило мне приобрести громадный опыт организации и проведения международных сравнительных исследований, значительный авторитет в профессиональной среде, что помогает мне и сегодня в нашей повседневной исследовательской работе. И все это благодаря дороговому Георгию Петровичу.

О ГЕОРГИИ ПЕТРОВИЧЕ ДАВИДЮКЕ¹

С. Н. Бурова,

кандидат юридических наук, доцент

Высшее образование я получила в Белорусском государственном университете на юридическом факультете. Мое первое приобщение к социологии произошло благодаря профессору, доктору юридических наук Николаю Григорьевичу Юркевичу. Именно он создал для студенческой молодежи юрфака социологический кружок. Основной тематикой наших научных изысканий были вопросы брака и семьи. Под его руководством мы проводили небольшие разведывательные исследования семьи, приобретая первый социологический опыт. В моей юности социология как наука не была институционализирована, она была любительским занятием. Благо что Н. Г. Юркевич, хотя и юрист, был увлеченным исследователем, имевшим большие достижения в области социологического изучения семьи, большим авторитетом в СССР как исследователь в данной сфере, и он сумел свою увлеченность передать ученицам. Свою кандидатскую диссертацию о судебном расторжении брака на соискание ученой степени кандидата юридических наук я писала под его руководством. Интересно отметить, что один из параграфов этой работы был посвящен последствиям развода для матери и детей от расторгнутого брака, который почти целиком был основан на эмпирическом социологическом исследо-

¹ Печатается по: Бурова С. Н. О Георгии Петровиче Давидюке // Социология. 2013. № 2. С. 29–30.

вании одноименной проблемы. Получилось так, что еще до защиты диссертации была опубликована моя первая монография «Социология и право о разводе» (1979).

Профессор Георгий Петрович Давидюк был вторым (хронологически, но не по значимости) человеком, который помог моему профессиональному становлению в социологии. Я познакомилась с ним тогда, когда он был назначен заведующим Проблемной научно-исследовательской лабораторией социологических исследований Белгосуниверситета (ПНИЛСИ). Это, по-моему, произошло в 1980 или в 1981 г. В то время я занимала должность старшего научного сотрудника в отделе проблем советской семьи и уже имела ученую степень. ПНИЛСИ имела несколько исследовательских отделов, которые занимались изучением студенческой молодежи, социологией труда, идеологической работой, проблемами семьи.

Г. П. Давидюк был очень уважаемым человеком, редким специалистом, так как в то время значимых работ по методологии исследований и по прикладной социологии в нашей республике было мало. Он был автором первых в Беларуси учебных пособий для специалистов-социологов: «Введение в прикладную социологию» (1975), «Прикладная социология» (1979). Конечно, приход его в ПНИЛСИ был воспринят с воодушевлением, но и несколько настороженно. Ходили слухи о его довольно строгом характере. Запомнилось одно из первых собраний сотрудников лаборатории, на котором Георгий Петрович был представлен кем-то из высшего руководства университета всем собравшимся и где он произнес свою программную речь. <...> Я сидела в дальнем угле комнаты и вдруг услышала свою фамилию. Георгий Петрович похвалил меня за скромность (имея в виду мое сидение в уголке) и сказал, что мне нужно быть более заметной, потому что есть чем гордиться. Я была в недоумении и мне стало не по себе. А он продолжал, напомнив, что у меня есть недавно опубликованная монография. Если честно, то я не придавала особого значения этому факту, так как спустя уже очень короткое время поняла, что эта работа не имеет больших достоинств, что она страдает описательностью. Но Георгий Петрович подчеркнул, что эта книга очень хорошо меня характеризует как специалиста. Хотя, правда, нужно иметь в виду, что многие сотрудники, работавшие тогда в нашей лаборатории, имели авторские монографии. И этот факт (наличие данной книги) сыграл в моей профессиональной биографии значимую роль. Спустя некоторое время Георгий Петрович вызвал меня к себе в кабинет и сделал предложение, которое вызвало у меня бурю эмоций. Он предложил мне стать заведу-

ющей отделом проблем советской семьи. К тому времени эта должность была вакантной. Первая реакция была протестом: «НЕТ! Нет и нет!» Я никак не видела себя в качестве руководителя. Это было так неожиданно и в то же время так занято! Ведь всеми другими отделами руководили только мужчины. И отделом семьи тоже до этого случая руководил мужчина – Владимир Олегович Рукавишников, специально приглашенный на эту должность из Ленинграда. Но накануне он уехал обратно в Ленинград. Место было свободным.

Георгий Петрович сказал, что я не должна отказываться так резко. Он дал мне время на обдумывание, он обещал свою поддержку, он пытался меня вдохновить новыми перспективами, новыми творческими планами. И это было психологически верно. После первого отторжения от сделанного предложения я постепенно стала привыкать к мысли о возможности занять должность заведующей отделом. Не помню, как долго шло осмысление и свыкание с этой мыслью, но в конце концов я согласилась. И потом не пожалела об этом. Но было очень и очень непросто. Все мы учились быть социологами, набивали шишки, делали ошибки, знания и опыта не хватало, но мало-помалу двигались вперед. Георгий Петрович делал все возможное, чтобы сделать коллектив ПНИЛСИ профессиональным. Особенно помогали теоретико-методологические семинары, которые стали регулярными. Всем коллективом мы учились методологии прикладных социологических исследований, дискуссировали предметные области, обсуждали программы исследований, которые готовились во всех отделах в соответствии с планами работ ПНИЛСИ. Был создан научный совет ПНИЛСИ. На его заседания приглашались и приезжавшие специалисты из крупных исследовательских центров СССР, а также из-за рубежа. К нам приезжали на стажировки зарубежные специалисты. Помню ученых из Югославии, Китая, Великобритании. А у нас была возможность выезжать с докладами на научные конференции, которые проводились в разных городах Советского Союза.

Запомнилось, как всегда событийно воспринимались заседания научного совета ПНИЛСИ, на которых делались презентации отчетов отделов, которые превращались в настоящие защиты этих работ. К ним готовились тщательно и ответственно. Георгий Петрович придавал большое значение как содержанию, так и форме этих заседаний. Лично для меня это стало незаменимой школой освоения профессии социолога.

Я благодарна Георгию Петровичу за то, что он был моим наставником, что он помог мне, как и многим другим, развиваться в этой замечательной научной области.

РЕШАЮЩИЙ ВКЛАД В СТАНОВЛЕНИЕ ПНИЛСИ ВНЕС ПРОФЕССОР Г. П. ДАВИДЮК¹

А. П. Лимаренко,
кандидат философских наук, доцент

Поколение тех, кому сейчас за семьдесят, часто называют «шестидесятниками». При этом обычно имеют в виду фрондирующую советскую интеллигенцию и диссидентов 1960–70 гг. Но «шестидесятники» – это прежде всего поколение советских людей, совершивших удивительный, исторически уникальный и, пожалуй, неповторимый цивилизационный прорыв в построении государства и общества, причем в условиях почти полной внешней блокады со стороны так называемых цивилизованных западных стран. Нетрудно представить, какой энергией, талантом и энтузиазмом должно было обладать поколение «шестидесятников», превратившее за два десятилетия СССР во вторую экономику мира, добившееся высочайших результатов в области образования, культуры, науки, промышленного и военного строительства.

Начало этого великого строительства было связано не столько с политической оттепелью, «разоблачениями» культа Сталина, сколько с революцией в образовании. Все великие модернизации были связаны с революцией в системе образования. <...> Но политическая оттепель, конечно, стимулировала инновационные процессы в СССР. Вместе с другими инновациями к нам пришли также промышленный дизайн и социология. В конце 1969 г. я учился на третьем курсе вечернего отделения философии исторического факультета БГУ и работал художником-конструктором в одной из первых в республике мастерских промышленного дизайна при оптико-механическом заводе им. С. И. Вавилова. У меня появилась возможность поступить в Театрально-художественный институт на новое отделение промышленного дизайна. В общем, я уже вполне определился со своей будущей профессией и вдруг совершенно неожиданно получил предложение от заведующего кафедрой истории философии и логики БГУ профессора И. Н. Лущицкого перейти на работу в ПНИЛСИ. Мне предсто-

¹ Печатается по: Лимаренко А. П. Мне память иная подробно свои предъявляет слова // Проблемная научно-исследовательская лаборатория социологических исследований Белорусского государственного университета (ПНИЛСИ БГУ): к 50-летию создания / редкол.: А. Н. Данилов (пред.) [и др.] ; под общ. ред. А. Н. Данилова ; сост. Ж. М. Грищенко. Минск : Изд. центр БГУ, 2017. С. 55–58.

яло перейти с инженерной должности на должность лаборанта и при этом потерять в два раза в зарплате. Но уж больно загадочно и даже таинственно звучало само слово «социология». И сейчас, спустя много лет, я могу сказать: нет более интересной и увлекательной профессии и науки, чем социология, разве что философия.

2 января 1970 г. я впервые вышел на работу. ПНИЛСИ занимала две небольшие комнаты в здании по ул. Московской. Формально лаборатория входила в структуру кафедры истории философии и логики, текущим руководством занимался доцент С. Д. Лаптенко, но уже через две или три недели я был направлен по линии ЦК ЛКСМБ в Москву на курсы по социологии при Высшей школе ЦК ВЛКСМ, где мне повезло в рамках довольно объемной и интенсивной программы обучения слушать лекции уже тогда авторитетных советских социологов В. А. Ядова, А. Г. Здравомыслова, Б. А. Грушина, Ю. А. Левады и др. Там же я впервые встретил замечательного энтузиаста белорусской социологии Карину Васильевну Шульгу, ставшую для меня впоследствии дорогим и уважаемым коллегой по работе в ПНИЛСИ.

Следует отметить, что первое поколение советских, в том числе и белорусских, социологов отличалось удивительным энтузиазмом. Никто не заставлял уже вполне успешных профессоров, статусных партийных и комсомольских работников искать, что называется, на свою голову новые приключения. Инициативность и творческая активность, пожалуй, были самой характерной чертой поколения «шестидесятников». В первые годы работы ПНИЛСИ в основном выполняла исследования по заказам отдела пропаганды ЦК КПБ. Мы пользовались полной поддержкой со стороны политического руководства – без какой-либо политической цензуры. Все, что называется, хотели «знать правду», тем более что были уверены – «правда на нашей стороне». Иногда эта поддержка была даже чрезмерной. Мне, например, часто приходилось выезжать на опросы в различные регионы по командировочному удостоверению от ЦК КПБ. Естественно, местное руководство относилось к таким посещениям с определенной опаской и стремилось заранее подготовить аудиторию. Приходилось долго объяснять, что анкеты анонимные, что результаты будут использованы исключительно в научных целях и т. п.

В 1973 г. после окончания вуза я получил приглашение в аспирантуру сразу от двух кафедр и выбрал кафедру истории философии и логики. Почти все мои однокурсники были не совсем обычными молодыми людьми, имели возможность получить более практичные и полезные профессии, но выбрали, как и я, философию. Философия так и осталась для нас

«первой любовью». В те годы профессии «социология» в классификаторе профессий еще не было. Но энтузиастам отечественной социологии сопутствовала удача. Благодаря настойчивости и энергии профессора Г. П. Давидюка кузницей кадров первого поколения белорусских социологов стала кафедра философии БГУ.

После окончания аспирантуры Георгий Петрович предложил «блудному сыну» вернуться в социологию, и я занял должность старшего научного сотрудника отдела социальной психологии ПНИЛСИ. Так получилось, что я работал в лаборатории при всех ее руководителях и могу, как очевидец, засвидетельствовать, что решающий вклад в становление ПНИЛСИ в качестве полноценного, самостоятельного научного учреждения внес профессор Г. П. Давидюк. Именно по его инициативе к концу 1970-х гг. в лаборатории сформировался научный коллектив с высоким творческим потенциалом. Была создана атмосфера здоровой творческой конкуренции. Приходилось «шевелиться», чтобы не отстать. Но самой большой заслугой руководителя лаборатории считаю установленные им высокие стандарты научной работы. Г. П. Давидюк настойчиво требовал от сотрудников неукоснительного соблюдения всех норм процедуры социологического исследования. Защита научного проекта на ученом совете ПНИЛСИ часто была сложнее защиты диссертации. Тщательно обсуждались все детали программы исследования вплоть до обоснованности инструментария, выборки и рабочего плана. Я больше нигде не встречал такого высокого уровня научной культуры и дисциплины в проведении социологических исследований, как в ПНИЛСИ в начале 1980-х гг.

Но, как известно, наши недостатки являются часто продолжением наших достоинств. Советская социология 1970-х гг. отличалась каким-то особым пиететом перед процедурами эмпирических исследований. Стандарт был задан ленинградскими социологами в знаменитом исследовании «Человек и его работа» (1967). Ренессанс эмпирической социологии в СССР, как ни странно, совпал с ее серьезным кризисом в западной социологии. Советские социологи тех лет, конечно, были убежденными противниками позитивистской традиции в общественных науках. Но в то же время все мы были воспитаны в духе сайентизма, по существу фетишизации науки, преувеличения ее роли в социокультурном процессе. Причем эталоном научности естественно воспринималось математическое естествознание. Мы долгое время были изолированы от набирающих популярность в западной социологии новых теоретических школ, постепенно оформлявшихся в новые парадигмы: символический интеракционизм, феноменологическая социология и др. <... >

Какой полезный опыт может извлечь современное поколение белорусских социологов из наследия советских социологов и опыта научной работы ПНИЛСИ? Во-первых, чрезмерное увлечение эмпирическими, или, как тогда называли, конкретными социологическими, исследованиями опасно и даже может ввести в заблуждение. Во-вторых, нельзя добровольно замыкаться в границах какой-либо одной из социологических парадигм. Вообще научная парадигма часто напоминает тюремную камеру, набитую заключенными-добровольцами с академическими званиями. В-третьих, катастрофа великого советского эксперимента вовсе не означает, что общество, основанное на солидарности, а не социал-дарвинистских принципах, вообще невозможно. Более того, именно сейчас в мировом интеллектуальном сообществе тема посткапитализма становится все более актуальной, настоящим интеллектуальным мейнстримом. Мы ошибались в макроанализе, но наши исследования советской повседневности были вполне научно корректными. А это означает, что исследования отечественных социологов, в том числе многочисленные публикации научных сотрудников ПНИЛСИ 1970–80-х гг., могут быть весьма полезны для историко-социологического исследования социальной природы советского общества. Нам еще только предстоит понять, «что это было».

У ИСТОКОВ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ СОЦИОЛОГИИ

А. Г. Злотников,
*кандидат экономических наук, доцент,
профессор кафедры права и экономических теорий
Белорусского торгово-экономического
университета потребительской кооперации*

Подготовка социологических кадров в БССР связана с новым этапом философского образования в Белорусском ордена Трудового Красного Знамени государственном университете имени В. И. Ленина. В 1966 г. после перерыва конца 1950-х – начала 1960-х гг. был осуществлен прием студентов на философское отделение исторического факультета. Им с четвертого семестра Георгий Петрович Давидюк начал читать первый курс социологических дисциплин под названием «Методология и методика социальных исследований», о чем свидетельствует запись в приложениях к на-

шим дипломам. В действительности лектором сразу было заявлено, что дисциплина будет называться «Методология и методика социологических исследований». И основным учебным пособием, рекомендованным позже нам, студентам философского отделения второго набора, была работа А. Г. Здравомыслова «Методология и процедура социологических исследований». Этот филологический нюанс (социальных и социологических исследований) является показательным – в процессе институционализации социология проникала в систему белорусского высшего образования своеобразной «контрабандой». Таков был начальный путь институционализации социологии в Беларуси.

Уже в начале 1970-х гг. в штате предприятий, а также некоторых министерств и трестов появилась должность социолога, которую в основном заняли специалисты отделов кадров предприятий, в обязанность которым было вменено и социологическое обеспечение процесса разработки планов социального развития. Для организации этой деятельности по инициативе бывшего ответственного партийного работника Георгия Петровича Давидюка, получившего в конце 1950-х гг. и второе – партийное – образование в Академии общественных наук при ЦК КПСС, в обкомах и Минском горкоме партии в системе партийно-политического просвещения при университетах марксизма-ленинизма были созданы социологические факультеты. На социологическом факультете Университета марксизма-ленинизма при Минском горкоме КПБ Георгий Петрович занимался социологическим просвещением социологических кадров предприятий, большинством слушателей которых были кадровики в пожилом возрасте. Позже лекции студентам стационара и вечерникам философского отделения БГУ, а также лекции, прочитанные слушателям социологического факультета Университета марксизма-ленинизма Минского горкома КПБ, были положены в основу первого не только в Беларуси, но и в Советском Союзе учебного пособия нового поколения – «Введение в прикладную социологию», опубликованного Георгием Петровичем в 1975 г. в издательстве «Высшая школа». В статье Ж. Т. Тощенко «Беларусь: время надежд», опубликованной в журнале «Социологические исследования» (1998, № 9), где отмечаются заслуги Г. П. Давидюка в процессе институционализации социологии в Беларуси, допущена неточность: где главным редактором этого журнала ошибочно указано более позднее время его издания – 1979 г.

Вернемся в стены БГУ, где происходила институционализация социологии. Здесь впервые были проведены занятия по социологии тогда еще кандидатом философских наук Георгием Петровичем Давидюком. Хотя

социологию в университете он начал преподавать, не будучи на полной ставке на кафедре философии гуманитарных факультетов, его имя нам было известно уже с первого курса. Дело в том, что в 1967 г. нас, студентов философского отделения, один из наших любимых преподавателей и одновременно – главный редактор университетской многотиражки кандидат философских наук, доцент Михаил Иванович Иосько привлек к подготовке к 50-летию БГУ библиобиографического сборника преподавателей философских дисциплин. Нами был составлен список преподавателей, который по мере работы расширялся. Естественно, среди них было и имя Георгия Петровича как кандидата философских наук.

В процессе подготовки сборника мы поняли, какой удивительный человек Георгий Петрович. Уже тогда его имя было окутано легендой. Мы узнали о нем как о герое, чья молодость была связана с партизанским движением на Брестчине, командовавшем ротой партизан. Мы узнали, что в послевоенное время он был на ответственной партийной работе, что миру партийной номенклатуры он предпочел научный мир. У нас, студентов, это вызвало и уважение, и повышенный интерес. К сожалению, у некоторых преподавателей старой формации, занимавших ответственные должности, отношение к нему было иным, что негативно сказалось на подготовленном нами юбилейном библиобиографическом сборнике, который был одобрен и профинансирован Министерством высшего и среднего специального образования БССР. Как позже говорил мне М. И. Иосько (я, как староста группы, отвечал за организацию работы над сборником), именно из-за наличия в сборнике материалов о Георгии Петровиче его издание постоянно тормозилось. А потом закончился профинансированный год, да и после юбилея сборник потерял актуальность. В общем, даже такая «мелочь» говорит о сложном и трудном пути белорусской социологии и социологов. От работы над этим сборником остались диплом лауреата конкурса студенческих научных работ Министерства высшего и среднего специального образования БССР и совместная с Т. И. Адуло публикация «Философские науки в Белгосуниверситете за 50 лет (1921–1971 гг.). Библиографический словарь» в сборнике лауреатов этого конкурса «Творчество молодых» (1973).

Мое настоящее социологическое образование и роль Георгия Петровича в моем становлении как социолога были связаны с проводимыми им спецсеминарами. На четвертом курсе произошло разделение студентов философского отделения по специализациям на диаматчиков и истматчиков. Тогда мы, выбравшие истмат в качестве специализации, и познакомились поближе и более конкретно с прикладными и теоретическими

асpekтами социологии, в мир которых ввел Георгий Петрович. Это были два спецсеминара: один по конкретной социологии, другой – по современной буржуазной социологии. Эти занятия дали нам видение социологии как современной социальной гуманитарной науки, позволили проникнуть в непростой мир развития социологического знания, взглянуть на сложность социальных проблем экономики того времени. Главная идея анализа социальных проблем, по мнению Георгия Петровича, заключалась в том, что проникнуть в суть социальных процессов непросто. Он подводил нас к пониманию, что даже отдельные социальные процессы и явления чрезвычайно многогранны, что не бывает проблем, процессов и явлений однозначных – чисто политических, чисто экономических или чисто мировоззренческих. И только одна наука – социология – позволяет отойти от узкого монистического подхода и отразить эту многогранность в сложных взаимосвязях процессов, проникнуть в их суть. Такой вывод определил мой будущий профессиональный интерес. Из нашего курса 1967–1972 гг., кроме меня, профессию социолога выбрали: Давид Генрихович Ротман, ныне доктор социологических наук, профессор, в наши студенческие годы специализировавшийся как диаматчик; Кристина Генриховна Лапич, защитившая кандидатскую диссертацию по социологии; Диана Глазовская, социолог одного из промышленных предприятий Могилева.

Идеи о содержании социальных процессов Георгий Петрович реализовывал на спецсеминарах. На спецсеминаре по конкретной социологии нам было дано задание готовить программы социологических исследований по актуальным (по нашему выбору) социальным проблемам. На спецсеминаре по современной буржуазной социологии он вводил нас в мир истории социологической науки. Это отвечало нашей будущей профессиональной роли как исследователей и преподавателей. По программе социологического исследования мною была выбрана самая актуальная проблема промышленности того периода – текучести кадров. А в отношении истории социологической науки – концепция индустриального общества Джона Кеннета Гэлбрейта. Мой выбор и анализ Георгием Петровичем моих материалов сыграл немаловажную роль в моем становлении как профессионального социолога, за что я с благодарностью вспоминаю патриарха социологической науки Беларуси.

В методологическом плане большое значение для меня имела подготовка реферата для спецсеминара по современной буржуазной социологии о концепции самой популярной в мировой социологии середины XX в. личности – Дж. К. Гэлбрейта – по его книге «Новое индустриальное обще-

ство», выпущенной в серии «Для научных библиотек», которая положила начало моей личной научной библиотеке. Заключение Георгия Петровича по поводу этого реферата было таким: изложение содержания концепции он оценил в основном положительно, но выводы, как я тогда понял, ему не понравились. В этом и проявилась главная идея Георгия Петровича как преподавателя-социолога – мыслить не одномерно, не ортодоксально. Мои однозначные суждения в стиле господствовавшего в советской идеологии негативного отношения к буржуазным концепциям базировались на несогласии (критике) с основным лейтмотивом книги и выводом автора «Нового индустриального общества»: «Рынок не только не является контролирующей силой в экономике, но все более и более приспосабливается к нуждам и потребностям организации». Вероятно, такая моя «критика» явилась следствием выполнения работы по политической экономии на основе материалов дискуссии в журнале «Мировая экономика и международные отношения» по проблеме абсолютной земельной ренты. Ее результатом по итогам первого курса стала публикация выдержанных в ортодоксальном плане тезисов «Абсолютная земельная рента на современном этапе и влияние на нее монополии частной собственности на землю» в сборнике «Первые шаги в науку» (1969) как лауреата студенческой республиканской научной конференции 1968 г. Сегодня критически оцениваю свою первую публикацию, но вместе с тем она отразила интерес к социальным проблемам экономики, а социология, преподаваемая Георгием Петровичем, показала многогранность и важность социологических подходов к анализу экономических процессов.

Негативная позиция Георгия Петровича по моим выводам о концепции индустриального общества не была высказана так же прямолинейно, как сформулированные мною выводы в отношении концепции Дж. Гэлбрейта. Мнение Георгия Петровича пробудило более глубокий интерес к западным теориям, а если конкретно – к взглядам нобелевских лауреатов по экономике, тем более что в 1969 г. впервые были названы их имена. Этот интерес положен в основу преподаваемого мной спецкурса по экономической социологии в БТЭУ, связанного с анализом социолого-экономических концепций лауреатов Нобелевской премии по экономике.

Более удачным было представление программы социологического исследования по проблеме текучести кадров. Спецсеминар по конкретной социологии был проведен ранее спецсеминара по современной буржуазной социологии. В полном объеме, как это предусмотрено требованиями к программам социологического исследования, этот материал им не со-

ответствовал. Все двухчасовое занятие было посвящено анализу проблемной ситуации, связанной с текучестью кадров.

Вероятно, мое исследование одной из злободневных для экономики 1960-х гг. социальных проблем послужило для Георгия Петровича основанием рекомендовать меня в начале 1970-х гг. в качестве лаборанта первой для кафедры философии гуманитарных факультетов хоздоговорной социологической темы по исследованию проблемы «Роль младших командиров производства» на Минском станкостроительном заводе имени С. М. Кирова. Руководила группой кандидат философских наук Тамара Панкратовна Богданова, доцент кафедры философии гуманитарных факультетов, где числился тогда на полставки и Георгий Петрович. Исследование было инициировано Георгием Петровичем после того, как за помощью к нему обратился его слушатель в Вечернем университете марксизма-ленинизма при Минском горкоме КПБ, кадровик на должности социолога Минского станкостроительного завода им. С. М. Кирова.

Потом проблема текучести кадров была положена в основу темы моей дипломной работы «Движение и текучесть работников как объект социологического исследования и управления». Это была единственная социологическая тема среди дипломных работ выпускников как предыдущего курса 1971 г., так и нашей группы в 1972 г. Я не в курсе нюансов утверждения руководителей дипломных работ. По нынешнему своему опыту думаю, что, вероятнее всего, это связано с распределением учебной нагрузки и, наверное, в плане нагрузки на Георгия Петровича такой вид не планировался. В связи с этим научным руководителем моей социологической темы был утвержден диаматчик – заведующий кафедрой философии доктор философских наук, профессор Василий Иванович Степанов. Конечно, чувства были противоречивые. С одной стороны, было приятно, что на меня обратил внимание известный в философском мире ученый, заведующий кафедрой: иметь в качестве научного руководителя заведующего кафедрой, недавно занимавшего должность проректора университета, а позже ставшего членом-корреспондентом Академии наук БССР, – это гарантия получить при защите высокую оценку. Но меня не тянуло к вопросам естествознания, а кафедра, возглавляемая В. И. Степановым, в основном специализировалась на философских проблемах естествознания. О моем ином интересе свидетельствует такой факт. Диплом о высшем образовании я мог бы получить в БГУ ранее, так как в 1962 г. я, как победитель областной математической олимпиады, участвовал в финале республиканской математической олимпиады. И нам, финалистам, составлявшим математическую элиту выпускников средней школы, пред-

лагали подавать документы для поступления на физмат университета, обещали, что зачисление гарантировано. Теперь я понимаю, что, проигнорировав это, я выбрал в жизни правильный путь: если бы я сразу после получения аттестата зрелости поступил в вуз, то учился бы в иной социальной обстановке и атмосфере в стране, когда о социологии даже и слуха не было, и мог бы не встретить таких замечательных ученых, как мои вузовские преподаватели.

Василий Иванович в методологическом, общефилософском плане помог глубже взглянуть на социальные процессы. В частности, как методолог философии, он посоветовал мне обратить внимание на проблему текучести кадров как своеобразную, частную форму разрешения социальных противоречий. В результате я, автор дипломной социологической работы, выполненной под руководством В. И. Степанова, стал лауреатом республиканского смотра-конкурса студенческих научных работ, получив возможность опубликовать ее тезисы в сборнике лауреатов этого конкурса «Творчество молодых» (1973). Она стала третьей моей студенческой публикацией. Поколение студентов 1970-х и 1980-х гг. понимает, что значило в те времена опубликоваться, будучи студентом и даже аспирантом, да еще по социально-гуманитарным наукам.

К конкурсной работе, которая вернулась на кафедру, были приложены два отзыва: руководителя и внешнего рецензента. В отзыве руководителя было отмечено значение теоретического раздела работы. В отзыве внешнего рецензента была дана высокая оценка ее практического раздела. И в обоих случаях была заслуга Георгия Петровича Давидюка, ибо теоретическая часть в свое время в основном была разобрана во время занятий на спецсеминаре по конкретной социологии. Выполняя дипломную работу под руководством В. И. Степанова, я не порывал связей с Георгием Петровичем, тем более что он интересовался ходом моей работы – как-никак она была единственной и первой в истории философского образования дипломной работой по социологической проблематике. Для меня это было важным, ведь я собирался дальше заниматься социологической наукой. В этом, если использовать социологическую терминологию, проявилась латентная функция педагогического и исследовательского мастерства Георгия Петровича. Главное – сочетать теоретический анализ с эмпирическими данными. Позже материалы дипломной работы и обсуждение проблем на спецсеминаре были положены в основу кандидатской диссертации «Социально-экономические проблемы регулирования текучести рабочих промышленности (на материалах промышленности городов Белорусской ССР)», защищенной мною в 1978 г. в ИСИ АН СССР, на со-

искание ученой степени кандидата экономических наук по специальности «09.00.09. Прикладная социология». Тогда только в Институте социологических исследований АН СССР были Советы по защите диссертаций по социологической проблематике на соискание ученых степеней по философским и экономическим наукам.

После окончания БГУ встречаться с Георгием Петровичем доводилось реже. Дело в том, что в середине 1970-х гг. Георгий Петрович сосредоточился на преподавательской работе в БГУ, а моя научная деятельность была больше связана с академическими и другими научными институтами. Помню встречу с Георгием Петровичем на одной научной конференции в БГУ, где я отметил первопроходческий характер его учебного пособия «Введение в прикладную социологию», которое я использовал в своей социологической преподавательской работе. Он сообщил, что, к его сожалению, у него не осталось ни одного экземпляра пособия, но у меня их оказалось два, о чем я ему сказал и пообещал привезти. И 17 ноября 1988 г. обещанный экземпляр был ему вручен. А на оставшемся у меня экземпляре он в этот день оставил автограф.

Уже будучи на пенсии, Георгий Петрович продолжал высоко нести имидж Беларуси и проповедовал белорусскость, чем я и завершаю свои воспоминания о герое, рыцаре и классике белорусской советской социологии, воспитателе социологических талантов, патриоте...

ОБ ОСНОВОПОЛОЖНИКЕ БЕЛОРУССКОЙ СОЦИОЛОГИИ Г. П. ДАВИДЮКЕ

А. И. Левко,
*доктор социологических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института
философии НАН Беларуси*

Для того чтобы оценить достижения ученого и организатора науки такого масштаба, как Георгий Петрович Давидюк, требуется максимально объективно взвесить его вклад в социологическую науку и в облик современного научного социологического сообщества через его огромную организационную работу и передачу своих знаний и опыта, своей мудрости ученикам и последователям. А это получится, на мой взгляд, только в том случае, если мы в полной мере ощутим дух того времени, в границах ко-

торого он жил и творил. Не всегда это возможно установить с позиции лишь сегодняшнего дня, так как время жизни дискретно, т. е. протекает в совершенно различных условиях и подчиняется совершенно различным политическим, экономическим и иным требованиям, религиозным, партийным, научным и другим идеалам.

Если поставить вопрос, чем отличается научная школа Г. П. Давидюка от научных школ Е. М. Бабосова, В. С. Степина, Д. И. Широканова и других его соратников, то отличие как раз и выражается в масштабе личности и самобытности его учеников. Среди этих учеников можно выделить доктора философских наук Э. М. Сороко, докторов социологических наук С. А. Шавеля, Д. Г. Ротмана, А. И. Левко, О. Т. Манаева, Л. Г. Титаренко, кандидатов философских наук Ж. М. Грищенко, В. С. Кочергина и др. Они не повторяют друг друга ни на уровне методологии науки, ни на уровне методики научного исследования. Каждый из них претендует на свой особый способ самовыражения не в развитии заранее известных идей научного руководителя, а в собственных открытиях или особенных формах выражения своего замысла. Ученики Г. П. Давидюка, как правило, имеют собственные философские и научные идеи и разрабатывают собственные социальные технологии.

Г. П. Давидюка с полным основанием можно отнести к советским белорусским социологам. Его основные философские труды были посвящены критике буржуазного общества, из которого он сам только что вышел. Советское время закончилось раньше, чем он ожидал, а новая реальность не стала такой, которую он мог бы принять и которая могла бы принять его таким, каким он был во время начала политических перемен.

Если мы будем рассматривать жизнь Георгия Петровича Давидюка с учетом отдельных фактов, связанных с появлением в Беларуси социологической науки, социологического образования и первых социологических исследований, оценки роли в этом процессе БГУ и Национальной академии наук Беларуси, то все может свестись лишь к выявлению его роли первопроходца, в данном случае – в реализации директив партии и государственной власти, источником и основным способом реализации которых он в какой-то мере, несомненно, являлся. Важно понять при этом сам смысл самоотверженности ученого, проявленной им, не с позиции исключительно должностных обязанностей, политических и идеологических требований того времени, но с позиции личной убежденности в их исторической оправданности и своевременности. Для этого нам просто необходимо взглянуть на ученого с точки зрения духа его жизни

и творчества, воплощенных во времени, т. е. середины и второй половины XX столетия на переломе веков.

Нам, ученикам и последователям Георгия Петровича, довелось жить и творить в трех различных государствах: СССР, суверенной парламентской Республике Беларусь и президентской стране. Что же говорить тогда о судьбе Г. П. Давидюка, родившегося в буржуазной Польше, в состав которой входил тогда нынешний Кобринский район Брестской области? Свое первое воспитание Георгий Петрович получил в христианской семье белорусского крестьянина-католика. И эта конфессиональная особенность его приобщения к христианству во многом отразилась в особенностях его характера. Наряду с обостренным чувством достоинства он был предельно интеллигентным и галантным, сдержанным и даже скрытным человеком, принимающим всегда взвешенные решения. Основную ставку он делал на опыт, рационализм, профессионализм и прагматизм, а в оценке подчиненных – на конкретный достигнутый результат. Роль организатора науки и безукоризненное ее воплощение для него было, пожалуй, важнее роли простого научного исполнителя. Поэтому многим, особенно тем, кто не мог справиться с собственной ленью, он казался достаточно жестким.

К 17 сентября 1939 г., или ко Дню народного единства, ему было всего 16 лет. Его взросление проходило не в обычных условиях, а в условиях стремительных перемен, ломки и смены образа жизни: восстановление советской власти в Западной Беларуси, коллективизация, война, участие в партизанском движении и восстановлении страны. Великую Отечественную войну он встретил в год своего восемнадцатилетия. В 1953 г., когда умер И. В. Сталин, ему исполнилось лишь 30. К этому времени он уже успел пройти путь боевого крещения в одном из партизанских отрядов, стать командиром одного из его подразделений, получить при этом серьезное ранение, окончить в 1952 г. Минский педагогический институт имени Максима Горького, стать членом КПСС, освоить философию марксизма и уже в 1959 г. защитить кандидатскую диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук, а в 1973 г. – доктора философских наук. Этому способствовали и сами обстоятельства его жизни, во многом определившие его последующую судьбу.

Георгий Петрович Давидюк перешел в БГУ им. В. И. Ленина в 1972 г. вместе с И. Я. Писаренко и Р. В. Гребенниковым. Особой вехой в развитии социологической науки в Беларуси стало создание при БГУ Проблемной научно-исследовательской лаборатории социологических исследований и хозяйственного сектора прикладной социологии, входившего в состав

научно-исследовательского отдела БГУ. На первых порах они существовали автономно по отношению друг к другу, пока не были закреплены за кафедрой марксистско-ленинской философии гуманитарных факультетов, возглавляемой Г. П. Давидюком, и не стали неотъемлемой частью системы подготовки социологов, философов и экономистов. Что же касается подготовки социологов на уровне вузовского образования, а также аспирантуры и докторантуры, созданных при данной кафедре, то с этого времени она стала выражением единства теории и научно-педагогической практики. Уже студенты старших курсов гуманитарных факультетов получили здесь возможность участвовать в прикладных социологических исследованиях и даже рассчитывать на некое символическое материальное вознаграждение за их результаты. Ведь сектор прикладной социологии создавался на основе хозяйственных отношений между отделом науки БГУ, возглавляемым тогда Альфредом Васильевичем Чалеем, и такими ведущими промышленными предприятиями республики, как БелАЗ, Минский станкостроительный завод им. Кирова, Могилевский лифтовый завод и «Строймаш», Оршанский льнокомбинат, Молодечненский завод силовых полупроводниковых вентилей и др. На его примере и примере других подразделений научно-исследовательского отдела БГУ отрабатывались принципы хозяйственных отношений в науке. Оплата труда осуществлялась поквартально. Для этого готовился поквартальный отчет о проделанной работе, с которым предварительно должен был ознакомиться руководитель предприятия и подписать его. Главной в этой работе была социологическая диагностика производственных коллективов, выявление наиболее актуальных проблем, связанных с гендерной проблематикой, нарушением трудовой дисциплины, нравственно-психологическим климатом в коллективе и т. д., которые впоследствии определяли направление социального планирования дальнейшего совершенствования социальных отношений. Общие рассуждения о возможном совершенстве в этих отчетах обычно отмечались, поэтому процедура очередной встречи с руководством предприятий не всегда была приятной, так как его ожидания иногда не совпадали с нашими возможностями. Для расширения этих возможностей делалось все возможное, вплоть до применения включенного наблюдения, когда один из сотрудников сектора зачислялся в цех в качестве рабочего и наблюдал за всем происходящим как бы изнутри. Первопроходцем в этом начинании выступил, например, Давид Генрихович Ротман на Минском станкостроительном заводе им. Кирова, директором которого в то время был Вячеслав Францевич Кебич.

Появились первые социологические службы на таких производственных предприятиях, как Минский автомобильный завод, Минский шарикоподшипниковый завод, Минский моторный завод, Минский камвольный комбинат, Завод запасных частей и т. д. На моем предприятии в связи с созданием производственного объединения «Авторемонт», включавшего в себя наряду с головным Минским авторемзаводом все существовавшие в то время заводы такого профиля, была введена новая должность инженера по научной организации труда и социологии. Помнится, мне, тогда студенту третьего курса вечернего отделения философского отделения БГУ, являвшемуся до этого фрезеровщиком ремонтно-механического цеха, поступило предложение перейти в отдел труда и заработной платы, в котором была открыта эта новая должность. Переход состоялся 6 марта 1972 г. Пришлось прежде всего ознакомиться с имеющимся уже опытом других предприятий, а в скором времени и познакомиться не только с заводскими социологами, но и с самим Георгием Петровичем, который, спустя год, стал преподавателем курса социологии в БГУ, а затем и заведующим кафедрой философии. До этого я имел возможность видеть его лишь на различных форумах, которые устраивались для партийно-хозяйственного актива города и его заводских социологов в связи с решением проблем социального планирования.

Главным критерием в подборе Г. П. Давидюком педагогических и научных кадров был опыт и подтвержденный профессионализм в области гуманитарных наук. Этот же принцип неукоснительно соблюдался им и при подготовке студентов и научных кадров. Данная подготовка включала в себя замкнутый цикл усвоения учебного материала, практический опыт его использования в научных исследованиях в секторе прикладной социологии и Проблемной лаборатории социологических исследований. К ней относились обмен научным и педагогическим опытом, профессиональная ориентация на уровне курсовых работ и студенческих дипломных проектов, зачисление научных сотрудников в качестве соискателей ученой степени кандидата наук. Основной формой обмена научным опытом выступали всесоюзные и республиканские конференции, тезисы выступлений на которых первоначально проходили проверку и получали одобрение на специально создаваемой экспертной комиссии. Еще более эффективной формой выявления актуальных социальных проблем и методов их разрешения было Белорусское отделение Всесоюзной социологической ассоциации. Председателем экспертной комиссии и Белорусского отделения Всесоюзной социологической ассоциации был избран Г. П. Давидюк.

В то время все советские социологи работали по сходной проблематике, в основе которой лежали проблемы формирования нравственного самосознания личности, эффективность социального управления и социалистического соревнования, формы материального и морального стимулирования труда, потребности и интересы трудящихся, трудовая дисциплина, коммунистическая идеология, проблемы семейного и школьного воспитания. Они составляли основу научных работ, начиная со студенческих курсовых и дипломных проектов и кончая темами диссертаций аспирантов и соискателей. Эта же направленность лежала и в основе исследовательской проблематики сектора прикладной социологии и Проблемной лаборатории прикладных социологических исследований.

Во время «застоя» и перемен для Георгия Петровича чувство собственного достоинства было превыше игры социальных ролей. Свою социальную роль он воспринимал как призвание, выражение своей судьбы. Власть не может быть выше реального профессионального достоинства личности, и если она есть, а достоинства нет, то научные и академические звания и ученые степени превращаются в пустые символы этой власти, которыми можно награждать или лишать по своему усмотрению, независимо от реального вклада в науку. Таких убеждений, за редким исключением, придерживался Георгий Петрович Давидюк в своей частной, профессиональной и общественной жизни и, исходя из них, предъявлял свои требования к ученикам и подчиненным.

ПАТРИАРХ БЕЛОРУССКОЙ СОЦИОЛОГИИ

В. П. Оргиш,
*доктор философских наук,
профессор БИП – Университета права
и социально-информационных технологий*

С факультетом философии и социальных наук БГУ связано много ярких имен белорусских философов и социологов. В их ряду почетное место принадлежит патриарху белорусской социологии доктору философских наук, профессору Георгию Петровичу Давидюку. В 2023 г. зачинателю современной белорусской социологии исполняется 100 лет. К большому сожалению, Георгий Петрович не дожил до славного юбилея. Тем не менее

100-летняя годовщина – хороший повод сказать теплые слова в адрес заслуженного деятеля белорусской науки.

Нынче немало тех, кто претендует на звание основателя научной традиции. Но, как говорится, много званных, мало избранных. Георгия Петровича Давидюка по праву следует считать создателем социологического цеха в нашей стране, на долгие годы определившего его корпоративную судьбу. За прошедшие полвека в Беларуси сложилась своя социологическая школа, которую будет справедливо называть его именем.

Г. П. Давидюк связал свою жизненную и творческую перспективу с социологической наукой много лет назад, когда архитектор так называемой перестройки еще только начинал набирать номенклатурные обороты на Ставрополье, а на страже нерушимости коммунистической идеологии стояли сверхбдительные партийные ортодоксы. Социологическую отрасль в то время не жаловали. Считали вредной буржуазной наукой (разумеется, кроме ее марксистской версии), поэтому старались держать в черном теле. Однако Георгий Петрович отважился посвятить свою жизнь и талант именно ей. Осознав огромную общественную роль социологического знания, ученый взялся утверждать «сомнительную» дисциплину в качестве необходимого теоретического и практического направления научной деятельности в Беларуси.

Еще в конце 1950-х гг. он организовал и возглавил сектор социальных исследований в Институте философии и права АН БССР. В 1971 г. по настоянию профессора Президиум Академии наук БССР преобразовал его детище в отдел социальных исследований с тремя секторами. Накопленный этим отделом научный и кадровый потенциал послужил базой для создания в 1990 г. Института социологии АН Беларуси.

В 1968 г. хлопоты Георгия Петровича о повсеместном внедрении социологии увенчались открытием первых социологических подразделений республики. На предприятиях Минска, Минского, Слуцкого, Жлобинского, Щучинского и других районов социологи стали постоянными и авторитетными фигурами.

В 1973 г. профессор Давидюк ушел работать в БГУ и сосредоточился на университетской социологии. Как раз в этот период мне довелось слушать его лекции. Стараниями профессора Давидюка на тогдашней кафедре марксистско-ленинской философии гуманитарных факультетов БГУ имени Ленина была открыта специальность «прикладная социология», и по ней начали обучать часть студентов философского отделения. В 1977 г. состоялся первый выпуск специалистов по прикладной социологии.

В 1974 г. по настоянию профессора Давидюка и под его патронажем при кафедре была развернута университетская Проблемная научно-исследовательская социологическая лаборатория и сектор прикладной социологии. Затем он сформировал и возглавил специализированный ученый совет по защите диссертаций социологического профиля.

Созданные неутомимым профессором многообразные структуры превратились в своего рода инкубатор социологических кадров, из которых со временем сложилось белорусское социологическое сообщество. Его консолидирующим центром стало образованное по инициативе Георгия Петровича Белорусское отделение Советской социологической ассоциации АН СССР.

Многие талантливые ученые, которые сегодня занимают ключевые позиции в белорусской социологии, обязаны своим профессиональным восхождением профессору Давидюку. Более того, в некоторых деятелях цеха он просто каким-то особенным чутьем разглядел профессиональные качества – которые не сумели увидеть другие. Птенцы гнезда Георгия Петровича, где их не встретишь? Одни заняты непосредственно научными и прикладными социологическими исследованиями, другие растят молодых социологов в вузах.

Главное, однако, то, что предпринятые Георгием Петровичем научно-педагогические и организационные усилия послужили признанию социологии как путеводаителя общественного мнения. Сегодня политическая жизнь, политическая борьба в стране немыслима без социологической поддержки. Все, кто занят государственным, национальным строительством, охотно используют социологические инструменты. Иначе говоря, социология в Беларуси приобрела значение необходимой социальной оптики. В этом несомненная заслуга Георгия Петровича Давидюка.

Помимо социологии, у Георгия Петровича была еще одна забота – национальное белорусское возрождение. Ученики Г. П. Давидюка больше всего огорчали мэтра тогда, когда брали сторону тех, кто с пренебрежением относился к национальной и культурной самобытности белорусов. Обладая большим жизненным опытом и научной интуицией, Георгий Петрович прекрасно понимал: история предоставила белорусскому народу уникальный шанс стать полноценной величиной в созвездии христианских народов Европы. Он хорошо видел и остро переживал проблемы и трудности политического развития Беларуси. И в меру своих сил и возможностей стремился к тому, чтобы эти проблемы успешно разрешались.

ЭТО БЫЛИ ЛУЧШИЕ ГОДЫ РАБОТЫ В НАУКЕ¹

Ж. М. Грищенко,
*кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры социологии факультета
философии и социальных наук БГУ*

Память всегда избирательна! Мне в этом смысле повезло! Я помню только самые яркие страницы жизни, в том числе и из истории своих первых шагов в профессиональной социологии. То был триумф возрождения отечественной социологии, которая, отряхиваясь от налета своей «буржуазности», попыталась, наконец, себя утвердить! Мы были молоды и полны оптимизма! Верили в себя и еще больше – в социологию!

Направленные по распределению в 1974 г. в сектор прикладной социологии (СПС) при кафедре философии гуманитарных факультетов БГУ молодые специалисты отличались выраженной мотивированностью в своем искреннем стремлении стать профессионалами и добиться успеха на поприще социологии. Самореализоваться в деле настолько, чтобы заявить о себе, достичь чего-то особенного, быть лучшими! <... >

Был и еще один немаловажный стимул нашей самоотверженной активности на поприще социологии. Если ПНИЛСИ изначально была госбюджетной организацией, то параллельно функционирующий СПС – хозрасчетной. А это означало лишь то, что все темы исследований определялись потребностями конкретного заказчика, им же осуществлялась приемка работ, а также их финансовое обеспечение. Мы все очень хорошо понимали, что если лишимся заказчика или не удовлетворим его ожиданий, то, соответственно, поставим под угрозу сам факт своего существования и потеряем работу. Одним словом, тягостное бремя самоокупаемости науки мы начали познавать еще в те далекие советские времена. Как знать, возможно, это нас и спасло впоследствии, когда гарантированные оклады и стабильная работа стали такими же призрачными, как и жизнь в целом.

На своих коллег из ПНИЛСИ (подавляющая часть из которых были «чистыми» философами) мы тогда смотрели как на «белую кость», гаран-

¹ Печатается по: Грищенко Ж. М. Мне бесконечно жаль своих несбывшихся мечтаний, лишь прецедент воспоминаний дразнит меня... // Проблемная научно-исследовательская лаборатория социологических исследований Белорусского государственного университета (ПНИЛСИ БГУ): к 50-летию создания / редкол.: А. Н. Данилов (пред.) [и др.]; под общ. ред. А. Н. Данилова; сост. Ж. М. Грищенко. Минск: Изд. центр БГУ, 2017. С. 33–45.

тированное бюджетное обеспечение которых позволяло им функционировать в расслабленном режиме: год – на написание программы, столько же – на поле или анализ данных. Как много было привлекательного для нас в их размеренном ритме научной деятельности, в спонтанно возникающих дебатах из разряда «трансцендентальных апперцепций», в их образной амбициозности, риторических изысках. <...>

Мы же попали в жернова оперативного системного реагирования на запросы повседневности с ее проблемной составляющей и позиционировались, все вкупе и каждый в отдельности, не иначе как социологи-прикладники, второй сорт. <...> Думали ли мы тогда о кандидатских, докторских? Скорее нет! Хотя в итоге все стали кандидатами (причем сравнительно быстро). Характерно, что все наши кандидатские складывались как закономерное следствие прикладных социологических исследований в рамках хоздоговорной тематики, определенной заказчиком. Конечно же, темы наших кандидатских работ носили выраженный прикладной характер и с точки зрения философских критериев оценки, смотрелись примитивно-заземленными. Мы и сами это хорошо понимали.

Мои личные амбиции официально признанного первого профессионального социолога (о чем свидетельствовал полученный в 1974 г. диплом) долгое время не могли смириться с навязанной, как мне казалось тогда, темой социалистического соревнования. Мне хотелось самой определить тему своей диссертационной работы, и непременно что-то подобное «трансцендентальным апперцепциям», чтобы от самого названия все оппоненты приходили в благоговейный трепет и падали ниц. И лишь мудрость научного руководителя в лице Г. П. Давидюка вынудила меня согласиться с раскладом событий. Он так и сказал: «Какая своя тема? У тебя завершено исследование! Собрано поле! Одобрен отчет! Получена справка о внедрении! Опубликовано три статьи! Это ж готовая работа! Даю полгода на оформление и вперед! Станешь кандидатом, подтвердишь свое право работать в науке, а потом уж будешь реализовывать свои фантазии по выбору темы, на следующем жизненном этапе!» Вот так я оказалась в аспирантуре с практически готовой диссертацией и оскорбленным самолюбием в связи с несостоявшейся мечтой относительно органичного моей эпатажности духа абстрактных трансценденций! Самолюбие, впрочем, очень быстро нашло сатисфакцию в прецеденте досрочной защиты кандидатской диссертации и получения подтверждения ВАК СССР.

Тем не менее этот очевидный дисбаланс между теорией и практикой, философами и социологами оставался в силе достаточно долго. Ему даже посвящались диссертационные работы. Вспоминаю в этой связи диссертацию «О соотношении эмпирического и теоретического в социологии»

Леночки Гурко – одной из самых талантливых учениц Г. П. Давидюка, ставшей впоследствии профессором Бостонского университета.

А пока шел процесс органичного вхождения в профессию на фоне вполне оптимистичного будущего. Вспоминая сегодня начало своей трудовой профессиональной деятельности, делаю однозначный вывод: одержимость – вот основное кредо первого поколения профессиональных социологов, включившихся в социологический процесс на волне его возрождения! Было ли это спонтанным явлением, случайно возникшим на авансцене нашей социологической истории? Нет! За нами стояло старшее поколение, нравственный позитив которого был мощным гарантом защищенности наших тылов и свободы творчества каждого в этом новом для всех нас деле – развития социологической науки.

Понимали ли мы тогда, что наши учителя – первопроходцы, сумевшие волей своего характера не только переломить эту мощную государственную машину идеологической отчужденности и противостояния социологии как науке, но и кропотливым самообразованием самостоятельно постичь азы социологического знания? Понимали и уважали!.. Это уважение к нашим учителям – Георгию Петровичу Давидюку и Ивану Яковлевичу Писаренко – вообще соизмеримо с признанием героического подвига первопроходцев!..

<...> Переход в ПНИЛСИ в 1980 г. ознаменовался для многих из нас успешной защитой кандидатских диссертаций и утверждением Г. П. Давидюка в качестве заведующего. Это были лучшие годы работы в науке уже потому, что сложившаяся атмосфера была пропитана ощущением подлинности исследовательского процесса. Залогом такого положения вещей стал постоянно контролируемый Г. П. Давидюком режим соответствия нашей деятельности классическим атрибутам практической социологии, начиная с осмысления программного обеспечения исследовательских работ. Затем – работа в поле. Участвовали все без исключения, хорошо понимая, как это важно для социолога. Далее – аналитический этап с обязательным обсуждением на научном совете, искренним переживанием момента и волнением: вдруг не примут, не одобряют? Случалось и такое! Зато насколько эмоционально окрашенным становился момент победы – одобрения профессиональным сообществом твоих наработок и веры в тебя. <...>

Уже в самом начале 1990-х открылись реальные перспективы нашего позиционирования на Западе. На передний фронт налаживания мостов с западной социологией решили послать меня, несмотря на то что особой дипломатией я никогда не отличалась. Зато, как объяснял тогда Георгий Петрович, нужно послать представителя достаточно яркого,

чтобы привлечь к себе внимание. И надо признать, получилось! <... > Не-
 сколько позже, когда страна, а вместе с ней и наука в целом, войдет в зна-
 комое русло – «разрушения до основания», – все эти межгидродинамиче-
 ские процессы станут для нас единственными источником физического и духовного
 выживания и адаптации к изменившимся условиям существования. К со-
 жалению, несмотря на богатство завоеванных перспектив на сотрудничество
 с западным миром, а также их двустороннее плодотворное про-
 жение, пришлось приказать себе остановиться... Мы попали в водоворот
 полного непонимания, отчуждения и даже риска... Г. П. Давидюк ушел
 на пенсию. Поддержать нас было уже некому... <... >

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ГОДЫ МОЛОДОСТИ¹

В. Я. Кочергин (1947–2022),
 кандидат философских наук,
старший научный сотрудник

С ПНИЛСИ мне довелось познакомиться еще в студенческие годы, ког-
 да на 2–3-м курсе (1967–1968) возник университетский социологический
 кружок. И. Н. Лушницкий, возглавлявший лабораторию, поручил вести за-
 нятия в кружке А. В. Куратовой. Она и познакомила нас с азами исследова-
 ний, а также вдохновила на изучение конкретной проблемы, ставшей впо-
 следствии темой дипломной работы – «Адаптация младшекурсников».
 Первое поколение сотрудников ПНИЛСИ состояло преимуществен-
 но из философов. Например, С. Д. Лаптенок, заместитель И. Н. Лушницко-
 го, уже упомянутая выше А. В. Куратова, Е. В. Сажнев и некоторые другие.
 Часто они совмещали работу в лаборатории с педагогической на кафе-
 дре истории философии и логики. Все эти люди были энтузиастами со-
 циологических исследований, отличались верой в их перспективу. Особо
 выделяется подчеркнуть дружеское отношение к студентам А. В. Куратовой
 и С. Д. Лаптенка, который являлся куратором нашей академической груп-
 пы, т. е. отделения философии исторического факультета БГУ им. В. И. Ле-

¹ Печатается по: Кочергин В. Я. Начало всех начал, дорога сотворений... // Про-
 блемная научно-исследовательская лаборатория социальных исследований
 Белорусского государственного университета (ПНИЛСИ БГУ): к 50-летию созда-
 ния / редкол.: А. Н. Данилов (пред.) [и др.]; под общ. ред. А. Н. Данилова; сост.
 Ж. М. Прищенко. Минск: Изд. центр БГУ, 2017. С. 41–44.

нина. Запоминающиеся лекции по прикладной социологии нам прочитал Г. П. Давидюк. До сих пор некоторые примеры я использую из его лекций.

По распределению меня и еще некоторых выпускников из нашей группы в 1971 г. направили в сектор социологических исследований Института философии и права АН БССР, которым руководил в то время Г. П. Давидюк.

Если сотрудничество с ПНИЛСИ в годы учебы в университете способствовало моей профессиональной ориентации, то последующие пять лет работы в Институте философии и права дали мне необходимый опыт исследований различных сфер жизни общества (села, промышленных предприятий, науки). Здесь я познакомился ближе не только с Г. П. Давидюком, но и с его соратниками: И. Я. Писаренко, Р. В. Гребенниковым, З. Н. Монич и др. За это время сформировалась область моих научных интересов, которая кристаллизовалась в теме кандидатской диссертации: «Влияние характера научной деятельности на профессиональные ценностные ориентации ученых».

Парадоксальным образом мне пришлось эту работу осуществлять не в Академии наук, а в ПНИЛСИ, в отделе проблем студенческой молодежи, куда я был приглашен своим однокурсником и другом В. А. Дунаевым (он в это время был старшим научным сотрудником). Приглашение произошло с благословения заведующей отделом Л. Н. Дичковской и Г. П. Давидюка, который к этому времени перешел из Института философии и права и возглавил ПНИЛСИ. Мой переход был примером горизонтальной мобильности на уровне младшего научного сотрудника. Среда лаборатории на моем уровне была в основном молодежная и достаточно активная. Хотя у меня и был уже академический опыт, тем не менее я с удовольствием и без снобизма включился в интеллектуальную жизнь своего отдела и сотрудничество с коллегами из других подразделений. В нашем отделе я наиболее тесно сотрудничал с В. А. Дунаевым и Г. М. Кучинским. К сожалению, последний, так же как и В. А. Дичковская, перешел вскоре на кафедру психологии. Однако наше профессиональное общение продолжалось еще долгие годы.

Любопытным образом союз социолога-прикладника, философа и психолога создавал благоприятные условия для поиска теоретических оснований в исследованиях, тематика которых определялась достаточно традиционно в рамках идеологии того периода, например: «Формирование общественно-политической активности студенческой молодежи». Стремление увидеть живое содержание социальной активности вело к поиску новых смыслов у таких авторов, как М. М. Бахтин, Л. С. Выготский, Ю. М. Лотман, М. К. Мамардашвили и др. В свою очередь, приходило понимание границ теоретического и эмпирического уровней, так как далеко не каждый, каза-

лось бы продуктивный, теоретический ход мог быть верифицирован. Тем не менее искали и находились оригинальные эмпирические референты и способы операционализации. Под покровом неких стандартных форм организации деятельности и активной студенческой молодежи мы пытались обнаружить неизвестные факторы. Определенный интерес к ценностным структурам сознания, диалогу и общению с современных позиций выдает некоторую, по-видимому, не совсем осознаваемую феноменологическую ориентацию, которая никак не могла быть заявлена в то время.

Эти теоретические изыскания были возможны еще и потому, что на разработку программы исследований отводились значительные сроки. Находились и создавались собственные методики. Хотелось бы отметить один из первых в стране опытов применения методики семантического дифференциала Ч. Остуда, модифицированной методики М. Рокича – В. Ядова, а также методики для измерения амбивалентности профессиональных ценностных ориентаций в сфере научной деятельности. Эти попытки происходили в среде друзей, коллег, единомышленников. В нашем отделе это, прежде всего, такие сотрудники, как И. Н. Андреева, И. Н. Груздова, Л. Г. Новикова. Каждая из них осталась в профессии, успешно защитила кандидатскую диссертацию. Весьма плодотворными были контакты и с представителями других отделов лаборатории, а также сектора хозяйственных прикладных исследований. Здесь я бы хотел выделить таких известных ныне социологов, как А. П. Лимаренко и С. А. Шавель. Они очень разные, но их объединяет (помимо любви к шахматам) подлинный интерес к познанию.

Научная жизнь ПНИЛСИ была достаточно разнообразной. Нам приходилось, кроме плановых тем, постоянно выполнять задания Министерства высшего и среднего специального образования, партийных, комсомольских органов. Это выражалось в том, что было необходимо проводить дополнительные оперативные исследования либо осуществлять вторичный анализ ранее полученных данных и писать аналитические записки. <...>

За десять лет работы в ПНИЛСИ мне пришлось трудиться под руководством Г. П. Давидюка и Н. Г. Юркевича. Оба известные белорусские ученые, внесли значительный вклад в социологию. Однако очень разные в стиле руководства. Г. П. Давидюк – весьма требовательный и строгий организатор. Он, по сути, и заложил основы и обучил нас неукоснительно следовать практике социологических исследований. Н. Г. Юркевич более либеральный, склонный к расширению тематического ареала и кадрового состава. О каждом из них остались добрые воспоминания. Они были не только руководителями, но и воспитателями. Для меня это особенно важно, так как порой возникали проблемы, особенно по срокам выполнения плановых заданий. Эта школа пригодилась, когда я перешел в 1986 г. на работу в вуз.

Годы, проведенные мною в ПНИЛСИ с 1976 по 1986 г., считаю периодом профессионального становления, как в содержательном, неформальном плане (формирование научных интересов), так и в статусном, формальном (получение ученой степени, звания). Кроме того, это были незабываемые годы молодости.

ЗНАКОВАЯ ФИГУРА БЕЛОРУССКОЙ СОЦИОЛОГИИ¹

Л. Г. Титаренко,

*доктор социологических наук, профессор,
профессор кафедры социологии факультета
философии и социальных наук БГУ*

Писать об Учителе – всегда большая ответственность и одновременно возможность высказать ему свою бесконечную признательность. Как и многие другие социологи, прошедшие первое «научное крещение» под руководством профессора Давидюка, я с гордостью называю себя его ученицей. Как в МГУ была на этапе становления социологии знаковой фигура Галины Андреевой, в Ленинграде – Владимира Ядова и Игоря Кона, в Харькове – Елены Якубы, так в Минске символом первоначального этапа развития социологии был и остается профессор Г. П. Давидюк.

Георгий Петрович Давидюк – знаковая фигура для белорусской социологии в нескольких отношениях: это не только родоначальник и основатель социологического образования в стране, что чрезвычайно важно само по себе, но и научный руководитель большой плеяды белорусских социологов, которые составили первое поколение профессионалов, т. е. тех, кто получил именно социологическое образование и защитил диссертацию в данной области науки. Пожалуй, эти две огромные заслуги Георгия Петровича – развитие социологического образования и систематическое представление социологии как самостоятельной научной дисциплины – должны наконец быть по достоинству оценены не только социологами, но и всей научной общественностью Беларуси. По сути дела, Георгий Петрович стоит у истоков развития белорусской социологии. Иначе говоря, Давидюк и есть ее истоки, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

¹ Печатается по: *Титаренко Л. Г. Знаковая фигура белорусской социологии // Социология. 2013. № 2. С. 27–28.*

Можно как угодно оценивать сегодня конкретную научную значимость работ профессора Давидюка, но невозможно не признать, что в становлении белорусской социологии он сыграл такую же роль, как Огюст Конт – в мировой социологии: заложил ее традиции, разработал научный аппарат, систематизировал представление о социологии. В пик доминировавшему в 1970-е гг. историческому материализму, выдаваемому за марксистскую теоретическую социологию, Георгий Петрович отдал много сил развитию прикладного направления социологии, которое в тот исторический период времени наилучшим образом доказывало, что социология вообще и ее прикладные разработки в особенности – это не абстрактный исторический материализм, не марксистское обоснование необходимости перехода к коммунистическому строю общества, а нечто другое – близкое к самому обществу его осмысление в рамках сети строго научных понятий и подходов.

В отличие от многих и тогдашних, и современных многословных публикаций, работы Давидюка всегда отличались лаконизмом, систематичностью, целостностью охвата предмета исследования. Конечно, поскольку социология за эти годы шагнула далеко вперед, нет необходимости детально изучать работы Давидюка сегодня, как никто не читает и Огюста Конта. Подобные труды представляют для нас исторический интерес. Однако для своего времени выпуск первых систематически изложенных учебных пособий по общей и прикладной социологии был чрезвычайно важен. Именно по этим пособиям первое поколение «профессионалов» и осваивало азы науки социологии. Пусть сегодня, с высоты наших современных знаний, они устарели: социальное знание важно именно в тот момент, когда в нем назрела объективная потребность. Вот эту общественную потребность в развитии белорусской социологии и реализовал Георгий Петрович Давидюк.

Что касается роли личности Давидюка в становлении социологического образования, нельзя не отметить сочетание в нем удивительно важных для основоположников качеств: личной смелости в постановке и достижении конкретной задачи (в данном случае – открытия специализации по социологии в эпоху, которая получила название застоя), научной прозорливости (он сумел еще в 1960-е гг. понять важность развития социологии для социальных наук и ее возможности в познании общества), а также качеств опытного руководителя-менеджера (умение маневрировать в случае необходимости, поиск нестандартных путей практического решения проблемы, умение сплотить вокруг себя единомышленников), а также личная порядочность. Эти качества и делают его признанным основоположником и первым руководителем белорусской школы социологии.

Отмечу еще одно качество, которое выгодно отличало Давидюка от многих других хороших ученых и преподавателей, – умение вдохновить студентов и коллег на научные исследования, раскрыть перед ними перспективы конкретной проблемы и науки в целом, личная профессиональная увлеченность. Он никогда не был кабинетным ученым-затворником, находил время для бесед со своими многочисленными учениками, причем его критика была всегда позитивно направленной, а потому стимулировала научную молодежь на научную работу.

Очень бы хотелось, чтобы сегодняшняя научная молодежь больше знала о Георгии Петровиче и вдохновлялась его примером.

Что же касается современной белорусской социологии, за последние двадцать лет она ушла далеко вперед, чему в немалой степени способствовали ее лидеры, пришедшие после Давидюка. Социологии, как и раньше, нужны прозорливые и ответственные руководители, обладающие смелостью и знаниями для того, чтобы продвинуть развитие белорусской социологии на новые рубежи.

УЧИЛИСЬ НЕ ТОЛЬКО ПРОФЕССИИ, НО И ЖИЗНИ¹

С. В. Лапина,
*доктор социологических наук,
профессор, профессор Академии управления
при Президенте Республики Беларусь*

Тем, кто не учился на философском отделении, трудно представить, какой спектр учебных дисциплин входил в образовательные программы будущих философов! Мы изучали и точные естественно-научные дисциплины, и гуманитарные, и экономические, и психологические, и искусствоведческие и т. д. и т. п. Вот почему включение в учебные планы социологии, а в 1970-х гг. она фигурировала в виде прикладной социологии, никого не удивило и даже обрадовало.

¹ Печатается по: Лапина С. В. Все память возвращать готова – места и лица, день и час // Проблемная научно-исследовательская лаборатория социологических исследований Белорусского государственного университета (ПНИЛСИ БГУ): к 50-летию создания / редкол.: А. Н. Данилов (пред.) [и др.] ; под общ. ред. А. Н. Данилова ; сост. Ж. М. Грищенко. Минск : Изд. центр БГУ, 2017. С. 44–46.

Во-первых, это было что-то новое, во-вторых, это была прикладная, а значит, конкретная дисциплина. Для будущих философов, постигающих критически-рефлексивный способ познания, это было очень кстати. Социология понималась как наука, открывающая горизонты будущего общества. Вместе с социологией в университет пришли новые люди. Они были уже взрослыми, мне, 17-летней студентке, казались даже пожилыми, но это были энтузиасты нового дела. Их не всегда принимали, не все понимали, однако это их не останавливало. <...>

Сегодня чувствую себя летописцем белорусской социологии. Мне действительно посчастливилось стоять у истоков ее зарождения. Или, если быть точной, – возрождения. Зато все, о чем сегодня пишут социологи, включая и меня, прошло через мои руки в буквальном смысле этого слова. Кроме теоретической социологии, в секторе прикладной социологии мы учились всему, что должен знать социолог-исследователь. Весь инструментарий мы разрабатывали сами, а потом учились его обрабатывать и анализировать. Все, о чем сегодня мы читаем в книгах по методологии и методике социологических исследований, проходило у нас «в поле». Ну и результат получился вполне значимый. <...>

В секторе прикладной социологии всегда работали люди не только разного возраста, но и разных поколений с разными жизненными установками. Мы, студенты, работающие совместителями, учились у этих людей не только профессии (здесь мы учились вместе, и иногда у нас – молодых – это получалось даже лучше), но и жизни. Наше взросление в такой социокультурной среде шло ускоренными темпами. Старшие товарищи – педагоги, прежде всего профессор Г. П. Давидюк и доцент И. Я. Писаренко, очень поддерживали нас, молодых. Казалось, что они скорее наши ровесники, а не тех взрослых людей, которые недавно пришли в социологию.

Так я поняла, что занятие социологией позволяет сохранить молодость. Прежде всего молодость духа, идей, замыслов, да и вообще жизненную энергию. Посмотрите на жизненный путь Георгия Петровича Давидюка! <...>

Как бывало тяжело убедить взрослых, которые тоже недавно пришли в социологию, в своих исследовательских выводах, если ты был один! Какие жаркие споры разгорались по актуальной социологической проблематике на заседаниях сектора прикладной социологии! И, как показал опыт, побеждал в спорах не только тот, кто приводил более весомые аргументы, но и тот, у кого было больше единомышленников.

Так социология, изучающая социальные коммуникации и социальное взаимодействие, помогала понять значимость такого рода комму-

никации и взаимодействия на практике... Научная школа как особое состояние научных коммуникаций стала для меня реальностью в рамках единой школы белорусской социологии, а в более узких рамках – школой в области социологии управления, которая сформировалась на кафедре государственного управления социальной сферой и белорусоведения Академии управления при Президенте Республики Беларусь, которая объединила 12 моих учеников, защитивших кандидатские и одну докторскую по социологии.

...И мне все кажется, что это еще только начало, потому что социология и социологи смотрят вперед и постоянно думают о будущем, даже если изучают историю.

О Г. П. ДАВИДЮКЕ

А. В. Рубанов,
*доктор социологических наук,
профессор, профессор кафедры социологии
факультета философии и социальных наук БГУ*

С Георгием Петровичем Давидюком я познакомился, можно сказать, заочно, когда стал студентом исторического факультета БГУ, в состав которого входило отделение философии. Учебную, научную и воспитательную работу на этом отделении вели три кафедры философского профиля. Заведующим одной из них – ведущей – и был Георгий Петрович. Исторический факультет тогда целиком занимал пятый и шестой этажи главного корпуса БГУ, частично – третий этаж, где и размещалась кафедра, которую он возглавлял. Тогда я с ним познакомился, а он со мной – нет: не поступив на отделение философии, второй раз я решил рисковать меньше и стал студентом-историком. На отделение истории набор был больше (не 25, а 100 студентов), поэтому проходной балл – чуть меньше. Золотой медали после окончания школы, которая де-факто гарантировала поступление на философское отделение, у меня не было. Философию я решил учить самостоятельно, как и другие интересные мне гуманитарные науки.

В результате кандидатскую диссертацию я подготовил по философским наукам, точнее по социологии, которая тогда по своему официальному статусу считалась одной из философских наук. Естественно, встал

вопрос об оппонентах. И по традиции тех времен Е. М. Бабосов посоветовал мне обратиться с просьбой стать первым оппонентом моей кандидатской диссертации к Г. П. Давидюку – тогда самому известному белорусскому социологу. К слову, я в то время работал в Институте философии и права Академии наук, где еще до моего появления заведующим отделом был Георгий Петрович. Но там мы не пересеклись. Он уже ушел в университет.

Предварительно, опять-таки по старой доброй традиции, Евгений Михайлович меня и мою диссертацию должным образом отрекомендовал. Отнесся Георгий Петрович ко мне доброжелательно, диссертация ему понравилась. Особенно то, что она была посвящена проблемам творчества. Он ее поддержал. На защите за нее проголосовали единогласно, и я стал кандидатом философских наук. Был 1988 г.

Прошло шесть лет. В 1994 г. у меня была готова докторская диссертация. Тема по тем временам не совсем обычная – «Социальный субъект: мотивы и деятельность». Когда вопрос об оппонентах возник опять, нет ничего удивительного в том, что и на этот раз вспомнили о Г. П. Давидюке. Когда он увидел название, спросил: «А кто у тебя главный социальный субъект?» Я говорю: «Человек». «Да вроде как по нашей методологии должны быть классы». «В том то и дело, – говорю, – что я “иду” от человека, а потом уже появляются классы». Мой подход ему понравился. Правда, защита прошла на две недели позже, чем планировалось. Георгий Петрович ненадолго попал в госпиталь. Но все разрешилось прекрасно: и с его здоровьем, и с моей защитой.

Третья «серия» наших встреч началась в 2006 г., когда я стал деканом факультета философии и социальных наук БГУ. На протяжении 10 лет моего деканства Георгий Петрович как минимум один раз в год бывал в университете. Ветеран Великой Отечественной войны, орденноносец, он всегда в начале мая приезжал из Заславля, где тогда жил, на празднование Дня Победы. Каждый раз был там и я. Я поздравлял... он делился воспоминаниями. Много рассказывал о войне, о работе в университете. Характеризовал некоторых наших общих знакомых. Делал это по своей инициативе, я не расспрашивал. Обид не помнил. Живо интересовался делами на факультете. Любил встречаться со студентами, а они – с ним. У меня в кабинете состоялась их весьма трогательная встреча с академиком В. С. Стёпиным, которого, в бытность того доцентом, Георгий Петрович пригласил работать на кафедру и с которым они до этой встречи долгое время не видели друг друга.

ДИСКУССИИ О БУДУЩЕМ¹

А. А. Легчилин,
*кандидат философских наук, доцент,
профессор кафедры философии культуры
факультета философии и социальных наук БГУ*

Прежде чем начать повествование по заявленной теме, хотелось бы предаться некоторым воспоминаниям, связанным с личностью профессора Г. П. Давидюка. Мне посчастливилось иметь кратковременную возможность созерцать его личность как педагога. Во время учебы в БГУ на философском отделении он нам читал курс социологии. Это было в конце 1960-х – начале 1970-х гг. Социология только-только начинала свое восхождение в СССР. Ее общепризнанным лидером в Советской Беларуси в то время был Г. П. Давидюк. Естественно, нам, студентам, было лестно, что именно он читает курс социологии, о которой мы знали только одно название. Это был урок академического профессора, свободно владеющего своей областью знаний. Без единой заготовки, со специфической манерой размышлять по теме лекции и с присущим ему западнобелорусским диалектом, порой с некоторой доверчивой улыбкой на устах, он подробно излагал суть проблемы, как бы завораживая нас. И меня это действительно увлекло.

После окончания университета в 1977 г. я искал себя, желая приложить полученные знания. Дело в том, что, обучаясь на вечернем отделении, мы не были подвергнуты обязательному распределению. Приходилось трудоустраиваться самостоятельно. А в это время начали создаваться отделы НОТ (научная организация труда), позднее – социологические службы на предприятиях. Учитывая, что я закончил автомеханический техникум в г. Минске, работал некоторое время на Минском тракторном заводе в должности технолога, неплохо знал производство, и под впечатлением лекций Г. П. Давидюка мне казалось, что именно здесь мое место. Я трудоустроился в отдел НОТ Минского завода им. Вавилова. Именно здесь, мне представлялось, я смогу реализовать теоретические постулаты профессора. Особенно мне импонировала идея Г. П. Давидюка, когда он излагал теорию Э. Мэйо и его знаменитый «Хоторнский эксперимент» о влиянии объективных факторов (освещения, оплаты, перерывов и про-

¹ Печатается по: Легчилин А. А. Дискуссии о будущем // Социологическая наука и образование: современные вызовы и риски : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. Г. П. Давидюка. Минск, 10 нояб. 2021 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: А. Н. Данилов (гл. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2021. С. 17–20.

чих человеческих аспектов бытия) на производительность труда. Сегодня из истории социологии мы знаем, что результаты исследования стали отправной точкой методологической революции в понимании феномена труда на производстве и послужили началом «школы человеческих отношений» в менеджменте. Я это поведал своему руководителю в лаборатории НОТ, на что он отреагировал с определенной долей иронии, но в принципе не возразил и пожелал успехов.

В дальнейшем у меня был еще один опыт практического социолога, когда я в группе социологов под руководством С. А. Шавеля изучал трудовые отношения на заводе полупроводниковых вентилях в г. Молодечно.

Это небольшое отступление от темы, суть которого – отдать дань уважения и признательности профессору, сыгравшему определенную роль в моей личной жизни. В дальнейшем вся моя последующая академическая карьера будет сосредоточена в области истории философии. Именно с этих позиций и сегодняшнего времени я попытаюсь осмыслить фундаментальные работы Г. П. Давидюка, которые в свое время сделали ему имя. Это его кандидатская и докторская диссертации и ключевая монография в области социальной мысли своего времени.

Кандидатская диссертация «Основные черты современного ревизионизма» была представлена на соискание ученой степени кандидата философских наук. Защита состоялась, как значится в автореферате, 22 июня 1959 г. в Москве на заседании ученого совета кафедры диалектического и исторического материализма Академии общественных наук при ЦК КПСС. Скорее всего, это произошло в первой половине года, так как в выходных данных записано, что датой подписи к печати в типографии издательства ВПШ и АОН значится 29 апреля 1959 г. К сожалению, в автореферате не указаны оппоненты, видимо, тогда так было не принято. На 15 страницах, объемом в 1 печатный лист, как пишет автор, «исследуются источники и классовая сущность современного ревизионизма»¹. В данном случае нас интересует слово «источники». И действительно, в автореферате перечисляются многочисленные современные для того времени знаковые персоналии, которые были на авансцене социальной мысли: М. Джилас, И. Надь, А. Джолиитти, П. Эрве, И. Б. Солсберг, Дж. Гейтс, Г. Лукач, Э. Блох, А. Лефевр². Именно эти фигуры обсуждали будущее капиталистического развития и цивилизационного устройства в целом. И 36-летний молодой ученый Г. П. Давидюк вступает в полемику и предлагает

¹ Давидюк Г. П. Основные черты современного ревизионизма : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. М. : Изд-во ВПШ и АОН, 1959. С. 4.

² Там же. С. 5–6.

свои пути решения будущего общественного развития в соответствии со своим временем.

В 1968 г. Г. П. Давидюк защищает докторскую диссертацию «Критика буржуазной теории “единого индустриального общества”»¹ на соискание ученой степени доктора философских наук. Работа выполнена, как зафиксировано в автореферате, в Институте философии и права Академии наук Белорусской ССР. В качестве официальных оппонентов выступили: член-корреспондент АН СССР, доктор философских наук, профессор Ц. А. Степанян; член-корреспондент АН БССР, доктор философских наук, профессор В. И. Степанов; доктор философских наук, профессор В. С. Семенов. На внешний отзыв была направлена в отдел конкретных социологических исследований Института философии АН СССР. Защита состоялась на заседании Совета по присуждению ученых степеней по философским, историческим, юридическим и экономическим наукам Белорусского государственного университета в начале года, а уже в конце 1968 г. выходит его монография как продолжение и углубление данной проблемы под примерно идентичным названием «Критика теории “единого индустриального общества”»². Автор, ссылаясь на VI Всемирный социологический конгресс (1966), констатирует, что «теория “единого индустриального общества” является основополагающей общесоциологической буржуазной доктриной общественного развития, пытающейся дать объяснение современному общественному прогрессу, предсказать будущее человечества»³. Но если в автореферате кандидатской диссертации только перечисляются фамилии авторов западных теорий, то в монографии читатель знакомится с их основными идеями, пусть в идеологически критическом тоне. Причем конкретно, на языке оригинала указываются работы идейных оппонентов 1950–60-х гг.: Р. Арона, Ф. Перру, Э. Рихерта, Г. Р. Лилиенштерна, В. Штелевича, Дж. Бернарда, У. Мура, Б. Хозе, А. П. Фельдмана, К. Керра, С. Липсета, А. Инкелеса; коллективные работы американских, английских, немецких социологов и экономистов⁴. Полемизируя в тех условиях жесткого идеологического противостояния, 45-летний белорусский ученый не только противопоставляет идеологемы друг другу, но футурологически оценивает, как он пишет, «сходные»

¹ Давидюк Г. П. Критика теории «единого индустриального общества»: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Акад. наук БССР, Ин-т философии и права. Минск, 1968.

² Давидюк Г. П. Критика теории «единого индустриального общества». Минск: Наука и техника, 1968.

³ Давидюк Г. П. Критика теории «единого индустриального общества»: автореф. дис. ... С. 13.

⁴ Давидюк Г. П. Критика теории «единого индустриального общества». С. 7–8.

последствия индустриального развития капитализма и социализма в теории «единого индустриального общества». Так названа одна из глав монографии, в которой актуализируются ряд проблем, свойственных в том числе и современному общественному развитию. Просто перечислим их вслед за автором, где он об этом рассуждает: «1. Развитие науки и рост квалифицированных кадров. 2. Профессиональные изменения рабочего класса. 3. Урбанизация и ее последствия. 4. Рост жизненного уровня населения»¹. Звучит, как видим, вполне в духе нашего времени.

Таким образом, мы вправе с позиций современности заключить, что профессор Г. П. Давидюк достаточно тонко и объективно оценивал настоящее и перспективно рассуждал о будущем общественного развития. Свидетельство тому – конспективно представленные его фундаментальные работы. Его имя войдет в пантеон отечественных социальных мыслителей XX в.

ПРОФЕССОР Г. П. ДАВИДЮК И РАЗВИТИЕ ФИЛОСОФСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В БЕЛОРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ²

А. М. Бобр,
*кандидат философских наук, доцент, доцент
кафедры философии и методологии науки
факультета философии и социальных наук БГУ*

В 2021 г. Белорусскому государственному университету исполнилось 100 лет. За время своего существования университет стал крупнейшим национальным научно-образовательным комплексом, реально соответствующим критериям классического университета. Одними из отличительных признаков классического университета являются гармоничное сочетание естественных и гуманитарных наук, высокий уровень квалификации преподавателей, широкий фронт научных исследований. В связи с этим необходимо отметить, что БГУ всегда отличался высоким уровнем развития

¹ Давидюк Г. П. Критика теории «единого индустриального общества». С. 229.

² Печатается по: Бобр А. М. Профессор Г. П. Давидюк и развитие философского образования в Белорусском государственном университете // Социологическая наука и образование: современные вызовы и риски : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. Г. П. Давидюка, Минск, 10 нояб. 2021 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: А. Н. Данилов (гл. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2021. С. 14–17.

социально-гуманитарных наук. Так, одним из первых факультетов университета являлся факультет общественных наук, который заложил теоретические и организационные основы подготовки высококвалифицированных кадров в гуманитарной сфере.

Белорусский государственный университет является единственным вузом в республике, где на профессиональной основе готовятся кадры философов. Ни один другой вуз в республике ни раньше, ни теперь не осуществлял обучение студентов по специальности «философия». Значительную роль в организации образовательной, научной и воспитательной деятельности на философском отделении БГУ сыграл доктор философских наук, профессор Г. П. Давидюк. Он пришел в БГУ в довольно решающий и ответственный момент, который связан с реформированием кафедры философии. До 1973 г. существовала единая общеуниверситетская кафедра философии, которую возглавлял доктор философских наук, профессор, член-корреспондент АН БССР В. И. Степанов. Данная кафедра не только обеспечивала преподавание курса философии на всех факультетах университета, но и являлась выпускающей кафедрой для философского отделения БГУ.

С целью профилизации учебного процесса, при которой учитывалась бы специфика специальностей, было принято решение о ее разделении на две самостоятельные кафедры: кафедра философии естественных факультетов и кафедра философии гуманитарных факультетов. Возглавить последнюю как раз и был призван Г. П. Давидюк.

К этому времени он был уже известен как профессионал высокого уровня в сфере социальной философии. Широкой популярностью пользовались его работы, посвященные анализу динамики социальной структуры общества, особенностям формирования массовой культуры, закономерностям массовой коммуникации в обществе. Высокую оценку специалистов как в нашей стране, так и за рубежом получила его монография, в которой исследовалась теория индустриального общества. Поэтому кандидатура доктора философских наук, профессора Г. П. Давидюка по уровню квалификации и направленности научных исследований вполне соответствовала профилю кафедры философии гуманитарных факультетов БГУ. С 1973 г. Давидюк Г. П. стал первым заведующим данной кафедрой.

Как любой вновь создающейся структуре, кафедре и, соответственно, ее заведующему пришлось столкнуться с целым рядом организационно-административных проблем. Уже тот факт, что новая кафедра философии гуманитарных факультетов территориально была размещена в престижном главном корпусе БГУ, свидетельствует о признании ее роли в образовательном процессе и об авторитете ее заведующего Г. П. Давидюка.

Процесс разделения единой кафедры философии на две повлек за собой и изменения в кадровом потенциале. И новому заведующему пришлось решать вопросы, связанные с комплектованием штатного расписания новой кафедры философии гуманитарных факультетов. Давая согласие на назначение на должность, Г. П. Давидюк оговорил условия, что он лично будет отвечать за подбор кадров, учитывая в первую очередь их профессиональные и личностные качества. Это было довольно смелое решение, так как в эти годы кандидатуры на должности преподавателей кафедр общественных наук должны были проходить согласования в партийных и государственных структурах, которые зачастую могли и навязать номенклатурных работников. И только личный авторитет Г. П. Давидюка позволил ему быть относительно свободным в выборе новых преподавателей.

Как заведующий новой выпускающей кафедрой, он прекрасно понимал, что ей предстоит завоевать новый имидж сильной профессиональной структуры, которая призвана готовить специалистов в области философии. Из числа преподавателей прежней кафедры в состав новой вошли доценты Е. В. Петушкова, Л. А. Гуцаленко, И. А. Рябков, В. Н. Панкратов, преподаватели В. И. Овчаренко, Е. А. Дудко, Г. И. Чеснокова, О. И. Игнатенко, Ю. С. Шинкарь. Данные преподаватели вели занятия по философии на гуманитарных факультетах БГУ и обеспечивали чтение ряда курсов на философском отделении.

В то же время ощущалась острая потребность в новых кадрах, призванных разработать перспективные направления философской науки. И здесь в полной мере проявился талант Г. П. Давидюка как организатора учебной и научно-исследовательской работы на философском отделении. За первые два-три года своего руководства кафедрой Г. П. Давидюк пригласил на работу в БГУ доцентов В. С. Степина, А. Н. Елсукова, В. Г. Изоха, А. И. Писаренко, А. И. Зеленкова. Каждый из них внес большой вклад в развитие философской науки и образования БГУ. Особенно велик вклад В. С. Степина как основателя и лидера известной Минской методологической школы, А. Н. Елсукова как первого декана философско-экономического факультета, А. И. Зеленкова как декана факультета философии и социальных наук. В более поздние годы Г. П. Давидюк пригласил для работы на кафедре доцента А. Н. Пашкевича как специалиста по методике преподавания философии, доцента А. Т. Павлову как специалиста по социальной философии.

Совместными усилиями обновленного состава кафедра заняла ключевые позиции как в университете, так и на философском отделении. Ведь ей пришлось отстаивать свои позиции в соперничестве с сильной кафедрой истории философии и логики, которой долгие годы руководил доктор философских наук, профессор, член-корреспондент АН БССР И. Н. Лу-

щицкий. Именно эти две кафедры внесли огромный вклад в подготовку специалистов на философском отделении.

Кафедра философии гуманитарных факультетов стала пользоваться большим авторитетом среди студентов философского отделения. Лучшие студенты специальности «философия» писали курсовые и дипломные работы именно на данной кафедре. Студенческие группы философского отделения неоднократно признавались лучшими учебными группами в университете. Лекции таких ведущих преподавателей кафедры, как В. С. Степин, В. И. Овчаренко, А. Н. Пашкевич, посещали многие студенты других факультетов университета.

Традиционно каждый год проводились студенческие научные конференции, на которых студенты не только философского отделения, но и других факультетов обсуждали актуальные проблемы философской науки. Авторитет и научный потенциал Г. П. Давидюка позволили ему впервые в республике открыть в рамках философского отделения специализацию по прикладной социологии, что положило начало социологическому образованию в университете.

Педагогический талант Г. П. Давидюка проявился не только в подготовке кадров, но и в отборе лучших выпускников философского отделения для обучения в аспирантуре и дальнейшей работе на кафедре. Профессиональное становление на кафедре, которой руководил Г. П. Давидюк, прошли доктора философских наук Л. Ф. Кузнецова, Я. С. Яскевич, Т. Г. Румянцева, Л. Г. Титаренко, доценты А. В. Барковская, А. В. Яскевич, Е. Н. Гурко, А. А. Скикевич, И. Е. Ширшов и многие другие.

СЛУЧАЙ, РЕШИВШИЙ МОЮ СУДЬБУ¹

И. Н. Андреева,

кандидат философских наук, старший научный сотрудник

Как неумолимо время, как преходяще и необратимо! Казалось бы, только недавно после окончания вуза – философского отделения Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина – начиналась

¹ Печатается по: Андреева И. Н. О, не лети так, жизнь! На миг, но задержишься // Проблемная научно-исследовательская лаборатория социологических исследований Белорусского государственного университета (ПНИЛСИ БГУ): к 50-летию создания / редкол.: А. Н. Данилов (пред.) [и др.] ; под общ. ред. А. Н. Данилова ; сост. Ж. М. Грищенко. Минск : Изд. центр БГУ, 2017. С. 17–24.

моя трудовая деятельность в ПНИЛСИ БГУ в далекие уже 70-е гг. XX в. Это было советское время со всеми присущими только ему радужными перспективами. <...> Я говорю сейчас об общей превалирующей праздничности реальности, несмотря на безусловное наличие жизненных проблем. Именно с позиций радости бытия и воспринималось тогда начало моей трудовой деятельности.

Надо сказать, что попала я в социологическую лабораторию случайно. Хотя при обучении на философском отделении, где существовало определенное деление группы на социологов и «диамат-истматчиков», я, безусловно, входила в категорию первых. Увлеченность этой новой для многих из нас наукой обуславливалась курсом прикладной социологии, который читал известный, ныне уже легендарный родоначальник белорусской научной социологической школы – доктор философских наук, профессор Георгий Петрович Давидюк. Тогда и возник неподдельный интерес к социологии, понимание значимости роли социолога как диагноста насущных проблем объективной реальности. Когда я в процессе подготовки к семинарским занятиям написала доклад по Огюсту Контю – основоположнику социологии, открывшему миру социологию как науку, – Георгий Петрович предложил мне сделать из доклада сначала курсовую работу, а потом писать под его руководством диплом. Но я, можно сказать, несколько отстраненно отнеслась к этому предложению, поскольку тогда была увлечена еще одной ставшей популярной в то время наукой – психологией, и мне казалось, что я ответственна перед кафедрой психологии, а главное – перед научным руководителем, известным психологом Еленой Павловной Ересь. Именно на кафедре психологии БГУ я и писала курсовые и дипломную работы. Казалось бы, мой дальнейший путь в науку, большую науку, был определен. Но не сложилось... Имея «красный» диплом, я оказалась на распутье, поскольку места в аспирантуре по психологии мне не предложили, ссылаясь на некую далекую перспективу. Что делать, я не знала, потому что не была готова к подобной ситуации и просто растерялась.

Все, как всегда, решил случай. В один прекрасный день мне вдруг звонит домой Георгий Петрович, сам Георгий Петрович! Конечно, это вызвало упреки со стороны мамы, которая искренне недоумевала, почему я сама не сходила в университет и не позаботилась о своем трудоустройстве. Но что произошло, то произойдет. Георгий Петрович предложил мне идти в лабораторию социологических исследований при кафедре философии, которую он возглавлял. Так была решена моя судьба. И воистину я никогда об этом не жалела. Надо сказать, что Георгий Петрович стал как бы крестным отцом на моем социологическом поприще. Более того, чем дальше, тем больше эта наука меня увлекала, да и диссертацию я напи-

сала по специальности «прикладная социология» под руководством именно Г. П. Давидюка.

...Лаборатория в то время была довольно малочисленной и состояла из отделов проблем студенческой молодежи и эффективности идеологической работы, которые территориально располагались по ул. Бобруйской, 7. Несколько особняком стоял отдел проблем советской семьи, находившийся также в университетском дворе, но в одном из старых зданий. Если говорить о дальнейшем становлении ПНИЛСИ, изменении ее организационной структуры, что послужило трансформации лаборатории в Центр социологических исследований, то с годами увеличилось количество отделов: к имеющимся присоединились отделы проблем социальной психологии, социологии труда, сектор правовой работы, сектор массовых коммуникаций, причем территориально ПНИЛСИ переместилась сначала на ул. Московскую, 15 (Республиканский институт высшей школы), затем на ул. Московскую, 17 (Академия управления при Президенте Республики Беларусь), закончив свое существование как целостная структура по ул. Захарова, 59 (Информационно-аналитический центр при Академии управления при Президенте Республики Беларусь). И я непосредственно была включена в происходящее, т. е. до самого конца! <...>

В ПНИЛСИ мы многому научились: и подготовке программ исследований, без которых к проведению последних даже не приступали, составлению инструментария, и расчету выборки, и чтению многочисленных математических таблиц, и использованию при анализе данных расчетного материала. За годы существования лаборатории руководство неоднократно менялось. Однако, думаю, наиболее плодотворным и продуктивным периодом деятельности этой структуры можно считать годы правления профессоров Николая Григорьевича Юркевича и Георгия Петровича Давидюка. Возможно, благодаря установкам руководства, направленным не только на повышение квалификации сотрудников в рамках написания монографий и их разделов, статей, аналитических записок, отчетов по результатам НИР, но и благоприятного для творчества режима работы: два явочных дня в неделю, когда проводились совещания, семинары, собрания, заседания отделов и т. д., и так называемые библиотечные дни, когда готовились программы, писалась аналитика, статьи, тезисы докладов, в том числе и диссертации. Я навсегда запомнила крылатую фразу Георгия Петровича: «Мне все равно, когда вы пишете тексты, хоть на лужайке, но главное, чтобы было качественно и в срок». Именно тогда в конце 1970–80-х гг., по моему глубокому убеждению, наступил пик защит диссертаций сотрудниками ПНИЛСИ, многие из которых, кстати, были защищены под руководством Г. П. Давидюка. <...>

**Г. П. ДАВИДЮК –
СОЗДАТЕЛЬ БЕЛОРУССКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
СОВЕТСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ¹**

О. Г. Лукашова,
*социолог, ответственный секретарь
Белорусского общественного объединения
«Социологическое общество»*

Моя профессиональная карьера начиналась с работы в ПНИЛСИ Белгос-университета имени В. И. Ленина. Сюда я была направлена по распределению после окончания философского отделения исторического факультета БГУ. Произошло это в 1976 г., и работать мне предстояло в отделе проблем студенческой молодежи ПНИЛСИ.

Из моего выпускного курса в ПНИЛСИ также распределились Александра Воднева (в отдел социологии семьи) и Валентина Гриб (в сектор прикладной социологии). К тому времени оба этих подразделения университета являлись, пожалуй, самыми крупными социологическими службами в Беларуси. Усилиями профессора Г. П. Давидюка и профессора Н. Г. Юркевича здесь были сосредоточены исследовательские кадры и кипела социологическая жизнь.

...Мы испытывали острый недостаток в социологической литературе. Не было периодических социологических журналов, издавалось крайне мало монографий по социологии, не было социологических словарей, не хватало учебной и методической литературы. Начинающим социологам довольно сложно было опубликовать свой материал в каком-либо издании.

Ничего хорошего нельзя сказать и о техническом оснащении социологов того времени. Персональных компьютеров не было вовсе, приходилось обсчитывать собранный материал в вычислительном центре университета. Вспоминаю, как приходилось проверять огромное количество перфокарт, на которые «набивалась» (в виде отверстий) информация с заполненных

¹ Печатается по: Лукашова О. Г. Как легко мы расставались с тем, о чем грустим сейчас... // Проблемная научно-исследовательская лаборатория социологических исследований Белорусского государственного университета (ПНИЛСИ БГУ): к 50-летию создания / редкол.: А. Н. Данилов (пред.) [и др.] ; под общ. ред. А. Н. Данилова ; сост. Ж. М. Грищенко. Минск : Изд. центр БГУ, 2017. С. 58–64.

анкет, выискивая допущенные оператором ошибки. Иногда приходилось обсчитывать анкеты вручную. Эта процедура называлась «точкованием» и отнимала колоссальное количество времени. Главным в этом случае было работать в хорошей компании своих коллег, отличающихся внимательностью и изрядным терпением.

...Многие исследования и проводились по заказу партийных органов: райкомов, горкомов, обкомов партии. В таком случае всегда можно было рассчитывать на поддержку в организации исследования со стороны парткома предприятия. Одной из особенностей работы социологов в то время была возможность проводить исследования непосредственно на предприятиях и в организациях республики в рабочее время, отвлекая работников для заполнения анкет и участия в интервью. Значительную помощь в организации исследований на предприятиях оказывали нам, вузовским социологам, и штатные заводские социологи. Существовали также и небольшие социологические службы на крупных белорусских промышленных предприятиях и в организациях. Завязывались личные профессиональные контакты, происходил обмен социологической информацией, что шло на пользу и вузовским ученым, и заводским социологам.

В 1976 г. в социологической жизни республики происходит заметное событие – учреждается Белорусское отделение Советской социологической ассоциации (БО ССА) АН СССР. Основная заслуга в создании этой общественной организации в Беларуси принадлежит профессору Г. П. Давидюку и Ж. М. Грищенко. Именно благодаря их усилиям были объединены в рамках одной общественной организации социологи, работающие на территории страны. Профессор Г. П. Давидюк стал первым президентом БО ССА. И в этом статусе он был включен в состав Правления ССА АН СССР.

Первым ученым секретарем общества была избрана Т. И. Матюшкова. Ей пришлось организовывать всю деятельность БО ССА, налаживать контакты с регионами, привлекать новых членов. В то время в состав БО ССА входили не только физические лица, предусматривалось также и коллективное членство (предприятия и организации или их подразделения).

В 1979 г. профессор Г. П. Давидюк предложил мне стать ученым секретарем БО ССА, я дала свое согласие и в том же году была избрана на эту должность. С этого момента моя жизнь была постоянно связана с деятельностью в данном общественном объединении.

Нельзя не сказать о значительной роли, которую сыграла ССА АН СССР (создана в 1958 г.) в становлении и развитии социологической науки в стране, в подготовке и повышении квалификации научных кадров,

в поддержке не только академических и вузовских ученых, но и заводских социологов. Именно для них ассоциация открывала доступ к общению с ведущими учеными-социологами страны. Заводские социологи всегда получали приглашение к участию в научных мероприятиях – семинарах, конференциях, молодежных школах. Представители заводской социологии входили в органы управления республиканских и региональных отделений ССА АН СССР.

В условиях дефицита социологической литературы в стране ассоциация в некоторой степени восполняла этот недостаток, осуществляя публикацию социологических статей, материалов конференций, методик исследований и распространяя эти ротапринтные издания через свои отделения. Таким способом можно было ознакомиться с результатами исследований на территории СССР, получить информацию методического характера, перенять опыт лучших социологических служб, завязать научные контакты с учеными, проблематика исследований которых могла заинтересовать читателя. <...>

Надлежит особо отметить, что авторитет белорусских социологов сильно возрос после издания первого в Беларуси и СССР социологического словаря. Он получил название «Словарь прикладной социологии» и был издан под руководством профессора Г. П. Давидюка в 1984 г. Большая заслуга в подготовке этого издания принадлежала старшему научному сотруднику ПНИЛСИ Карине Васильевне Шульге, которая явилась в буквальном смысле слова собирателем этого словаря. Шквал телефонных звонков со всего Союза обрушился на наше отделение ССА и на меня как ученого секретаря с просьбой прислать хотя бы один экземпляр этого издания. <...>

Белорусские социологи начали принимать участие в работе Всемирного социологического конгресса с большим опозданием, впервые только в 1970 г., начиная с седьмого по счету конгресса в г. Варна. В разное время белорусскую социологическую ассоциацию на ВСК представляли академик Е. М. Бабосов, профессор Г. П. Давидюк, профессор Г. Н. Соколова, Е. Е. Серова, профессор А. А. Раков, профессор Д. Г. Ротман, профессор Л. Г. Титаренко, доцент Ж. М. Грищенко, доктор социологических наук Л. П. Шахотько, доктор социологических наук А. П. Вардомацкий и др. <...>

Хочется высказать слова искренней признательности людям, посвятившим свою жизнь становлению и развитию социологической науки в Беларуси, и в первую очередь – профессору Г. П. Давидюку и академику Е. М. Бабосову, сделавшим для белорусской социологии колоссально много.

МЫ БЫЛИ МОЛОДЫ И ВПОЛНЕ АМБИЦИОЗНЫ¹

С. А. Повалев,

кандидат философских наук, доцент

Я пришел в Проблемную лабораторию социологических исследований практически сразу после защиты кандидатской диссертации в 1983 г. В то время я был начальником отдела научной информации БГУ. О научной карьере социолога особо и не помышлял. Но вдруг позвонил руководитель лаборатории профессор Г. П. Давидюк: «Тебе там не надоело еще – давай к нам!» (А дело в том, что в течение нескольких лет я занимался информационным обеспечением лаборатории, и университетские социологи были в курсе не только отечественных, но и мировых исследований, а в 1982 г., не без участия отдела, которым я тогда руководил, социологи лаборатории были удостоены золотой медали ВДНХ СССР.) Руководитель лаборатории мне сказал: «Ты пока осмотришься, а сейчас нам необходимо наладить информационную базу социологии. Возьмись за это». И я начал работу по всесоюзной регистрации научно-исследовательских тем лаборатории. Потом взялся за составление библиографического указателя научных трудов лаборатории, а после этого получил в руководство собственную тему «Политическая культура молодежи Беларуси». Так началась моя дорога в белорусской социологии. С этой темой связаны интересные воспоминания. Результаты исследования дали не совсем тот (а вернее, совсем не тот) результат, который от нас ожидали в Минском горкоме партии. Но мы были молоды и вполне амбициозны. Сделали проблемную статью в журнале «Политический собеседник» под названием «Им вступать в век грядущий», где и сохранили самые острые моменты исследования. Нас, конечно, прорабатывали в горкоме, не без этого. Но статья получила столь широкий общественный резонанс, что нас оставили в покое. А потом пришли новые времена... Много воды утекло с того времени. Если о себе, то мне посчастливилось работать главным социологом Минобразования республики, начальником отдела печати, радио и телевидения Совета Министров БССР, первым заместителем председателя Гостелерадио БССР,

¹ Печатается по: Повалев С. А. И всласть толкуя о науках, мы вместе грезили о том... // Проблемная научно-исследовательская лаборатория социологических исследований Белорусского государственного университета (ПНИЛСИ БГУ): к 50-летию создания / редкол.: А. Н. Данилов (пред.) [и др.] ; под общ. ред. А. Н. Данилова ; сост. Ж. М. Грищенко. Минск : Изд. центр БГУ, 2017. С. 65.

членом редколлегии журнала «Беларуская думка» и ответственным секретарем журнала «Социология». А если еще раз вернуться к тем годам, то больше всего мне запомнились полевые исследования по заданию Минского обкома партии. Это был 1985 г. Сколько сел и поселков пришлось объехать, со сколькими интересными людьми повидаться, а мне запомнились слова одной деревенской женщины на ферме: «Да оставь ты свою анкету, сынок, попей парного молочка, а потом сядем и поговорим». Вот только тогда я и понял, что такое настоящая социология...

«ПОСЛЕДНИЙ РОТНЫЙ» РИВШ

М. Г. Волнистая,
*кандидат социологических наук, доцент,
докторант кафедры социологии факультета
философии и социальных наук БГУ*

В моем личном видео- и фотоархиве, как и у каждого человека, имеющего большой опыт профессиональной жизни, сегодня хранится много интересных записей и важных для меня фотографий, которые оставили неизгладимый яркий след «визуальной социологии» о времени моей работы заведующей кафедрой философии и методологии университетского образования и пяти годах сложной, но интересной общественной работы председателем профсоюзного комитета Республиканского института высшей школы (РИВШ). Это странички «социологии повседневности» трудового коллектива РИВШ. Я храню фотографии о жизни и работе высокопрофессиональных людей, и сегодня преданно любящих РИВШ, многие из которых после окончания вуза имеют в своей трудовой книжке всего одну запись: «ИПК РИВШ БГУ» или «ГУО РИВШ», всю жизнь проработав методистом, доцентом, профессором. Пересматриваю видеозаписи о мероприятиях, которые были посвящены различным важным событиям и датам в нашей стране, в организации которых со своими коллегами я принимала непосредственное участие, наверное до конца не понимая, какое огромное значение имеют все эти встречи с людьми и мгновения социального действия, насколько важными в моей профессиональной и личной биографии университетского преподавателя они для меня станут.

День Победы 9 мая 2017 г. в РИВШ. Есть одна уникальная запись, длящаяся всего три с половиной минуты, сделанная нашими молодыми со-

трудниками. Это были двадцатилетние ребята из технического отдела. Я вспоминаю, как у одного из них просто потекли слезы во время минуты молчания, они капали на камеру, и он опустил ее, остановив запись. В зале на экране в этот момент возникали в строю Бессмертного полка РИВШ фотографии и имена людей: родных и близких наших сотрудников, преподавателей, заведующих кафедрами, ушедших на войну. Многие из них назад не вернулись. Лица многих бойцов были до удивления похожи на лица тех, кто был в этот момент в зале, – вот таким был наш День Победы в РИВШ 9 мая 2017 г.

На трехминутной записи со словами благодарности перед коллективом института выступает ветеран Великой Отечественной войны, профессор Георгий Петрович Давидюк. Ему 91 год, он приехал из Заславля и говорит четко, немного глухо и кратко. Я смотрю на лица всех, к кому он обращается, смотрю, как слушают его красивую и простую речь молодые сотрудники, только что пришедшие к нам на работу в центры и отделы института, как его слушают преподаватели и специалисты всех кафедр РИВШ.

Георгий Петрович Давидюк – главный человек в моей профессии преподавателя высшей школы. С именем этого жесткого, принципиального руководителя и профессора для меня связано все: методология социальной ответственности и профессионального действия, критический взгляд на мир (но с улыбкой), само мировоззрение университетского преподавателя, философия и методология университетского образования, идеология профессионализма, мое понимание того, что из университета должен выходить не только специалист с высшим образованием и дипломом, но и гражданин своей страны. Без этого университетское образование, считаю, просто перестанет существовать со всеми его высокими трендами и смыслами.

Профессор Георгий Петрович Давидюк каждый год, пока позволяло ему здоровье, обязательно приезжал 9 мая в День Победы в РИВШ и заходил с нашими ветеранами Великой Отечественной в кабинет ректора. Весь институт, мы все ждали утром в 10.00, как на ступеньках появится высокий, стройный, нестареющий профессор в строгом сером хорошо выглаженном костюме со словами: «Ну вот і ўбачылісь!» Он обычно выступал перед нами очень кратко и говорил с коллективом на «родной мове». Теперь мне это понятно. Те глубокие смыслы отношения к жизни, к людям, к своей работе, к событиям всегда становятся проще для понимания и объяснения другим именно на языке, как сказал однажды профессор О. Г. Слука, «матчынай мовы». Профессор Г. П. Давидюк пытался

донести до нас, молодой аудитории, всего нашего коллектива суть того, что определяет нашу идентичность, суть и мировоззренческое содержание человеческой личности образованного человека в ее высшем гуманистическом измерении.

Наша первая встреча в День Победы состоялась в кабинете моего первого ректора РИВШ доктора физико-математических наук, члена-корреспондента НАН Беларуси профессора Михаила Ивановича Демчука. Осталась замечательная фотография. Все восемь ветеранов Великой Отечественной войны, как неполное отделение некогда большой роты, просто встали тогда из-стола и вышли поздороваться и снова обняться со своим ротным командиром и профессором Георгием Петровичем Давидюком. Он всегда садился слева от Демчука и строго расспрашивал его про текущие дела, которые на тот момент происходили в высшей школе, про людей и их отношение к образовательным реформам постсоветской высшей школы на образовательном пространстве стран СНГ, просто к работе. Михаил Иванович Демчук, как он всегда умел, отвечал ему с улыбкой, кратко и своими любимыми шуточками в духе Эзопа. Георгий Петрович тоже тонко понимал юмор и ценил краткость речи. Он научил меня многому за непростительное время нашего общения, и уроки, которые мне посчастливилось усвоить благодаря ему, оживали в моей памяти, когда я снова и снова шла на лекцию по коридорам РИВШ. Главное для любого руководителя – это люди, люди, работающие в твоём коллективе и идущие с тобой работать. Люди, сражающиеся с рутиной, невежеством и бездуховностью, формализмом и бюрократизмом. Главное – их профессионализм и их отношение к работе, к делу, к поставленной цели, тогда и наступит Победа! Это заповедь, которую подарил нам всем профессор Георгий Петрович Давидюк, человек, открывший дорогу социологии в нашей стране.

Однажды он рассказал нам об одном из своих первых боев с врагом в начале войны, о том, как он, будучи совсем юным ротным, держал многие часы со своей ротой переправу и как на его глазах погибли все его молодые бойцы и товарищи. А ему было чуть более 20 лет... Он рассказывал нам об этом страшном бое, слеза текла по его суровому лицу, и я понимала, что он до сих пор оплакивает каждого потерянного бойца, всю жизнь неся чувство вины как командир и человек, что не сумел сохранить им жизнь. И сегодня, вспоминая тот страшный рассказ, я словно слышу пулеметные очереди врага, от которых погибли бойцы и товарищи Георгия Петровича. Ротный РИВШ тогда объяснил нам всем, почему нельзя отступать на определенных этапах в жизни и в смерти, что является гуманистической основой каждого образованного и здравомысля-

щего Человека, если у него есть имя, память и он личность, есть своя страна и Родина. Жить и стоять надо крепко на своей земле, на земле своего Отечества. Именно так я и понимаю смысл нашей встречи с профессором Г. П. Давидюком. Когда открываю дверь в главный корпус БГУ и иду на лекцию к своим любимым студентам, именно так я объясняю им известную строчку из советской песни: «С чего начинается Родина?» Я думаю, после того разговора с Георгием Петровичем в мае 2017 г. каждому из нас, членов коллектива РИВШ, он оставил смысл самой социологии жизни, ее неписанные правила, которые должен знать и понимать любой человек, осуществляя свои действия и сознавая последствия тех поступков и решений, того выбора, которые происходят в его социальной реальности.

Я смотрю на лица своих коллег, на то, как они слушали краткую речь профессора Давидюка... Главным словом, которое он говорил, было мое любимое слово «спасибо». Этому меня научила моя семья. Всегда быть благодарной людям, которые рядом с тобой. Я с детства хотела стать преподавателем университета. Это была моя самая высокая мечта. Мой дед, Семен Михайлович Короткин, организатор знаменитой «рельсовой войны», партизанский комбриг, который погиб в 1942 г. (и партизанская бригада стала носить его имя), еще до войны, как секретарь Сиротинского райкома партии в Витебской области, закончил Высшую партийную школу в г. Минске. С тех пор в нашей семье понимание слов «высшее образование» стало частью культурно-исторического наследия для всех его детей, внуков и правнуков. Он заложил в нашей семье глубочайшее уважение к высшему образованию, к образованным людям как к важной культурной и духовной ценности, формирующей личность человека, бесконечное уважение к представителям педагогической профессии, учителям и преподавателям. В сложной исторической судьбе белорусского народа, в национальной культуре образование всегда являлось большой ценностью, а история образовательного поля нашей маленькой и независимой страны просто уникальна и многообразна. Предстоит еще много сделать историкам, педагогам, социологам и философам, чтобы заполнить ее ненаписанные и не исследованные до конца страницы и понять глубочайший смысл философии образования того далекого времени, когда создавались методологические и организационные основы культурного и интеллектуального развития белорусского общества.

«Спасибо Державе! – сказал Г. П. Давидюк в своей речи. – Спасибо ректору и спасибо работникам, что я могу сюда приехать и увидеть вас снова в здравии, мне 90, і я дякую, что бачу вас усіх!» Ценность момента встре-

чи – это было главное. Вот так проявляется связь поколений в обществе, связь поколений университетских преподавателей и всех, кто сегодня работает в высшей школе. Потом я видела такую же встречу с профессором Георгием Петровичем Давидюком уже с руководством, с его учениками и сотрудниками, преподавателями на кафедре социологии факультета философии и социальных наук БГУ. Остались замечательные фотографии, запечатлившие светлые лица и радость от встречи.

Закончилось мероприятие, и сотрудники РИВШ 9 мая 2017 г. выходили из зала под песню «День Победы». Я видела, каким крепким стало в этот момент ощущение единства и целостности всего коллектива. Я видела и наблюдала, как возникает та самая «органическая солидарность» между людьми, о которой писал Э. Дюркгейм. Это происходит, когда мировоззрение и взгляды на жизнь, на исторические события, понимание гуманистических смыслов происходящего у людей едины. Конечно, были и те, кто очень спешил в свои кабинеты, отбыв формально это «идеологически трудное» для них мероприятие, но таких было мало. Вот такое человеческое чудо холизма социального действия, единства и целостности трудового коллектива, социальный синдром быть вместе в День Победы я наблюдала как человек и как социолог.

Мне очень повезло, я познакомилась в своей жизни с «последним ротным» РИВШ. О личности этого необыкновенного человека, преподавателя высшей школы, я всегда буду помнить, буду смотреть его фото и хранить в своей памяти каждое мгновение наших коротких встреч и разговоров в День Победы, буду рассказывать об этом своим студентам-социологам на первой лекции по социологии, науке, так необходимой сегодня нашей суверенной стране, нашей светлой и чистой Беларуси!

*Н*АУЧНАЯ
И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
Г. П. ДАВИДЮКА

**ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПРОФЕССОРА Г. П. ДАВИДЮКА,
РЕЦЕНЗИИ НА ЕГО ТРУДЫ**

1961

Есьман, І. Твор сучаснага рэвізіянізму : [аб кнізе Давідзюка «Асноўныя рысы сучаснага рэвізіянізму»] / І. Есьман // Настаўн. газ. – 1961. – 12 жн.

1968

Антановіч, І. І. Грамадства будучага – якое яно? / І. І. Антановіч // Вес. АН БССР. Сер. грам. навук. – 1968. – № 4. – С. 130–131. – Рэц. на кн.: Давідзюк, Г. П. Банкруцтва буржуазных канцэпцый грамадства будучага / Г. П. Давідзюк. – Мінск : Беларусь, 1967. – 106 с.

Бовш, В. Разоблачение буржуазных концепций / В. Бовш // Коммунист Белоруссии. – 1968. – № 8. – С. 74–75. – Рэц. на кн.: Давідзюк, Г. П. Банкруцтва буржуазных канцэпцый грамадства будучага / Г. П. Давідзюк. – Мінск : Беларусь, 1967. – 106 с.

Старавойтаў, В. Нічым не абяліць капіталізм / В. Старавойтаў, Л. Ушаў // Звязда. – 1968. – 2 лістап. – С. 3. – Рэц. на кн.: Давідзюк, Г. П. Банкруцтва буржуазных канцэпцый грамадства будучага / Г. П. Давідзюк. – Мінск : Беларусь, 1967. – 106 с.

1969

Баброўскі, У. С. Дактрына новая, мэты старыя / У. С. Баброўскі, В. М. Ткачэнка // Вес. АН БССР. Сер. грам. навук. – 1969. – № 1. – С. 127–129. – Рэц. на кн.: Давідзюк, Г. П. Критика теории «единого индустриального общества» / Г. П. Давідзюк. – Минск : Наука и техника, 1968. – 229 с.

Манин, Ю. Разоблаченный миф / Ю. Манин // Неман. – 1969. – № 9. – С. 165–168. – Рэц. на кн.: Давідзюк, Г. П. Критика теории «единого индустриального общества» / Г. П. Давідзюк. – Минск : Наука и техника, 1968. – 229 с.

Степанов, В. Научная несостоятельность буржуазного мира / В. Степанов, И. Родин // Коммунист Белоруссии. – 1969. – № 2. – С. 71–74. – Рэц.

на кн.: Давидюк, Г. П. Критика теории «единого индустриального общества» / Г. П. Давидюк. – Минск : Наука и техника, 1968. – 229 с.

Шикунова, И. Анатомия модной концепции / И. Шикунова, В. Круталевич // Совет. Белоруссия. – 1969. – 3 янв. – С. 3. – Рец. на кн.: Давидюк, Г. П. Критика теории «единого индустриального общества» / Г. П. Давидюк. – Минск : Наука и техника, 1968. – 229 с.

1971

Гребенников, Р. На словах и на деле / Р. Гребенников // Совет. Белоруссия. – 1971. – 11 авг. – С. 3. – Рец. на кн.: Давидюк, Г. П. Марксистская ідэялогія і буржуазная дэідэалагізацыя / Г. П. Давидюк. – Минск : Беларусь, 1970. – 87 с.

1972

Ешын, С. Буржуазная «масовая культура» і яе заганы / С. Ешын // ЛІМ. – 1972. – 25 жн. – С. 15. – Рэц. на кн.: Давидюк, Г. П. Проблема «массовой культуры» и «массовых коммуникаций» / Г. П. Давидюк, В. С. Бобровский. – Минск : Наука и техника, 1972. – 204 с.

1976

Гребенников, Р. В. [Рецензия] / Р. В. Гребенников // Весн. Беларус. ун-та. Сер. 3, Гісторыя, філасофія, навук. камунізм, эканоміка, права. – 1976. – № 3. – С. 69–70. – Рец. на кн.: Давидюк, Г. П. Введение в прикладную социологию : учеб. пособие / Г. П. Давидюк. – Минск : Выш. шк., 1975. – 199 с.

Гусеў, А. Прыкладная сацыялогія: станаўленне і развіццё / А. Гусеў, З. Моніч // Звязда. – 1976. – 15 верас. – Рэц. на кн.: Давидюк, Г. П. Введение в прикладную социологию : учеб. пособие / Г. П. Давидюк. – Минск : Выш. шк., 1975. – 199 с.

Докторов, В. Слово о прикладной социологии / В. Докторов // Совет. Белоруссия. – 1976. – 5 авг. – С. 2. – Рец. на кн.: Давидюк, Г. П. Введение в прикладную социологию : учеб. пособие / Г. П. Давидюк. – Минск : Выш. шк., 1975. – 199 с.

1977

Багданава, Т. Праблемы прыкладной сацыялогіі / Т. Багданава, В. Баброўскі // Вес. АН БССР. Сер. грамад. навук. – 1977. – № 1. – С. 138–139. – Рэц. на кн.: Давидюк, Г. П. Введение в прикладную социологию : учеб. пособие / Г. П. Давидюк. – Минск : Выш. шк., 1975. – 199 с.

1979

Калмыков, В. Н. [Рецензия] / В. Н. Калмыков // Весн. Беларус. ун-та. Сер. 3, Гісторыя, філасофія, навук. камунізм, эканоміка, права. – 1979. – № 2. – С. 86–87. – Рец. на кн.: Проблемы формирования потребностей человека в условиях развитого социализма / Г. П. Давидюк [и др.]. – Минск : Беларусь, 1978. – 206 с.

Серигов, В. Человек и его потребности / В. Серигов // Коммунист Белоруссии. – 1979. – № 2. – С. 88–92. – Рец. на кн.: Проблемы формирования потребностей человека в условиях развитого социализма / Г. П. Давидюк [и др.]. – Минск : Беларусь, 1978. – 206 с.

Шавель, С. Перспективы прикладной сацыялогіі / С. Шавель // Звезда. – 1980. – 6 чэрв. – С. 2. – Рец. на кн.: Давидюк, Г. П. Прикладная социология / Г. П. Давидюк. – Минск : Выш. шк., 1979. – 219 с.

1981

Колокольников, В. [Рецензия] / В. Колокольников, В. Филипчек // Коммунист Белоруссии. – 1981. – № 4. – С. 90–92. – Рец. на кн.: Коммунистический идеал и советский образ жизни / Р. П. Платонов [и др.]. – Минск : Беларусь, 1980. – 205 с.

Попов, Н. Встреча через годы : [о партизане отряда им. Шиша Пин. соединения Г. П. Давидюке, проживающем в Минске] / Н. Попов // Заря. – 1981. – 29 дек.

Сперанский, В. И. [Рецензия] / В. И. Сперанский // Социол. исслед. – 1981. – № 2. – С. 215–216. – Рец. на кн.: Давидюк, Г. П. Прикладная социология / Г. П. Давидюк. – Минск : Выш. шк., 1979. – 220 с.

1983

Канашевич, А. Формирование разумных потребностей личности / А. Канашевич, Н. Канашевич // Коммунист Белоруссии. – 1983. – № 3. – С. 91–96. – Рец. на кн.: Классовый подход формированию и удовлетворению социальных потребностей / под ред. Г. П. Давидюка, И. Я. Писаренко. – Минск : БГУ, 1981. – 238 с.

1985

Павалаяў, С. Надзейны памочнік сацыёлага / С. Павалаяў // Звезда. – 1985. – 12 лют. – С. 2. – Рец. на кн.: Шульга, К. В. Словарь прикладной социологии / сост. К. В. Шульга ; редкол.: Г. П. Давидюк [и др.]. – Минск : Университетское, 1984. – 317 с.

Рубин, Я. В научный арсенал социолога-практика / Я. Рубин, И. В. Котляров // Коммунист Белоруссии. – 1985. – № 6. – С. 95–96. – Рец. на кн.: Словарь прикладной социологии / сост. К. В. Шульга ; ред. кол.: Г. П. Давидюк [и др.]. – Минск : Университетское, 1984. – 317 с.

1986

Рубин, Я. Ответственные задачи социологов / Я. Рубин, И. Котляров // Коммунист Белоруссии. – 1986. – № 12. – С. 75–80. – Рец. на кн.: Классовый подход к формированию и удовлетворению социальных потребностей / И. Я. Писаренко [и др.] ; под ред. Г. П. Давидюка, И. Я. Писаренко. – Минск : БГУ, 1981. – 238 с.

1988

Бобровский, В. С. [Рецензия] / В. С. Бобровский // Весн. Беларус. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Навуковы камунізм. Эканоміка. Права. – 1988. – № 1. – С. 72. – Рец. на кн.: Эффективность средств массовой информации / Е. М. Бабосов [и др.] ; под ред. Г. П. Давидюка, В. С. Коробейникова. – Минск : Наука и техника, 1986. – 157 с.

1993

Давідзюк, Г. П. Савецкая вышэйшая школа: крызіс, шляхі выйсця : [дыялог рэктара БДУ Ф. Капуцкага і д-ра філас. навук, праф. Г. Давідзюка] / Г. Давідзюк ; гутарыў Ф. Капуцкі // Настаўн. газ. – 1993. – 19 мая. – С. 3.

1997

Давідзюк Георгій Пятровіч // Беларуская энцыклапедыя : у 18 т. / пад рэд. Г. П. Пашкова. – Мінск, 1997. – Т. 5 : Гальцы – Дагон. – С. 563.

1998

Георгий Петрович Давидюк : [к 75-летию философа] // Социология. – 1998. – № 2. – С. 90–91.

2001

Давидюк Георгий Петрович // Прафесары і дактары навук БДУ, 1921–2001 (80 год) = Профессора и доктора наук БГУ, 1921–2001 (80 лет) / склад. А. А. Яноўскі ; рэдкал.: А. У. Казулін (старшыня) [і інш.]. – Мінск, 2001. – С. 75–76.

2003

Давидюк Георгий Петрович // Социологическая энциклопедия / А. Б. Александрова [и др.] ; под общ. ред. А. Н. Данилова. – Минск, 2003. – С. 76–77.

Данилов, А. Н. К 80-летию профессора Г. П. Давидюка / А. Данилов // Социология. – 2003. – № 2. – С. 3–6.

Данилов, А. Н. У истоков отечественной социологической науки: к 80-летию проф. Г. П. Давидюка / А. Н. Данилов // Орг. и упр. – 2003. – № 1/2. – С. 253–258.

Данилов, А. У истоков возрождения социологии в Беларуси : [к 80-летию проф. Г. П. Давидюка] / А. Данилов // Социология. – 2003. – № 2. – С. 3–6.

Оршиц, В. Судьбоносец: патриарху белорусской социологии Г. П. Давидюку – 80 лет! / В. Оршиц // Нар. воля. – 2003. – 18 ліп.

2006

Давидюк Георгий Петрович // Республика Беларусь : энциклопедия : в 6 т. / редкол. : Г. П. Пашков (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2006. – Т. 3 : Герасименко – Картель. – С. 296.

2008

Встреча с учителем // Социология. – 2008. – № 3. – С. 143.

2010

Давидюк Георгий Петрович // Новейший социологический словарь : [понятия и персоналии, направления и школы, тексты и их анализ, методы сбора и анализа данных: около 1300 аналитических статей] / сост.: А. А. Грицанов [и др.] ; редкол.: А. А. Грицанов (пред.) [и др.]. – Минск, 2010. – С. 253.

2013

Бабосов, Е. М. Доброе слово о коллеге и друге : [к 90-летию ученого-социолога Георгия Петровича Давидюка] / Е. М. Бабосов // Социология. – 2013. – № 2. – С. 18–19.

Бурова, С. Н. О Георгии Петровиче Давидюке : [к 90-летию ученого-социолога] / С. Н. Бурова // Социология. – 2013. – № 2. – С. 29–30.

Грищенко, Ж. М. Слово об учителе : [к 90-летию ученого-социолога Георгия Петровича Давидюка] / Ж. М. Грищенко // Социология. – 2013. – № 2. – С. 31.

Гуцаленко, Л. А. У чистого источника... : [к 90-летию ученого-социолога Георгия Петровича Давидюка] / Л. А. Гуцаленко // Социология. – 2013. – № 2. – С. 24.

Давидюк, Г. П. Динамизм и оптимизм – жизненное кредо профессора Г. П. Давидюка: беседа с ученым-социологом / Г. П. Давидюк ; беседовал А. Н. Данилов // Социология. – 2013. – № 2. – С. 17.

Данилов, А. Легендарный профессор Г. П. Давидюк: большой труженик, воин и учитель : [к 90-летию ученого-социолога] / А. Данилов // Социология. – 2013. – № 2. – С. 13–15.

Данилов, А. Человек, заражающий желанием жить : [к 90-летию основателя белорусской социологической школы Георгия Петровича Давидюка] / А. Данилов // Веды. – 2013. – 8 лп. – С. 6.

Ротман, Д. Г. О Георгии Петровиче Давидюке : [к 90-летию ученого-социолога] / Д. Г. Ротман // Социология. – 2013. – № 2. – С. 23.

Титаренко, Л. Г. Знаковая фигура белорусской социологии : [к 90-летию ученого-социолога Георгия Петровича Давидюка] / Л. Г. Титаренко // Социология. – 2013. – № 2. – С. 27–28.

Шавель, С. А. Родоначальник белорусской прикладной социологии : [к юбилею профессора Г. П. Давидюка] / С. А. Шавель // Социология. – 2013. – № 2. – С. 22.

2018

Данилов, А. Н. Осень патриарха белорусской социологии... Профессору Георгию Петровичу Давидюку 95 лет! / А. Н. Данилов // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. – 2018. – № 2. – С. 4–5.

Данілаў, А. М. Уся беларуская сацыялогія / А. Данілаў // Універсітэт. – 2018. – 29 чэрв. – С. 7.

2019

Данилов, А. Н. Академическая институционализация социологической науки / А. Н. Данилов // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. – 2019. – № 4. – С. 5–13.

Дудчик, А. Ю. Изучение зарубежных социологических идей в работах Г. П. Давидюка 1960–80-х гг. / А. Ю. Дудчик // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. – 2019. – № 1. – С. 93–101.

Ротман, Д. Г. Наш опыт и стал нашим университетом, им и прирастала социология... / Д. Г. Ротман ; беседовал А. Н. Данилов // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. – 2019. – № 3. – С. 65–72.

2020

Воин, труженик, учитель : [памяти ученого-социолога Георгия Петровича Давидюка (1923–2020) : некролог] // Выш. шк. – 2020. – № 6. – С. 43.

Георгий Петрович Давидюк (1923–2020) : [памяти белорусского ученого-социолога] // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. – 2020. – № 4. – С. 4–5.

Георгий Петрович Давидюк : [памяти ученого-социолога : 1923-2020 : некролог] // Весн. Брэсцк. ўн-та. Сер. 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2020. – № 2. – С. 171–172.

Данілаў, А. М. Патрыярх беларускай сацыялогіі / А. Данілаў // Універсітэт. – 2020. – 31 снеж. – С. 9.

Данилов, А. Н. Памяти Георгия Петровича Давидюка (05.07.1923–10.11.2020) / А. Н. Данилов // СОЦИС. – 2020. – № 12. – С. 173–174.

**НАУЧНЫЕ, УЧЕБНЫЕ И СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ,
БРОШЮРЫ (ПЕРСОНАЛЬНЫЕ И В СОАВТОРСТВЕ)**

1959

Давидюк, Г. П. Основные черты современного ревизионизма : автореф. дис. ... канд. философ. наук / Г. П. Давидюк ; Акад. обществ. наук при ЦК КПСС, Каф. диалект. и ист. материализма. – М. : ВПШ и АОН, 1959. – 15 с.

1960

Давідзюк, Г. Ленінізм – вторая зброя барацьбы з рэвізіянізмам / Г. Давідзюк. – Мінск : Дзярж. выд-ва БССР, рэд. сац-экан. літ., 1960. – 56 с.

Давидюк, Г. П. Итоги работы V сессии Верховного Совета СССР: материал в помощь лектору / Г. П. Давидюк. – Минск, 1960. – 21 с.

1961

Давидюк, Г. П. Основные черты современного ревизионизма / Г. П. Давидюк. – Минск : М-во высш., сред. спец. и проф. образования БССР, 1961. – 209 с.

1963

Давидюк, Г. П. Несовместимость религиозной идеологии и коммунизма / Г. П. Давидюк. – Минск : М-во высш., сред. спец. и проф. образования БССР, 1963. – 86 с.

1965

Изменения социальной структуры советского крестьянства : науч. конф. : тез. докл. и выступлений / ред.: Г. Давидюк. – Минск : Знание, 1965. – 58 с.

Программа школ минимума знаний о природе и обществе / сост.: Г. П. Давидюк [и др.]. – Минск : Отд. пропаганды и агитации ЦК КПБ Белоруссии, 1965. – 48 с.

Социальные изменения рабочего класса Белоруссии в процессе строительства коммунизма / Е. М. Басов [и др.] ; под ред. К. П. Буслова [и др.]. – Минск : Наука и техника, 1965. – 256 с.

1966

Беседы о природе и обществе : пособие / Е. М. Бабосов [и др.] ; под общ. ред. Е. М. Бабосова [и др.]. – Минск : Выш. шк., 1966. – 25 с.

Внутриклассовые изменения крестьянства : материалы науч. конф. / редкол.: М. А. Бабич [и др.]. – Минск : Наука и техника, 1966. – 48 с.

Строительство коммунизма и социальные изменения в крестьянстве Белоруссии / редкол.: К. П. Буслов [и др.]. – Минск : Наука и техника, 1966. – 247 с.

1967

Давидюк, Г. П. Банкруцтва буржуазных канцэпцый грамадства будучага / Г. П. Давидюк. – Мінск : Беларусь, 1967. – 106 с.

Давидюк, Г. П. Критика буржуазных концепций развития современного капитализма : [лекция, прочитанная Давидюком Г. П. на семинаре пропагандистов при ЦК КПБ] / Г. П. Давидюк. – Минск, 1967. – 18 с.

1968

Давидюк, Г. П. Критика буржуазной теории «единого индустриального общества» : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : специальность 620 Диалектический и исторический материализм / Г. П. Давидюк. – Минск, 1968. – 32 с.

Давидюк, Г. П. Критика теории «единого индустриального общества» / Г. П. Давидюк. – Минск : Наука и техника, 1968. – 229 с.

1969

Давидюк, Г. П. В. И. Ленин о борьбе против буржуазной идеологии, ревизионизма и догматизма / Г. П. Давидюк. – Минск, 1969. – 20 с.

Давидюк, Г. П. Теория «формируемого общества» на службе западно-германского империализма / Г. П. Давидюк. – Минск, 1969. – 20 с.

1970

Давідзюк, Г. П. Марксістская ідэялогія і буржуазная дэідэалагізацыя / Г. П. Давідзюк. – Минск : Беларусь, 1970. – 88 с.

Перспективное планирование социального развития производственных коллективов : сб. ст. / под ред. Г. П. Давидюка [и др.] ; АН БССР, Ин-т философии и права; НИИ экономики и экон.-матем. методов планирования при Госплане БССР. – Минск : Мин. гор. ком. КП Белоруссии, 1970. – Вып. 1. – 163 с.

Социологические вопросы развития коллективов предприятий : респ. конф., Минск, 15–16 окт. 1970 г. : тез. докл. / под общ. ред. Г. П. Давидюка [и др.]. – Минск, 1970. – 135 с.

Структура советской интеллигенции : [по материалам БССР] / К. П. Буслов [и др.]. – Минск : Наука и техника, 1970. – 220 с.

Теория, преобразующая мир: в помощь изучающим марксизм-ленинизм : сб. ст. / Н. Акимов [и др.] ; под общ. ред. Я. И. Качана [и др.]. – Минск : Беларусь, 1970. – 331 с.

Уваров, В. П. Идеология современного реформизма : крит. очерк / В. Уваров, Г. П. Давидюк. – Минск : Выш. шк., 1970. – 316 с.

1971

Беседы о природе и обществе : пособие / М. Я. Резников [и др.] ; под общ. ред. Е. М. Бабосова [и др.]. – 2-е изд., доп. и перераб. – Минск : Выш. шк., 1971. – 207 с.

Давидюк, Г. П. Роль и место социального планирования в развитии производства и совершенствования общественных отношений / Г. П. Давидюк. – Минск, 1971. – 23 с.

Проблемы социальной структуры села / Р. И. Блихарж [и др.] // Изменение социальной структуры социалистического общества : материалы II Всесоюз. науч. конф., Свердловск / под. ред. З. И. Монич. – Минск, 1971. – 197 с.

1972

Давидюк, Г. П. Проблема «массовой культуры» и «массовых коммуникаций» / Г. П. Давидюк, В. С. Бобровский. – Минск : Наука и техника, 1972. – 201 с.

Научно-технический прогресс и социальные изменения на селе : [на материалах БССР] / Г. П. Давидюк [авт. предисл.] [и др.]. – Минск : Наука и техника, 1972. – 271 с.

Перспективное планирование социального развития производственных коллективов : сб. ст. / под ред. Г. П. Давидюка [и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск, 1972. – 195 с.

Фридрих Энгельс и современная идеологическая борьба : материалы науч. сессии, посвящ. 150-летию со дня рождения Ф. Энгельса, Минск, 11–13 нояб. 1970 г. / В. Я. Аболтин [и др.] ; редкол.: М. Б. Минтин [и др.]. – Минск : Наука и техника, 1972. – 254 с.

1973

Писаренко, И. Я. Социальное планирование в первичном коллективе / И. Я. Писаренко, Г. П. Давидюк. – Минск : Беларусь, 1973. – 141 с.

Примерный учебно-тематический план и программа для народных университетов по вопросам критики политики и идеологии современного империализма / редкол.: В. П. Васин [и др.]. – Минск, 1973. – 23 с.

Социальный план и его реализация в производственном коллективе : Мин. гор. науч.-практ. конф., Минск, 6 марта 1973 г. : тез. докл. и выступлений / под ред. Г. П. Давидюка [и др.] ; Науч.-исслед. ин-т науч.-техн. информ. и техн.-экон. исслед. Госплана БССР, Ин-т философии и права АН БССР. – Минск : БелНИИНТИ, 1973. – 51 с.

1974

Актуальные проблемы социального планирования в производственном коллективе : науч.-практ. конф., Минск, 20 нояб. 1974 г. : тез. докл. / под общ. ред. Г. П. Давидюка [и др.]. – Минск : БГУ, 1974. – 47 с.

Соревнование и проблемы социального управления / под общ. ред. Г. П. Давидюка [и др.]. – Минск : Беларусь, 1974. – 173 с.

1975

Давидюк, Г. П. Введение в прикладную социологию : учеб. пособие / Г. П. Давидюк. – Минск : Выш. шк., 1975. – 199 с.

Ленинский план построения социализма и его осуществления в СССР : Всесоюз. науч. конф. : сб. материалов / Н. Н. Акимов [и др.] ; редкол.: В. М. Сикорский [и др.]. – Минск : БГУ, 1975. – 303 с.

Методические рекомендации по разработке комплексного плана экономического и социального развития Минска на 1976–1980 гг. / под общ. ред. Г. П. Давидюка [и др.]. – Минск : Выш. шк., 1975. – 503 с.

Проблемы научного управления производственным коллективом : науч.-практ. конф. : тез. докл. / под общ. ред. Г. П. Давидюка, А. П. Кацевой. – Могилев, 1975. – 36 с.

1976

Вопросы повышения эффективности идейно-воспитательной работы в производственном коллективе : сб. ст. / В. Л. Бедуля [и др.] ; ред.-сост.: В. Н. Семеньков. – Минск : Беларусь, 1976. – 398 с.

Давидюк, Г. П. Несостоятельность буржуазных концепций исчезновения классов и классовых антогонистов в условиях современного капитализма / Г. П. Давидюк, Т. М. Алпеева. – Минск : Знание, 1976. – 19 с.

Социальный эффект соревнования : науч.-попул. очерк / общ. ред. Г. П. Давидюка, И. Я. Писаренко. – Минск : Беларусь, 1976. – 95 с.

1977

Давидюк, Г. П. Два мира – два образа жизни / Г. П. Давидюк. – Минск : Знание, 1977. – 21 с.

Круталевич, В. А. Формирование сельского поселения нового типа / В. А. Круталевич / под ред. Г. П. Давидюка. – Минск : Наука и техника, 1977. – 240 с.

Методологические основы социального управления / под ред. Н. А. Аитова [и др.]. – Минск : БГУ, 1977. – 239 с.

Студенческий научный поиск : сб. студ. работ, отмеч. на VI Всесоюз. конкурсе студ. науч. работ по обществ. наукам 1976 г. / Г. П. Давидюк [и др.] ; М-во высш. и сред. спец. образования БССР. – Минск : БГУ, 1977. – 171 с.

1978

Антонюк, Г. А. Социальное проектирование (некоторые методологические аспекты) / Г. А. Антонюк ; под ред. Г. П. Давидюка. – Минск : Наука и техника, 1978. – 125 с.

Давидюк, Г. П. Несостоятельность буржуазных концепций «общества нового типа» / Г. П. Давидюк, Л. Г. Титаренко. – Минск, 1978. – 20 с.

Проблемы формирования потребностей человека в условиях развитого социализма / Г. П. Давидюк [и др.]. – Минск : Беларусь, 1978. – 207 с.

Развитие актуальных проблем марксистско-ленинской философии в свете решений XXV съезда КПСС и содержания новой Конституции СССР :

материалы Респ. науч.-теорет. конф., Гомель, 24–25 окт. 1978 г. / отв. ред. В. Н. Калмыков, Г. П. Давидюк. – Гомель : ГГУ, 1978. – 195 с.

Студент и его деятельность / И. Я. Писаренко [и др.] ; под ред. Г. П. Давидюка [и др.]. – Минск : БГУ, 1978. – 157 с.

1979

Давидюк, Г. П. Прикладная социология / Г. П. Давидюк. – Минск : Высш. шк., 1979. – 220 с.

Комплексный подход к идейно-нравственному воспитанию : сб. ст. / под общ. ред. Г. П. Давидюка, И. Я. Писаренко. – Минск : БГУ, 1979. – 184 с.

Современный антикоммунизм: критика новейших течений : сб. ст. / И. И. Антонович [и др.] ; под ред. И. И. Антоновича [и др.]. – Минск : БГУ, 1979. – 167 с.

1980

Коммунистический идеал и советский образ жизни // Роль коммунистического идеала в развитии социалистического образа жизни : материалы науч. конф. / редкол.: Г. П. Давидюк [и др.]. – Минск : Беларусь, 1980. – 206 с.

Первичный производственный коллектив: формирование, управление, эффективность : сб. ст. / АН СССР, Ин-т социол. исслед. / под ред. Г. П. Давидюка [и др.]. – М. : ИСИ, 1980. – 181 с.

1981

Классовый подход к формированию и удовлетворению социальных потребностей / под ред. Г. П. Давидюка, И. Я. Писаренко. – Минск : БГУ, 1981. – 238 с.

Практикум по курсу «Марксистско-ленинская философия» / сост. Г. П. Давидюк, Г. Н. Соколова. – Минск, 1981. – 36 с.

Социально-экономические проблемы больших городов и пути их решения : материалы творч. встречи, Минск, 2–4 июня 1980 г. / А. С. Артемьев [и др.]. – Минск : БелНИИП градостроительства, 1981. – 136 с.

1983

Бегун, В. Я. Рассказы о «детях вдовы»: разоблачение антикоммунистической и антисоветской деятельности масонских лож / В. Я. Бегун ; науч. ред. Г. П. Давидюк. – Минск : Наука и техника, 1983. – 112 с.

Единство обучения и воспитания: опыт и проблемы повышения ответственности партийной учебы / Л. Н. Бильдейко [и др.] ; сост. С. Ф. Дубенецкий. – Минск : Беларусь, 1983. – 191 с.

С классовых позиций: методологические вопросы оценки социальных явлений / Г. П. Давидюк [и др.]. – Минск : Беларусь, 1983. – 124 с.

1984

Давидюк, Г. П. Лекция – острое оружие в идеологической борьбе / Г. П. Давидюк. – Минск : Знание, 1984. – 21 с.

Преимущества советского образа жизни: методология исследования и методика пропаганды / А. И. Жильский [и др.]. – Минск : Беларусь, 1984. – 222 с.

Шульга, К. В. Словарь прикладной социологии / сост. К. В. Шульга ; редкол.: Г. П. Давидюк [и др.]. – Минск : Университетское, 1984. – 317 с.

1985

Формирование общественно-политической активности студентов вузов / В. А. Дунаев [и др.] ; под ред. Г. П. Давидюка [и др.]. – Минск : Университетское, 1985. – 144 с.

1986

Бегун, В. Я. Рассказы о «детях вдовы»: критический анализ франкоманства / В. Бегун ; науч. ред. Г. П. Давидюк. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Наука и техника, 1986. – 139 с.

Эффективность средств массовой информации / Е. М. Бабосов [и др.] ; под ред. Г. П. Давидюка, В. С. Коробейникова. – Минск : Наука и техника, 1986. – 157 с.

1989

Проблемы развития национальных отношений, интернационального и патриотического воспитания : материалы науч.-практ. конф., Брест, 5–6 окт. 1989 г. / Е. М. Бабосов [и др.] ; редкол.: В. Н. Братухин [и др.]. – Брест, 1989. – 48 с.

1991

Взаимодействие средств массовой информации, народа и института власти в процессе демократизации : материалы междунар. colloquium,

Минск, 27–30 нояб. 1991 г. : / А. Алексеев [и др.]. – Минск : БГУ, 1991. – 150 с.

Социологический словарь / сост.: А. Н. Елсуков [и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Университетское, 1991. – 528 с.

1992

Литвинчук, В. А. Там, за Днепро-Бугом: о партизанских отрядах Пинского и Брестского соединений / В. А. Литвинчук ; рец. Г. П. Давидюк ; под ред. Н. С. Ярмошевича. – Брест : Брестпечать, 1992. – 261 с.

1993

История социологии : учеб. пособие / А. Н. Елсуков [и др.] ; под общ. ред. А. Н. Елсукова [и др.]. – Минск : Выш. шк., 1993. – 318 с.

1997

История социологии : учеб. пособие / А. Н. Елсуков [и др.] ; под общ. ред. А. Н. Елсукова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Выш. шк., 1997. – 380 с.

**НАУЧНЫЕ СТАТЬИ В СБОРНИКАХ,
ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ,
ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ, РЕЦЕНЗИИ**

1959

Давідзюк, Г. Крызыс сучаснай буржуазнай ідэалогіі / Г. Давідзюк // Камуніст Беларусі. – 1959. – № 11. – С. 43–50.

1960

Давідзюк, Г. Адзіна навуковы, самы паслядоўны атэізм / Г. Давідзюк // Зара. – 1960. – 16 лістап.

Давідзюк, Г. Навука і рэлігія аб прадбачанні / Г. Давідзюк // Віцеб. раб. бочы. – 1960. – 10 чэрв.

1961

Давідзюк, Г. Лектар і жыццё: аб якасці лекцыйнай прапаганды / Г. Давідзюк // Звязда. – 1961. – 19 ліп.

Давідзюк, Г. Навуковае перакананне і рэлігійная вера / Г. Давідзюк // Гродзен. праўда. – 1961. – 17 сак.

Давідзюк, Г. Нарастае хваля класавых бітваў у краінах капіталу: у дапамогу вывучаючым матэрыялы Маскоўскай нарады прадстаўнікоў камуністычных і рабочых партый / Г. Давідзюк // Калгас. праўда. – 1961. – 10 лют.

Давідзюк, Г. Урокі гісторыі: да 20-годдзя дня пачатку Вялікай Айчыннай вайны / Г. Давідзюк // Калгас. праўда. – 1961. – 20 чэрв.

1962

Давідзюк, Г. Востраў кантрастаў: уражанні аб паездцы ў Англію / Г. Давідзюк // Звязда. – 1962. – 14 кастр.

1963

Давідзюк, Г. П. Карыснае даследаванне / Г. П. Давідзюк, Д. І. Шыраканаў // Вес. Акад. навук БССР. Сер. грамад. навук. – 1963. – № 4. – С. 129–132. – Рэц. на кн.: Буслов, К. Проблемы социального прогресса в трудах В. И. Ленина (1917–1923 гг.) / К. Буслов ; Акад. наук БССР. – Минск, 1963.

Давидюк, Г. Коммунизм и религия – несовместимы / Г. Давідзюк // Сел. газ. – 1963. – 15 февр.

Давидюк, Г. Так кто же устарел? Жалкие потуги апологетов империализма / Г. Давидюк // Совет. Белоруссия. – 1963. – 12 сент.

Давидюк, Г. Что такое мировоззрение? / Г. Давидюк // Сел. газ. – 1963. – 15 каст.

1964

Давидюк, Г. На маскараде апологетов империализма : [к теории «единого индустриального общества»] / Г. Давидюк // Совет. Белоруссия. – 1964. – 28 авг. – С. 2–3.

1965

Давидюк, Г. Дорога в новую жизнь: о прошлом и настоящем села Саская Липка Несвижского района / Г. Давидюк, Я. Рывкин // Совет. Белоруссия. – 1965. – 23 июля. – С. 2.

Давидюк, Г. Кризис современной буржуазной социологии / Г. Давидюк // Коммунист Белоруссии. – 1965. – № 8. – С. 69–73.

Давидюк, Г. Творец истории – народ / Г. Давидюк // Сел. газ. – 1965. – 5 марта.

Степанов, В. Католицизм и наука несовместимы / В. Степанов, Г. Давидюк // Коммунист Белоруссии. – 1965. – № 2. – С. 73–75. – Рец. на кн.: Бабосов, Е. М. Современный католицизм и наука / Е. М. Бабосов. – Минск, 1964.

1967

Давідзюк, Г. Гнасеалагічныя карэнні тэорыі «адзінага індустрыяльнага грамадства» / Г. Давідзюк // Вес. АН БССР. Сер. грамад. навук. – 1967. – № 1. – С. 123–129.

Давидюк, Г. Идеологическая борьба и борьба классов в современном мире / Г. Давидюк // Коммунист Белоруссии. – 1967. – № 10. – С. 62–67.

1968

Давидюк, Г. Новые уловки критиков марксизма / Г. Давидюк // Коммунист Белоруссии. – 1968. – № 6. – С. 60–63.

1969

Давідзюк, Г. Метадалагічныя асновы тэорыі «адзінага індустрыяльнага грамадства» / Г. Давідзюк // Вес. Акад. навук БССР. Сер. грамад. навук. – 1967. – № 3. – С. 123–129.

Давидюк, Г. Мулла и НАТО : [Турция. Путевые заметки] / Г. Давидюк // Совет. Белоруссия. – 1969. – 2 дек. – С. 3.

Давидюк, Г. Новоявленный пророк: идеолог империализма Г. Маркузе / Г. Давидюк // Совет. Белоруссия. – 1969. – 12 февр. – С. 2–3.

Давидюк, Г. Человек – коллектив – труд: об опыте работы механизированного звена В. И. Ломского. Колхоз «17 сентября» Несвижского р-на / Г. Давидюк // Сел. газ. – 1969. – 26 сент.

1970

Давідзюк, Г. П. У. І. Ленін аб дзвюх ідэялогіях / Г. І. Давідзюк // Вес. Акад. навук БССР. Сер. грамад. навук. – 1970. – № 4. – С. 13–20.

Давидюк, Г. Роль и место социального планирования в развитии производства и совершенствовании социалистических общественных отношений / Г. Давидюк, Л. Дмитрук // Коммунист Белоруссии. – 1970. – № 6. – С. 80–88.

Давидюк, Г. Социология и жизнь: некоторые вопросы дальнейшего развития социологических исследований / Г. Давидюк // Коммунист Белоруссии. – 1970. – № 8. – С. 36–40.

1971

Давідзюк, Г. Сацыяльныя грані [дзевятай] пяцігодкі / Г. Давідзюк // Звязда. – 1971. – 8 чэрв. – С. 2–3.

Давидюк, Г. П. Важные факторы : [об атеист. работе Ин-та философии и права АН Белорус. ССР] / Г. П. Давидюк, Р. В. Гребенников // Людина і світ. – 1971. – № 10. – С. 8–10.

Давидюк, Г. П. Все о человеке : [о развитии социол. науки в Белоруссии : беседа с зав. сектором социологии Ин-та философии и права АН БССР проф. Г. П. Давидюком] / Г. П. Давидюк ; записал В. Перзашкевич // Знамя юности. – 1971. – 27 окт.

Давидюк, Г. Разоблачение бесплодной попытки / Г. Давидюк // Коммунист Белоруссии. – 1971. – № 1. – С. 72–74. – Рец. на кн.: Бабосов, Е. М. Тейярдизм: попытка синтеза науки и христианства / Е. М. Бабосов. – Минск : Выш. шк., 1970. – 263 с.

Давидюк, Г. [Рецензия] / Г. Давидюк, Р. Гребенников // Коммунист Белоруссии. – 1972. – № 6. – С. 75–77. – Рец. на кн.: Шкурко, В. Н. Проблемы формирования всесторонне развитой личности колхозника / В. Н. Шкурко. – Минск : Наука и техника, 1971. – 258 с.

1972

Давідзюк, Г. П. У. І. Ленін аб канкрэтна-сацыялагічным метадае даследаванняў / Г. П. Давідзюк // Вес. Акад. навук БССР. Сер. грамад. навук. – 1972. – № 3. – С. 23–30.

Давидюк, Г. Исследование проблем советской семьи / Г. Давидюк, Л. Филюкова // Коммунист Белоруссии. – 1972. – № 3. – С. 76–77. – Рец. на кн.: Юркевич, Н. Г. Советская семья / Н. Г. Юркевич. – Минск : БГУ, 1970. – 207 с.

Давидюк, Г. Социальное планирование: задачи и проблемы / Г. Давидюк // Пром-сть Белоруссии. – 1972. – № 10. – С. 59–61.

Давидюк, Г. П. [Рецензия] // Весн. Беларус. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Навуковы камунізм. Эканоміка. Права. – 1974. – № 1. – С. 76–77. – Рец. на кн.: Агафонов, В. П. Некоторые вопросы некапиталистического пути развития освободившихся стран / В. П. Агафонов. – М. : Высш. шк., 1972. – 120 с.

1973

Гребеннікаў, Р. В. Актуальнае навуковае даследаванне / Р. В. Гребеннікаў, Г. П. Давідзюк // Вес. Акад. навук БССР. Сер. грамад. навук. –

1973. – № 1. – С. 149–152. – Рец. на кн.: Чагин, Б. А. Очерк истории социологической мысли в СССР (1917–1969) / Б. А. Чагин. – Л. : Наука, 1971. – 244 с.

Давідзюк, Г. Дзейнасць сацыяльнага планавання / Г. Давідзюк // Звязда. – 1973. – 6 сак. – С. 2.

Давидюк, Г. Анатомия социальных парадоксов / Г. Давидюк // Коммунист Белоруссии. – 1974. – № 8. – С. 90–93. – Рец. на кн.: Антонович, И. И. По диктату монополий / И. И. Антонович. – Минск : Беларусь, 1973. – 140 с.

1974

Давидюк, Г. П. [Рецензия] / Г. П. Давидюк, А. Н. Елсуков // Вестн. высш. шк. – 1974. – № 10. – С. 71–73. – Рец на кн.: Диалектический материализм : учеб. пособие / под ред. проф. А. П. Шектулина. – М. : Высш. шк., 1974. – 328 с.

1975

Давидюк, Г. П. Некоторые проблемы научной организации социалистического соревнования в условиях научно-технической революции / Г. П. Давидюк, Э. Г. Ротман // Экономические и правовые вопросы совершенствования организации социалистического соревнования : Всесоюз. семинар : тез. докл. – Донецк, 1975. – С. 65–68.

Давидюк, Г. П. [Рецензия] / Г. П. Давидюк // Весн. Беларус. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Навуковы камунізм. Эканоміка. Права. – 1975. – №1. – С. 83. – Рец. на кн.: Kiezun, W. Organizacja pracy własnej dyrektora / W. Kiezun. – Warszawa, 1971. – 185 s.

1976

Давідзюк, Г. На службе будаўніцтва камунізма : [аб сацыял. даслед. у рэсп.] / Г. Давідзюк // Нар. асвета. – 1976. – № 1. – С. 36–41.

Давідзюк, Г. Сацыяльнае кіраванне: праблемы і перспектывы / Г. Давідзюк // Польша. – 1976. – № 5. – С. 187–197.

Давидюк, Г. П. Организация социологических исследований для составления плана социально-экономического развития города / Г. П. Давидюк, С. А. Шавель // Региональное социальное планирование : тез. докл. конф. / под ред. проф. Н. А. Аитова. – Уфа, 1976. – С. 139–142.

Давидюк, Г. П. Преодоление социальных различий по характеру труда в плане социального развития города / Г. П. Давидюк, С. А. Шавель // Ре-

гиональное социальное планирование : тез. докл. конф. / под ред. проф. Н. А. Аитова. – Уфа, 1976. – С. 34–39.

Давидюк, Г. П. [Рецензия] / Г. П. Давидюк, В. Гамов // Социол. исслед. – 1976. – № 3. – С. 228–229. – Рец. на кн.: Рабочий класс в структуре сельского населения / З. И. Монич [и др.]. – Минск : Наука и техника, 1975. – 199 с.

Давидюк, Г. Социология сегодня и завтра / Г. Давидюк // Совет. Белоруссия. – 1976. – 8 июля. – С. 2.

1977

Давідзюк, Г. Сацыялогія на службе пяцігодцы / Г. Давідзюк // Звязда. – 1977. – 29 студз. – С. 2.

Давидюк, Г. Диалектика образа жизни коллектива и личности / Г. Давидюк // Коммунист Белоруссии. – 1977. – № 5. – С. 64–71.

Давидюк, Г. [Рецензия] / Г. Давидюк, Л. Гуцаленко // Коммунист Белоруссии. – 1977. – № 4. – С. 88–90. – Рец. на кн.: Гусев, А. Д. Два мира – две социальные политики / А. Д. Гусев. – Минск : БГУ, 1975. – 176 с.

Давидюк, Г. П. Подготовка социологических кадров в вузах Белоруссии / Г. П. Давидюк // Социол. исслед. – 1977. – № 3. – С. 186–189.

1978

Давідзюк, Г. Настаўнік і настаўніцтва / Г. Давідзюк // Звязда. – 1978. – 23 жн. – С. 2.

Давідзюк, Г. Чалавек і НТР / Г. Давідзюк // Полымя. – 1978. – № 5. – С. 248–251. – Рэц. на кн.: Бабосов, Е. М. Социальные аспекты научно-технической революции / Е. М. Бабосов. – Минск : БГУ, 1976. – 477 с.

Давидюк, Г. П. Изменение социально-классовой структуры республики : [к 60-летию БССР и КП Белоруссии] / Г. П. Давидюк // Весн. Беларус. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Навуковы камунізм. Эканоміка. Права. – 1978. – № 3. – С. 16–20.

1979

Давідзюк, Г. П. Ці шмат чалавеку трэба? Дыялогі аб маралі / Г. П. Давідзюк, А. Шаўня // Беларусь. – 1979. – № 8. – С. 10–12.

Давидюк, Г. Социолог на заводе / Г. Давидюк // Совет. Белоруссия. – 1979. – 4 мая. – С. 2.

Давидюк, Г. П. XXV съезд КПСС о совершенствовании идейно-нравственного воспитания в условиях развитого социализма / Г. П. Давидюк // Комплексный подход к идейно-нравственному воспитанию. – Минск, 1979. – С. 6–15.

Давидюк, Г. П. Проблема потребностей: сегодня и завтра / Г. П. Давидюк, Л. Гуцаленко // Коммунист Белоруссии. – 1980. – № 6. – С. 91–96. – Рец. на кн.: Гребенников, Р. В. Потребности личности: программно-целевой подход: методологические вопросы взаимосвязи потребностей и планирования / Р. В. Гребенников. – Минск : Беларусь, 1978. – 222 с.

1980

Давидзюк, Г. П. Этнічныя аспекты савецкага спосабу жыцця / Г. П. Давидзюк // Вес. Акад. навук БССР. Сер. грамад. навук. – 1982. – № 2. – С. 120–122. – Рец. на кн.: Этнические процессы и образ жизни: на материалах исслед. населения городов БССР / ред. В. К. Бондарчик. – Минск : Наука и техника, 1980. – 277 с.

Давидюк, Г. П. Проблема потребностей: сегодня и завтра / Г. П. Давидюк, Л. Гуцаленко // Коммунист Белоруссии. – 1980. – № 6. – С. 91–96. – Рец. на кн.: Калмыков, В. Н. Социалистический образ жизни: новые качества личности / В. Н. Калмыков. – Минск : БГУ, 1979. – 192 с.

Давидюк, Г. П. Проблема потребностей: сегодня и завтра / Г. П. Давидюк, Л. Гуцаленко // Коммунист Белоруссии. – 1980. – № 6. – С. 91–96. – Рец. на кн.: Клесова, Э. В. Природа и человек : филос. очерк / Э. В. Клесова. – Минск : БГУ, 1979. – 173 с.

Давидюк, Г. П. Проблема потребностей: сегодня и завтра / Г. П. Давидюк, Л. Гуцаленко // Коммунист Белоруссии. – 1980. – № 6. – С. 91–96. – Рец. на кн.: Процкая, Д. Г. Социалистический образ жизни и формирование нового человека / Д. Г. Процкая. – Минск : БГУ, 1978. – 141 с.

Давидюк, Г. П. Проблема потребностей: сегодня и завтра / Г. П. Давидюк, Л. Гуцаленко // Коммунист Белоруссии. – 1980. – № 6. – С. 91–96. – Рец. на кн.: Рудковский, Э. И. Свобода и ответственность личности / Э. И. Рудковский. – Минск : БГУ, 1979. – 150 с.

Давидюк, Г. П. [Рецензия] / Г. П. Давидюк, Ж. М. Грищенко // Весн. Беларус. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Навуковы камунізм. Эканоміка. Права. – 1980. – № 2. – С. 7. – Рец. на кн.: Stollberg, R. Arbeitssoziologie. – Berlin : Verlag Die Wirtschaft, 1978. – 262 s.

1981

Давидзюк, Г. 3 класавых пазіцый / Г. Давідзюк // *Полымя*. – 1983. – № 1. – С. 217–221. – Рец. на кн.: Антонович, И. И. Буржуазная социологическая теория: критический очерк основных направлений, концепций, категорий : в 2 ч. / И. И. Антонович. – Минск : Выш. шк., 1981. – Ч. 2 : Диалектика кризиса. – 318 с.

Давидюк, Г. П. О проблемах подготовки кадров социологов: модель выпускаемого специалиста как основа разработки учебного плана социологического факультета / Г. П. Давидюк // *Весн. Беларус. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Навуковы камунізм. Эканоміка. Права*. – 1981. – № 2. – С. 32–35.

1982

Давидюк, Г. П. Роль социолога в развитии общества / Г. П. Давидюк // *Социальные и экономические аспекты повышения эффективности советской науки*. – М., 1982. – С. 40–41.

1983

Давидзюк, Г. Творца самай прагрэсіўнай тэорыі : [да 165-годдзя з дня нараджэння і 100-годдзя з дня смерці К. Маркса] // *Полымя*. – 1983. – № 4. – С. 149–157.

1984

Давидюк, Г. П. Классовый подход к пропаганде советского образа жизни / Г. П. Давидюк // *Преимущества советского образа жизни*. – Минск, 1984. – С. 28–33.

Давидюк, Г. П. [Рецензия] / Г. П. Давидюк // *Весн. Беларус. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Навуковы камунізм. Эканоміка. Права*. – 1983. – № 1. – С. 75. – Рец. на кн.: Стокяло, В. А. Критика фальсификации католическими идеологами исторического материализма / В. А. Стокяло. – Киев ; Одесса : Вищ. шк., 1980. – 215 с.

Давидюк, Г. П. [Рецензия] / Г. П. Давидюк, О. Т. Манаев // *Весн. Беларус. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Навуковы камунізм. Эканоміка. Права*. – 1984. – № 1. – С. 72. – Рец. на кн.: Массовая коммуникация в социалистическом обществе : сб. ст. / под ред. А. В. Дмитриева [и др.]. – Л. : Наука, 1979. – 243 с.

Давидюк, Г. П. [Рецензия] / Г. П. Давидюк, О. Т. Манаев // *Весн. Беларус. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Навуковы камунізм. Эканоміка*.

Права. – 1984. – № 1. – С. 72. – Рец. на кн.: Человек социалистического общества и процессы массовой коммуникации : советско-венгерские исследования : в 4-х т. / отв. ред. Б. М. Фирсов, Т. Сечке. – Будапешт, – Л., 1979 – 1982.

Давидюк, Г. П. Социологические исследования эффективности идеологической работы: проблемы и перспективы / Г. П. Давидюк, О. Т. Манаев, Д. Г. Ротман // Весн. Беларус. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Навуковы камунізм. Эканоміка. Права. – 1984. – № 2. – С. 38–40.

1985

Давидюк, Г. П. Место социальных потребностей в системе потребностей / Г. П. Давидюк // Методологические проблемы исследования социальных потребностей. – М., 1985. – С. 19–22.

Давидюк, Г. П. [Рецензия] / Г. П. Давидюк // Весн. Беларус. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Навуковы камунізм. Эканоміка. Права. – 1985. – № 3. – С. 79. – Рец. на кн.: Платонов, Р. П. Контрпропаганда – высокую действенность: из опыта идеологической работы КП Белоруссии / Р. П. Платонов, А. А. Дмитрук. – Минск : Беларусь, 1984. – 93 с.

1987

Давидюк, Г. Высшая школа: время перемен / Г. Давидюк // Коммунист Белоруссии. – 1987. – № 7. – С. 62–69.

1988

Давидюк, Г. Гуманистическое обновление? Да!: о развитии философии в республике / Г. Давидюк // Коммунист Белоруссии. – 1988. – № 7. – С. 18–23.

Давидюк, Г. Революция в революции: об осмыслении исторического развития СССР / Г. Давидюк // Неман. – 1988. – № 10. – С. 107–116.

1989

Давидюк, Г. П. Суверенитет и суверенность / Г. П. Давидюк // Неман. – 1989. – № 9. – С. 118–124.

1991

Давидюк, Г. Декларация есть. А суверенитет БССР? / Г. Давидюк // Неман. – 1991. – № 2. – С. 187–192.

1992

Давидюк, Г. П. Веберовский рационализм и перестройка / Г. П. Давидюк // Новое мышление и проблемы преподавания социально-гуманитарных наук. – Минск, 1992. – С. 17–19.

2009

Давидюк, Г. П. Беларусь: в муках, страданиях родилась социология / Г. П. Давидюк // Кафедре социологии БГУ – 20 лет : 1989–2009 : сб. науч. тр. – Минск : БГУ, 2009. – С. 14–22.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

5 июля 1923 г. – родился в д. Камень-Шляхетский Кобринского повета Полесского воеводства II Польской республики.

1937 г. – окончил польскую начальную школу.

1942–1944 гг. – воевал на Полесье в составе партизанского отряда им. Н. Т. Шиша.

1945 г. – демобилизовался и вернулся к родителям в г. Брест.

1945–1949 гг. – работал в Брестском облуправлении трудорезервов.

1949 г. – женился на Клавдии Степановне Дроздовой.

1949–1950 гг. – работал заведующим отделом культпросветучреждений Брестского горисполкома.

1950 г. – родился сын Петр.

1950 г. – окончил вечернюю среднюю школу в г. Бресте.

1950–1952 гг. – учился в Минском государственном педагогическом институте имени Максима Горького по специальности «преподаватель истории средней школы» (окончил экстерном) и прошел двухгодичное обучение в Республиканской партийной школе по специальности «партработник».

1952–1955 гг. – работал лектором, а с 1954 г. – руководителем лекторской группы Брестского обкома КПБ.

1955–1959 гг. – учился в Москве в аспирантуре Академии общественных наук при ЦК КПСС на философском отделении.

1959 г. – защитил диссертацию на соискание степени кандидата философских наук «Основные черты современного ревизионизма».

1959–1962 гг. – работал лектором ЦК КПБ в Минской высшей партийной школе (бывшая Республиканская партийная школа).

1960 г. – родилась дочь Елена.

1961 г. – опубликовал монографию «Основные черты современного ревизионизма».

1962 г. – решением ВАК утвержден в ученом звании доцента по кафедре диалектического и исторического материализма в Минской высшей партийной школе.

1962–1968 гг. – стал заведующим сектором исторического материализма Института философии АН БССР.

1965 г. – решением Президиума АН БССР утвержден в ученом звании старшего научного сотрудника по специальности «история философии».

1967 г. – награжден Грамотой Верховного Совета БССР и медалью «За трудовое отличие».

1968 г. – опубликовал монографию «Критика теории “единого индустриального общества”».

1968–1973 гг. – стал заведующим сектором социальных исследований Института философии АН БССР (в 1970 г. сектор преобразован в отдел социологических исследований).

1969 г. – защитил диссертацию на соискание степени доктора философских наук «Критика теории “единого индустриального общества”».

1969–1973 гг. – читал лекции по социологии студентам философского отделения БГУ на условиях совместительства.

1970 г. – решением ВАК присвоено ученое звание профессора по специальности «диалектический и исторический материализм».

1972 г. – награжден Почетной грамотой Верховного Совета БССР, вошел в состав Президиума Правления Советской социологической ассоциации.

1973–1981 гг. – стал заведующим кафедрой марксистско-ленинской философии гуманитарных факультетов БГУ.

1974–1976 и 1981–1986 гг. – стал заведующим Проблемной научно-исследовательской лаборатории социологических исследований (ПНИЛСИ) БГУ.

1974 г. – усилиями Г. П. Давидюка при кафедре марксистско-ленинской философии гуманитарных факультетов БГУ создан сектор прикладной социологии (СПС), проводящий социологические исследования на хозяйственной основе, а также впервые в республике открыта социологическая специализация на философском отделении исторического факультета БГУ.

1975 г. – издал учебник «Введение в прикладную социологию».

1976 г. – возглавил созданное по собственной инициативе Белорусское отделение Советской социологической ассоциации.

1978 г. – награжден второй Почетной грамотой Верховного Совета БССР.

1979 г. – издал учебник «Прикладная социология».

1983 г. – награжден Почетной грамотой Министерства высшего и среднего специального образования БССР и значком «За отличные успехи в работе» в области высшего образования БССР.

1984 г. – награжден медалью «Ветеран труда» и орденом Отечественной войны I степени.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1984 г. – под руководством ученого издан первый в СССР «Словарь прикладной социологии».

1986–1987 гг. – работал старшим научным сотрудником сектора проблем студенческой молодежи ПНИЛСИ БГУ.

1987–1992 гг. – работал в должности профессора кафедры марксистско-ленинской философии Института повышения квалификации БГУ.

1991–1995 гг. – работал в должности профессора кафедры социологии БГУ.

1996 г. – вышел на пенсию по возрасту.

2008 г. – награжден Грамотой БГУ.

2010 г. – удостоен почетного звания «Заслуженный работник Белорусского государственного университета».

10 ноября 2020 г. – умер в г. Заславле Минской области. Похоронен на кладбище д. Захаричи Минской области.

СОДЕРЖАНИЕ

MEMORIA ET GLORIA	3
ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ВОИН, УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ	7
<i>Напусевич С. В.</i> Основоположник социологической науки в Беларуси	9
<i>Нордман Э. Б.</i> Другая война	19
<i>Литвинчук В. А.</i> В бой вступила рота Давидюка	20
<i>Тощенко Ж. Т.</i> О Г. П. Давидюке	27
<i>Шавель С. А.</i> Родоначальник белорусской прикладной социологии	28
ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ	
Г. П. ДАВИДЮКА	33
Беларусь: в муках, страданиях родилась социология.....	35
Предмет и структура социологической науки. «Круглый стол» журнала «Социологические исследования».....	59
Социология сегодня и завтра.....	82
Подготовка социологических кадров в вузах Белоруссии.....	85
Настаўнік і настаўніцтва. На каго падобны вучань	90
Социолог на заводе.....	93
О проблемах подготовки кадров социологов	96
Высшая школа: время перемен	101
Проблемной научно-исследовательской лаборатории социологических исследований Белорусского государственного университета – 30 лет: круглый стол.....	111

В ПАМЯТЬ О Г. П. ДАВИДЮКЕ	129
Динамизм и оптимизм – жизненное кредо профессора Г. П. Давидюка.....	131
<i>Давидюк П. Г. Quo vadis...</i>	147
<i>Бабосов Е. М.</i> Доброе слово о коллеге и друге	151
<i>Антонович И. И.</i> Слово о профессоре Г. П. Давидюке – коллеге и друге.....	153
<i>Волотовский И. Д.</i> О Г. П. Давидюке и его работе с научной молодежью.....	157
<i>Зеленков А. И.</i> Вспоминая Георгия Петровича Давидюка.....	159
<i>Соколова Г. Н.</i> Мэтр уверенный и бескомпромиссный	162
<i>Ротман Д. Г.</i> О Георгии Петровиче Давидюке	164
<i>Бурова С. Н.</i> О Георгии Петровиче Давидюке.....	166
<i>Лимаренко А. П.</i> Решающий вклад в становление ПНИЛСИ внес профессор Г. П. Давидюк.....	169
<i>Злотников А. Г.</i> У истоков институционализации социологии.....	172
<i>Левко А. И.</i> Об основоположнике белорусской социологии Г. П. Давидюке	179
<i>Оржиш В. П.</i> Патриарх белорусской социологии	184
<i>Грищенко Ж. М.</i> Это были лучшие годы работы в науке.....	187
<i>Кочергин В. Я.</i> Незабываемые годы молодости.....	190
<i>Титаренко Л. Г.</i> Знаковая фигура белорусской социологии	193
<i>Лапина С. В.</i> Учились не только профессии, но и жизни.....	195
<i>Рубанов А. В.</i> О Г. П. Давидюке.....	197
<i>Легчилин А. А.</i> Дискуссии о будущем.....	199
<i>Бобр А. М.</i> Профессор Г. П. Давидюк и развитие философского образования в БГУ	202
<i>Андреева И. Н.</i> Случай, решивший мою судьбу	205
<i>Лукашова О. Г.</i> Г. П. Давидюк – создатель Белорусского отделения Советской социологической ассоциации	208
<i>Поваляев С. А.</i> Мы были молоды и вполне амбициозны	211
<i>Волнистая М. Г.</i> «Последний ротный» РИВШ.....	212

НАУЧНАЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	
Г. П. ДАВИДЮКА	217
Литература о жизни и деятельности профессора	
Г. П. Давидюка, рецензии на его труды	219
Научные, учебные и справочные издания, брошюры	
(персональные и в соавторстве)	225
Научные статьи в сборниках, периодических изданиях,	
тезисы докладов, рецензии	232
ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ	
И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	242

Научное издание

Memoria et Gloria

**ПАМЯТЬ И СЛАВА:
ГЕОРГИЙ ПЕТРОВИЧ ДАВИДЮК.
К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ**

Составитель

А. Н. Данилов

Редактор *Ж. В. Запартыко*

Художник обложки *А. А. Рабкевич*

Технический редактор *В. П. Явуз*

Компьютерная верстка *О. Ю. Шантарович*

Корректор *Н. А. Ракуть*

Подписано в печать 12.06.2023.

Формат 70×90/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 14,41 + 1,17 вкл.

Уч.-изд. л. 15,95 + 0,37 вкл.

Тираж 55 экз. Заказ 165.

Белорусский государственный
университет.

Свидетельство о государственной
регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий
№ 1/270 от 03.04.2014.

Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Республиканское унитарное
предприятие «Издательский центр
Белорусского государственного
университета». Свидетельство
о государственной регистрации
издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий
№ 2/63 от 19.03.2014.

Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.